
«Я С ВАМИ ПРИВЫК
К ПЕРЕПИСКЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ...»:
ПИСЬМА Г.В. АДАМОВИЧА В.С. ВАРШАВСКОМУ
(1951–1972)

Предисловие, подготовка текста и комментарии
О.А. Коростелева

Публикуемый ниже корпус писем представляет собой любопытную страничку из истории эмиграции. Вдохновителю «парижской ноты»¹ было о чем поговорить с автором книги «Незамеченное поколение»², несмотря на разницу в возрасте и положении в обществе. Адамович в эмиграции числился среди писателей старшего поколения, или, как определяла это З.Н. Гиппиус, принадлежал к среднему «полупоколению»³, служившему связующим звеном между старшими и младшими. Варшавский — автор определения «незамеченное поколение», в одноименной книге давший его портрет, по которому теперь чаще всего судят об эмигрантской молодежи.

Адамович еще до войны был для Варшавского мэтром и властителем дум, а после войны стал старшим другом. Постоянная переписка началась после того, как оба почти одновременно уехали из Парижа: Адамович отправился преподавать в Манчестер, а Варшавский перебрался в США. Однако именно межвоенная парижская жизнь и недоспоренные на Монпарнасе споры продолжают волновать обоих и занимают в письмах важное место.

Варшавский, как и многие из молодых эмигрантов, принял мироощущение Адамовича, не слишком четко, но убедительно выражаемое в его статьях, как что-то для себя очень важное и насущное. Он и добровольцем на войну пошел, вдохновленный примером Адамовича⁴.

¹ Наиболее подробно о ней см.: Коростелев О.А. «Парижская нота» // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. / Ред.-сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М., 2008. Т. 2. С. 500–552; «Парижская нота»: Материалы и исследования / <Сост. О.А. Коростелев>. Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 3–324.

² Полемика, вспыхнувшая более полувека назад вокруг определения «незамеченное», не затихает до сих пор. Одни полностью отрицают саму возможность использования его в научной литературе, другие, напротив, считают весьма удачным: «Кажется, не сделай он больше ничего, один только его эпитет “незамеченное” мог бы претендовать на вполне состоятельную историческую ценность» («Семь лет»: История издания: Переписка В. Варшавского с Р. Гринбергом / Публ. В. Хазана // Новый журнал. 2010. № 258. С. 180).

³ Антон Крайний. <Гиппиус З.Н.> Почти без слов // Последние новости. 1939. 9 марта. № 6555. С. 3.

⁴ Подробнее см.: Георгий Адамович, русская эмиграция в Париже и Вторая мировая война / Предисл. и примеч. О.А. Коростелева // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1997. № 18 (май). С. 6–7, 13.

Варшавский с первых публикаций привлек Адамовича предельной искренностью в творчестве, честностью перед самим собой и стремлением осмысливать опыт всего поколения. Именно эти черты Адамович прежде всего отметил, отзываясь на одну из первых его серьезных публикаций. И именно эту публикацию Варшавского Адамович выделил особо, рецензируя четвертый номер «Чисел»: «В поисках того, что для “Чисел” характерно, перейдем к другим отделам журнала. Из всего материала, помещенного в них, надо выделить три заметки Бориса Поплавского и любопытнейшие в качестве документа, искренние и серьезные “Рассуждения об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке” В. Варшавского. <...> “Рассуждения” Варшавского об Андрэ Жиде дают ключ к вопросу об увлечении эмигрантской молодежи новой французской литературой. Это увлечение заметно и в “Числах”, поэтому признания Варшавского так интересно читать: он говорит не только за себя, но и за многих своих сверстников»⁵.

Для старших эмигрантов позиция общественника была совершенно естественной и даже банальной — многие из них постоянно выступали в печати от лица групп, партий, поколения, страны и зачастую не могли отделить свой индивидуальный голос от какого-то неопределенного коллектива.

У молодых ситуация была обратной. В силу их эгоцентризма или новых условий, в которых они выросли, говорить от лица поколения мало кто осмеливался. Большинство из них трудно даже представить в роли трибуна, всерьез и со всей ответственностью выступающего в печати или на публике от лица некоего определенного «мы». Но явную разницу в настроениях старших общественников и молодой богемы ощущали все, поэтому желание Варшавского понять собственное поколение, разобраться, что оно собой представляет, было встречено с большим интересом.

По завершении эпохи, уже после войны, Терапиано, пытаясь объяснить это человеку из другого мира, писал В.Ф. Маркову 14 июля 1954 г.: «Мне кажется, сейчас нужно подумать нам о “человеке 50-х” годов, как в свое время мы нашли “человека 30-х” гг. Основным ощущением окончившейся сейчас “парижской ноты” была переоценка прежней, дореволюционной лит<ературной> эпохи и вопрос, как и чем может жить современный человек, прошедший через крушение прежнего мира. Этот человек 30-х годов был уединенным индивидуалистом без Бога, сомневался во всем. А каков человек 50-х гг. — вот главный вопрос»⁶.

Первая заявка на образ «человека 30-х гг.» как раз и была сделана Варшавским в «Числах», а позже это стало главной темой его творчества.

После войны Варшавский, несмотря на то что далеко не во всем разделял позицию Адамовича, чаще всего выступал на его стороне, в 1947 г. вместе с ним (а также Бахрахом, Гингером, Ладинским, Ремизовым, Терапиано и др.) вышел из Союза журналистов в знак протеста против исключения членов, взявших советские паспорта⁷.

⁵ Адамович Г. «Числа». Книга четвертая // Последние новости. 1931. 13 февраля. № 3614. С. 5.

⁶ «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 239.

⁷ См.: Распад Союза журналистов // Русские новости. 1947. 5 декабря. № 131. С. 6.

Адамович платил Варшавскому тем же, защищая его порой даже от друзей. К примеру, 21 ноября 1950 г. Адамович писал Яновскому по поводу книги «Семь дней»: «Насчет Варшавского Вы не правы. Хорошая книга. Я рад не без гордости его успеху. Я, кажется, один отстаивал его, когда все над ним смеялись»⁸. А когда Яновский попробовал нехорошо отозваться о Варшавском, Адамович твердо запретил ему это в письме от 14 марта 1956 г.: «Не пишите мне дурного о Варшавском. Если бы он написал мне дурное о Вас, я сказал бы ему то же самое. Варшавско>го я искренне любил и люблю, а что у него много самолюбия, внезапно и болезненно прорывающегося, и что он может быть не совсем “на высоте”, я знаю, хотя лично этого не испытал. Но кто из нас иной?»⁹

В беллетристическом даре Варшавского Адамович не был уверен с самого начала и видел его предназначение в другом, проницательно полагая, что по-настоящему он проявит себя не на поприще беллетриста. Даже перед самой войной, в 1938 г., когда бывших молодых писателей называли молодыми только по старой памяти, Адамович писал, отзываясь на прозаический отрывок под названием «Амстердам», опубликованный в альманахе «Крут»: «О Варшавском, как о художнике, еще рано судить. У него есть что сказать: это чувствуется сразу. Но если он когда-нибудь выскажется, то, может быть, совсем не на тех “путях”, по которым бредет и чего-то ощупью ищет теперь»¹⁰.

Адамович и после войны неизменно одобрительно откликнулся на книги Варшавского и публикации в периодике¹¹, причем это вовсе не были дежурные дружеские рецензии, критик больше спорил с автором, чем соглашался, однако всегда с неподдельным увлечением и уважением.

Отзываясь на книгу «Семь лет», Адамович подчеркивал: «Повесть исключительно содержательна и исключительно интересна, однако вовсе не в том смысле, в котором определяется порой как “очень интересный” какой-нибудь авантюрный роман. Интерес, ценность и значение повести Варшавского в ее исключительной правдивости, притом правдивости прежде всего психологической. При сколько-нибудь развитом чутье к слогу и стилю у читателя не может с первых же страниц не возникнуть уверенности, что автор ни в чем не лжет, ни к какой рисовке не склонен и ничего не хочет скрыть. Его можно было бы назвать маниаком правдивости»¹².

Последняя рецензия Адамовича, на книгу «Ожидание», была опубликована уже посмертно, и вывод звучал как резюме ко всему творчеству Варшавского: «Ценно, значительно, интересно и как документ психологический и как свидетельство о нашей эпохе»¹³.

⁸ Адамович Г. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публ. и примеч. В. Крейда и В. Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 125.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Адамович Г. Литературные заметки: «Крут». Альманах III. Париж, 1938 // Последние новости. 1938. 17 ноября. № 6444. С. 3.

¹¹ См.: *Он же*. «Семь лет» // Новое русское слово. 1950. 1 октября. № 14037. С. 8; *Он же*. Герои нашего времени // Там же. 1952. 9 ноября. № 14806. С. 8; *Он же*. О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Там же. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

¹² *Он же*. «Семь лет». С. 8.

¹³ *Он же*. Об «Ожидании» Варшавского // Новое русское слово. 1972. 14 мая. № 22615. С. 4; то же: *Он же*. Вл. Варшавский. «Ожидание» // Русская мысль. 1972. 25 мая. № 2896. С. 4.

Письма сохранились в собрании Татьяны Георгиевны Варшавской (г. Ферней-Вольтер, Франция) и ныне находятся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (ф. 54). Публикуются с ее любезного разрешения. Ответные письма Варшавского Адамович не сохранил.

Тексты печатаются по оригиналам в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации (но с сохранением специфических особенностей, отражающих индивидуальную авторскую манеру). Разрядка в письмах дается курсивом, подчеркивания остаются, как в оригиналах. Конъектуры даются в угловых скобках, общепринятые сокращения не раскрываются. Общеизвестные имена, факты и события не комментируются. Общеизвестные иноязычные слова и выражения не переводятся. При подготовке писем к печати учтены примечания Н.А. Богомолова, В.И. Хазана, Р.М. Янгирова.

1

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
28/XII-51

Cher ami Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо. Только Вы сочиняете: не я Вам не ответил, а Вы мне. Впрочем, не ручаюсь. Но я считал, что смолкли Вы. Желаю Вам от души и сердца всяких успехов в этом, т. е. наступающем году. Больше всего — литературных. Дела и деньги — потом, а главное — надо Вам писать и внутренне считать себя писателем (т. е. профессионалом; у Вас это не совсем так). Вот Вы восхитились Сириным. Я согласен, даже согласен на Ваш эпитет «гениальный». Бесспорно, он необычайно даровит, до неприличия. Но если у него есть то, чего у Вас нет, то и у Вас есть то, чего нет у него. Вы внутренне наверстываете то, к чему он бросается «рывком», и по дороге видите то, на что ему смотреть некогда. Мне Сирин всегда скучен, при всем его блеске — и поверьте, традиция глупых «Чисел» тут ни при чем¹. Просто, *je ne suis plus amusable*², по крайней мере на это. А вот Гоголя я все-таки люблю, хотя он еще пустее Сирина и лживее его (нет, это я вру — «Старосв<етских> помещиков» тому не написать).

Воп³, довольно литературы. Как Вам живется? Слышал, будто Вы тяготитесь какой-то служебной формой — и удивился: ну, не все ли равно? Честное слово, не понимаю, хотя Вы, вероятно, усмехаетесь и думаете — «попробовал бы он сам!» В Англию я еду в конце января (около 20-го). Что это Вы пишете, будто меня туда «не пустили»?! Пожалуйста, пресекайте эти злостные слухи. Я ждал долго визы⁴, п<отому> что нужна она была мне на год, а с нансеновским паспортом это трудно. Но теперь все в порядке. Узнает Берберова, и будет ликовать: «не пустили?» Что за выдумка, и кто ее пустил? (Думаю, что Бахрах, не по ехидству, конечно, а по любви к сенсациям — верно, писал Прегельше⁵.) Сестра моя все в больнице⁶. Много будет хлопот перед отъездом. Ничего не знаю о Ваших. Что мама, где На-

талья Сергеевна⁷, исчезнувшая с моего горизонта и верно (чувствую на расстоянии) на меня обиженная? Приехал Цвибак, мимолетом⁸. Сегодня я обедаю Бунина, который для меня очарователен, *malgré tout*⁹. До свидания, дорогой друг. Я Вас очень люблю, и во внимание к моему преклонному возрасту могли бы Вы и не считаться со мной письмами!

Ваш Г. А.

¹ См. об этом: Мельников Н. «До последней капли чернил...»: Владимир Набоков и «Числа» // Литературное обозрение. 1996. № 2. С. 73–81.

² Здесь: меня больше не тянет (*фр.*).

³ Ладно (*фр.*).

⁴ Через день, 30 декабря 1951 г., Адамович писал Бахраху: «Я уезжаю в Англию, вероятно, 18го или 19го, т. к. 17го у меня балетная лекция. Виза есть, все в порядке. Кстати, в Америке всем известно, что меня в Англию “не пустили”. Вероятно, это Вы сообщили об этом Софье Юльевне <Прегель>. Я не писал никому ничего. Теперь я опровергаю этот злостный слух, который на руку Берберовой и К°. В консульстве мне сказали: “il n’y avait absolument rien d’anormal, l’enquête ne dure jamais moins de deux mois” <ничего особенного, рассмотрение дела никогда не длится менее двух месяцев (*фр.*)>» (Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. (Далее — BAR.) Coll. Bacherac).

⁵ Имеется в виду Прегель Софья Юльевна (1894–1972) — поэтесса, прозаик, литературный критик, издательница, мемуаристка. В эмиграции с 1922 г., с 1932 г. постоянно жила в Париже, в 1942 г. переехала в Нью-Йорк. В 1942–1950 гг. издатель и редактор журнала «Новоселье». В 1948 г. вернулась в Париж, в 1957–1972 гг. возглавляла издательство «Рифма».

⁶ Осенью 1929 г. родную сестру Адамовича Ольгу разбил паралич. 8 ноября 1929 г. Адамович писал З.Н. Гиппиус: «У моей сестры случился паралич на почве сердечной болезни. Это очень серьезно, и если она поправится, будет очень долго. Она не говорит и, по-видимому, наполовину потеряла рассудок» (Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. III. СПб., 2002. С. 528). После смерти матери (1933) Адамович заботился о сестре до ее кончины в 1952 г.

⁷ Сестра В.С. Варшавского.

⁸ В письме Бахраху Адамович писал об этом подробнее: «На днях здесь появился Цвибак, *très désemparé* <очень растерянный (*фр.*)> в смысле газетных планов из-за смерти Полонского. Я его всячески уговариваю заменить его Кантором и думаю, что лучшего кандидата нет (Бунин и Тэффи всячески это поддерживают). Будет ли Кантор редактором — вопрос, но наладить и организовать все он может. Цвибак морщится, т. к. у него с Кантором *incompatibilité* <несовместимость (*фр.*)>, и сокрушается о Полонском» (BAR. Coll. Bacherac).

⁹ Несмотря ни на что (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
17/III-52
С 26/III до 15/IV — я буду в Париже
(53, rue de Ponthieu, Paris 8e)

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил сегодня Ваше письмо — и видите, по горячим следам, сразу же отвечаю. Ваше письмо — не «невразумительное», как Вы на себя клеветаете, а крайне вразумительное, ясное, и притом такое, что в составленную мной с Кантором «антологию русских писем»¹ я включил бы и его. Правда. У меня тысячи соображений Вам в ответ, но вовсе не для спора — а для дополнения и развития. Вы меня давно уже плохо понимаете, т. е. не понимаете моих сомнений в ту сторону — где искажена великая правда, главным образом по хищной дрянности человеческой природы. Точнее, половина, ровно половина общей великой — человеческой правды, к которой я не могу быть безразличен, именно потому, что ее, втопанную нашими соотечественниками в кровь и грязь, никто почти за правду (хотя бы и бывшую) не признает. В Евангелии, на которое Вы ссылаетесь, есть и то, и это, — и «это» без «того» ничего не стоит, как и «то» без «этого». Если бы Евангелие было просто проповедью приятных вещей, Рим не ужаснулся бы, Тацит бы не написал, что это «*odium humani generis*»² и ничего из него не вышло бы. Но что в России происходит ужас, что это ничем ни оправдать, ни искупить нельзя — я чувствую всем своим существом. Но вся русская культура (кроме Чаадаева, и поменьше — Тургенева) восстает против того, чтобы идеализировать противоположную сторону. И то, что на Западе об этом можно говорить, а там можно только молчать — не есть довод решающий, как обыкновенно с торжеством провозглашается, а есть следствие разделения единой «неделимой» правды на две половины. Если бы возникла на свете хоть тень *fraternité*³, то ни в *liberté*⁴, ни в *égalité*⁵ не было бы нужды, как в формальных условиях единой верной сущности.

Вот, *passons*⁶. Я вижу на Вашем лице отвращение, а спорить мне, право, не хочется. Кстати, ко всем Вашим толстовским чертам я прибавляю и эту: стена к чужим мыслям. Бывает, что чужая мысль в Вас (как в Толстого) не «входит», хоть плачь! Я давно это заметил, и помню, как Вы еще в Париже возражали мне на собрании Объединения⁷, о романтизме. Я так и не добился, чтобы Вы согласились, что романтизм не только литер<атурная> школа (народность, история, красочность и т. д.) но и состояние духа, томление о безбрежном, христианское по складу. Вот и о Расине, думаю, Вы меня не поняли, — а м. б., я не ясно написал, не помню. «Федра» тем и потрясательна, что бледна и схематична, *sans qu'il soit possible de la situer*⁸, — в ней как в фокусе света все расплавлено. Что писал Бергсон о Гамлете, я не помню, но при всей моей давней и острой любви к Гамлету, Федра есть упрек ему (как художеств<енному> методу, не как замыслу), на un beau sourire hautain⁹ варвара и младенца.

О передвижничестве, или нео-передвижничестве — «сами все знаем, молчи!»¹⁰ На статью Терапиано¹¹ я тоже обратил внимание, хотя и писана она пером, обернутым ватой. Ну, посмотрим — м. б., наше общее декадентство мы еще и отстоим. «Музыка» нужна лишь в малых и чистых дозах, иначе тоже беда, святых вон выноси — как было в «Числах». Музыка нужна в катакомбах, куда она, м. б., и уйдет. А духовой пожарный оркестр из таких молодцов — право никакая не музыка.

До свидания, cher ami.

Насчет Леховича¹² — постарайтесь исправить Вашу gaffe¹³. Он милый человек и написал вещь замечательную (другой такой вещи не напишет, т. е. он больше не напишет — по своей общей ребячливости). Прочтите ее, я ему ее отослал. И нельзя ли было бы ее устроить в «Нов<ый> журнал»? Я не знаю, хочет ли он этого. Если попросить содействия Алданова, может случиться, что Алд<анов> ее отвергнет — это совсем не его rayon¹⁴ (как он отказался когда-то поддержать меня в устройстве Емельянова¹⁵).

Что с Вашей сестрой? Почему она на меня обижена? Я ей писал, но тщетно. Моя сестра все еще в больнице, я не уверен, можно ли будет к Пасхе отправить ее в Ниццу. Кланяйтесь сердечно (очень) Наталье Владимировне¹⁶, от которой у меня в памяти остается какой-то легкий и светлый след.

La main¹⁷.

Ваш Г. А.

¹ Непонятно, о чем идет речь. Книги такой Адамович с Кантором не выпускали, и о том, что подобная антология ими собиралась, никаких других сведений нет.

² «Ненависть к роду человеческому» (лат.). Это обвинение, согласно Тациту, предъявлялось христианам после пожара в Риме при Нероне, вслед за чем последовали гонения (см.: Тацит. *Анналы*, XV, 44: 4).

³ Братство (фр.).

⁴ Свобода (фр.).

⁵ Равенство (фр.).

⁶ Оставим (фр.).

⁷ Возможно, речь о вечере Объединения русских писателей и поэтов (79, rue Denfert-Rochereau, 14e), на котором 9 июля 1932 г. Адамович и Варшавский выступали в прениях по докладу Б.Г. Заковича «Возврат к человеческому или превозможение его».

⁸ Чтобы было возможно установить ее контуры (фр.).

⁹ Прекрасную отстраненную улыбку (фр.).

¹⁰ Неточная цитата из стихотворения В.Я. Брюсова «Каменщик» (1901). У Брюсова: «Знаем все сами, молчи!»

¹¹ По-видимому, речь идет о статье Ю.К. Терапиано «Поэзия ради поэзии», напечатанной 10 февраля 1952 г. в «Новом русском слове».

¹² Лехович Дмитрий Владимирович (1901–1995) — знакомый Адамовича еще по Петербургу, в Гражданскую войну — участник Добровольческого движения, в эмиграции банкир, историк, литератор. О том, как Адамович был репетитором Леховича в России, а также о том, как посетил его в США в 1971 г., см.: *Lekhovich D.V. Exiles in America // The Other Russia: The Experience of Exile / Comp. by M. Glenny and N. Stone. N. Y., 1990. P. 288.* Здесь, по всей вероятности, имеется в виду его рассказ «Расстрел», вскоре опубликован-

ный в «Опытах» (1953. № 2. С. 124–136). Варшавский позже высоко отзывался о Леховиче: «Апологетическая белогвардейская публицистика, журналы и газеты вроде “Возрождения” и “Часового”, дают только поверхностное, условное и несколько лубочное представление о душе эмигранта-белогвардейца. Более человечески глубокий и трагический образ раскрывается в романах и рассказах Р. Гуля, Л. Зурова, В. Костецкого, Д. Леховича, И. Савина, Н. Татищева и некоторых других младших эмигрантских писателей, пределавших гражданскую войну в рядах Добровольческой армии» (*Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 27).

¹³ Оплошность (*фр.*).

¹⁴ Область; здесь: это не по его части (*фр.*).

¹⁵ *Емельянов Виктор Николаевич* (1890–1963) — прозаик «незамеченного поколения», в эмиграции с 1920 г., автор единственной завершённой повести «Свидание Джима» (Париж, 1938).

¹⁶ *Кодрянская Наталья Владимировна* (1901–1983) — писательница, жившая после войны в Нью-Йорке и имевшая возможность помогать русским парижанам. Письма Адамовича к ней 1947–1971 гг. хранятся в Русском архиве Лидса. Так, в письме Кодрянской от 2 февраля 1950 г. Адамович обсуждал с ней возможности распространения книги Варшавского «Семь лет»: «Завтра я должен обедать у Mme Городецкой, здешней профессорши, которую я давно знаю, и поговорю с ней о возможности подписки на книгу Вл<адимира> С<ергееви>ча» (Leeds Russian Archive. Brotherton Library. University of Leeds. (Далее — Leeds.) MS 1408).

¹⁷ Рука (*фр.*).

3

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
16/V-52

Дорогой Владимир Сергеевич

В воскресенье 11 мая скончалась моя сестра¹. Она была больна всю зиму и весну, но скончалась скоропостижно. Вчера ее похоронили.

Я не знаю нового адреса Натальи Владимировны². Будьте добры, сообщите ей о смерти сестры и скажите, что я прошу ее о ней помолиться. Она к ней дружески относилась, и я верю, что если какие-нибудь молитвы доходят до Бога, то ее должны бы дойти.

Ну, вот, спасибо заранее. Я был в Манчестере, меня вызвали по телефону. Теперь я в Париже до осени, т. к. все равно должен был к 20-му кончить лекции.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 5 к письму 1 наст. публ.

² Н.В. Кодрянская, узнав о случившемся, прислала свои соболезнования, и 27 мая 1952 г. Адамович ответил ей: «Дорогая Наталья Владимировна. Спасибо за письмо, за все, что в нем сказано. Я знаю, что каждое Ваше слово чистосердечно и искренно, знаю и верю, что Вы настоящий друг» (Leeds. MS 1408).

53, rue de Ponthieu
Paris 8^e
28/VI-52

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмецо, впрочем, коротенькое и без особенно глубоких мыслей. Я с Вами привык к переписке идеологической, а обывательскую веду с другими. Знаю, что у Вас дикая жара, и думаю, что отчасти причина в этом.

Есть у меня, cher ami, к Вам маленькая и деликатная просьба. Я писал Рейзини¹ насчет Лиды². Кроме того, недели 2 перед тем, писал вообще. Ответа нет. Будьте добры, позвоните ему и узнайте, получил ли он мои письма и что значит его молчание. Лето прошло, я хотел бы Лидин сбор закончить — и на него я очень рассчитывал. Нет так нет, но пусть так и скажет, а не молчит. У меня есть легкое подозрение: не напутал ли чего Газданов, человек для меня не ясный и едва ли доброжелательный? Между мной и им был Юра³, передававший мне его слова обо мне и, вероятно, ему — мои о нем (с собственными украшениями). Мало ли что Газданов мог наплести Рейзини?

Разумеется, это только — предположение. Кажется, я о Рейзини никогда никому не сказал дурного слова (говорил смешные), да и правда у меня к нему чувства только самые хорошие.

Voilà, будьте добры — наведите деликатные справки. Мне надоедает Пира⁴ с Чех<овским> изд<ательст>вом и просьбами написать о нем в «Н<овом> р<усском> слове» громовую статью (не говорите об этом вокруг себя, а главное — не пишите сюда). Он ссылается на Вас, как на главного своего адепта, друга и поклонника. Был я у Ремизова с юбилейным визитом⁵. «Он был элегантен и мил» (Некрасов о Ник<олае> I)⁶.

До свидания, дорогой друг. Мой адрес в Ницце (après le 10 juillet⁷) — 4, avenue Emilia, c/o Madame Lesell, Nice (A. M.).

Ваш Г. А.

¹ Рейзини Николай (Наум) Георгиевич (1905–1979?) — в начале 1930-х гг. завсегдадай русского литературного Монпарнаса, вдохновитель журнала «Числа» (поначалу считался редактором философского отдела, но сам почти ничего не писал и не печатался), после войны — предприниматель, американский миллионер. После высылки из Франции занялся нелегальным бизнесом, снискав себе славу международного авантюриста. Имеющиеся о нем сведения весьма противоречивы. Во время Гражданской войны в Испании Рейзини «поставлял на греческих судах оружие Франко, затем занимался торговлей опиумом и другими делами в Данциге, Харбине и других местах»; во время Второй мировой войны «сотрудничал с японцами и числился в черных списках США» (Авантюрист Николай Рейзен // Русские новости. 1946. 29 ноября. № 81. С. 2). После разгрома Японии Рейзини снова проявил «сумасшедшую изворотливость»: прибыв в Грецию, он стал вести «переговоры с министром авиации относительно основания греческой авиационной компании», а затем, получив соответствующие полномочия от греческого правительства,

«выехал в Соединенные Штаты в роли экономического советника» (Там же). На протяжении 1940–1950-х гг. вокруг колоритной фигуры Рейзини периодически вспыхивали громкие скандалы, находившие отзвук в эмигрантской прессе. См., например, ряд заметок в «Новом русском слове» под общим названием «Дело Николая Рейзини», посвященных выяснению подробностей его биографии: «Рейзини уверяет, что он родился в Салониках, в Греции, в 1905 году. Учился в Париже и в Данциге, жил в Харбине с 1934 до 1946 года, когда он вернулся к себе на родину в Грецию. Греческое правительству Цалдариса командировало Рейзини в С<оединенные> Штаты в 1946 году в качестве экономического наблюдателя. Рейзини занялся в Нью-Йорке экспортными делами и быстро разбогател. Между прочим, ему принадлежит лицензия на кинематографический новый процесс “Синерама”. <...> Иммиграционный департамент утверждает, что Рейзини родился не в Греции, что он русский еврей, родом из Харбина. Настоящее его имя либо Николай, либо Борис Рейзин» (Новое русское слово. 1955. 20 сентября. № 15451. С. 1; 2 октября. № 15436. С. 3). После войны Рейзини нередко помогал своим бывшим приятелям (об этом писали Г.В. Адамович, Ю.К. Терапиано, В.С. Яновский и др.). 19 октября 1957 г. Адамович писал Л.Д. Червинской: «Кстати, о Рейзини: я не уверен совсем, что он так богат. При миллиардерном train’e жизни, он скорее запутан и может завтра оказаться без гроша. В каждом его слове это чувствуется. М. б., и сейчас 10 т<ысяч> для него — “сумма”, хотя он и делает вид, что это пустяк. В смысле блеффа он забьет Германова» (BAR. Coll. Adamovich). Один из крупных нью-йоркских биржевиков, Леон Ливи, оставил свидетельство о Рейзини в своей книге: «Отслеживая отчеты об операциях инсайдеров за 1962 год, я заметил, что Николас Резини, главный исполнительный директор компании “Cinergama”, постоянно покупает акции собственной компании. Решив, что он обладает некоей информацией, я купил несколько акций и договорился с ним о встрече. У него был прекрасный офис на Парк Авеню, обставленный старинной мебелью и “укомплектованный” красивыми секретаршами. Это был не офис, а мечта, голливудская картинка, а его хозяин предстал в образе энергичного и обаятельного руководителя. Нисколько не смущаясь, Резини поведал мне историю своей жизни, а затем рассказал о своих грандиозных планах в отношении компании “Cinergama”. Он планировал снимать трехмерные фильмы, рассказывал сюжеты снимающихся фильмов, и каждый из них был еще более захватывающим, чем предыдущий. Я был ошеломлен, но лишь до того момента, пока не вышел из его элегантного офиса на улицу, где бушевала метель. Меня внезапно осенила мысль, что невозможно быть настолько совершенным, как мне показался Резини. Я решил продать акции в тот день, когда на экраны выходил первый фильм компании “Cinergama” “Как был завоеван Запад” (“How the West Was Won”). Это был один из тех немногих случаев, когда я продал акции по цене, приближающейся к установленному акциями рекордному курсу» (Ливи Л., Линден Ю. За кулисами Уолл-Стрит / Пер. с англ. С.В. Кравченко. М., 2004). Спустя несколько лет 27 декабря 1964 г. Адамович писал Бахраху: «Рейзини у меня в больнице действительно был... он разорен. <...> Это все-таки мой настоящий друг, коих не много на свете» (BAR. Coll. Bacherac).

² Летом 1952 г. Адамович в очередной раз устраивал сбор для Лидии Давыдовны Червинской (1907–1988). 31 мая он писал А.А. Полякову: «Я пересылаю Вейнбауму прошение Л. Червинской в Лит<ературный> Фонд. Пожалуйста, поддержите его и попросите о том же Цвибака. Она больна, ей не на что жить, а человек она достойный, и если Вы слышали о ней что-либо скверное, не верьте! Да и поэт она хороший, что тоже встречается не так часто. Бунин и Алданов просят передать, что всячески поддерживают ее ходатайство. Нельзя ли было бы получить для нее 50 долларов? Мы с Кантором делаем для нее маленький сбор, но ей надо бы поехать отдохнуть, а многого тут не соберешь» (BAR. Coll. A.A. Poliakov. Box 1. Folder 1). 8 июня 1952 г. Адамович писал о Червинской и Бахраху: «Я для нее собираю деньги, чтобы она поехала летом отдохнуть. Написал в

Литературный фонд и Кодрянской, с просьбой собрать что можно» (BAR. Coll. Vacheras). 20 июля Адамович не без шутливой гордости сообщил Бахраху об итогах этих хлопот: «Сбор превзошел все мои надежды и преисполнил меня уважения к персоне сборщика, т. е. к самому себе. Собрал я около 45 тысяч, но, к сожалению, первые 20 тысяч (от Литфонда, по особому моему ходатайству через Полякова) пришлось ей дать раньше, т. к. у нее не было ни гроша. Все-таки отдохнуть она может, но как и куда поедет — не знаю» (Там же).

³ Близкий друг Адамовича.

⁴ Имеется в виду *Ставров* Перикл Ставрович (1895–1955) — писатель; с 1920 г. в эмиграции в Греции, с 1926 г. в Париже, участник объединения «Круг» (1935–1939), председатель Объединения русских писателей и поэтов во Франции (1939–1944), член редколлегии издательства «Рифма» (1949).

⁵ Об этом визите Адамович написал в статье «У Ремизова», посвященной 75-летию писателя (Новое русское слово. 1952. 22 июня. № 14666. С. 8).

⁶ Из 3-й главы поэмы Некрасова «Русские женщины» (1871–1872).

⁷ После 10 июля (*фр.*).

5

9/X-1952
G. Adamovitch
c/o Mrs Davies
104 Ladybarn Road
Manchester 14
England

Дорогой Владимир Сергеевич

Я уж не помню, я ли Вам не ответил — или Вы мне. Вижу только, что переписка наша замерла и что я целый век ничего о Вас не знаю (кроме коротких и иронических — не к Вам, а вообще — рассказов Газданова летом в Ницце и двух-трех слов в письме Яновского).

Как Вы живете? Как все, т. е. все, а не всё? Продолжаете ли разносить какие-то бумаги и томиться? Слышал от Веры Васильевны¹ — под глубокой тайной, так что Вы ее не выдавайте — что Ваши собираются к Вам. Очень рад за Вас, т. к. это то, чего Вы, кажется, хотели. Но душа — потемки, *on ne sait jamais*².

Я опять в Манчестере. Ничего. Летом повеселился или *à peu près*³, теперь надо трудиться. С Чеховск<им> издательством у меня переписка⁴, кажется дело налаживается, но книга моя — о литературе в эмиграции⁵ — только в проекте и мечтах. А за мечты денег не дают, надо что-то сочинить и послать. Тема неприятная, потому что все о знакомых. А знакомые все у меня сплошь гении. О покойнике можно написать, что собственно гением он не был, а о живых невозможно, не купив предварительно домика на необитаемом острове. Я бы предпочел писать взгляд и нечто, вообще, обо всем и ни о чем, «за жизнь», как говорит мой Рабинович⁶, но им нужны вещи серьезные и солидные. А Вы — почему ничего у них не устроили? Или устроили? Меня, кстати, одолел и извел совсем Пира, с

просьбами что-то ему у них сделать. А ни я, ни кто — кроме, пожалуй, Алдано-ва — спасти его дельце не может. Мне жаль — не его, а ее, т. е. Марию Ив<анов-ну>⁷. К нему — каюсь — не очень у меня лежит душа. А она совсем им замучена, во всех смыслах.

Напишите мне, тоже «за жизнь». Мне все как-то страшновато, что мало этой жизни остается, а я все, как неразумные девы⁸ в Евангелии, все думаю: ничего, успею — не книгу глупую написать, конечно, а как-то образумиться, подумать, начать по этой последней тропинке идти... Мешает мне то, что очень я люблю жизнь, именно глупую, и все откладываю расставание с ней, хотя бы в мыслях.

До свидания. Буду ждать письмаца. Где Наталья Владимировна? Если в Н<ью>->-Йорке, кланяйтесь ей очень и И<сааку> В<ениаминови>чу⁹. Прегельша приехала в Париж в ужасных расстройках, а наш друг, кажется, оказался в отношении к ней не на высоте¹⁰. Но ничего другого и не может быть, и чем раньше это выяснилось, тем для нее лучше. А она — не плохой человек.

Ваш Г. А.

¹ Парижская знакомая Адамовича.

² Никогда не знаешь (*фр.*).

³ Как будто (*фр.*).

⁴ Сохранившиеся в Бахметьевском архиве 25 писем Адамовича к редакторам Издательства имени Чехова Вере Александровне Александровой и Татьяне Георгиевне Терентьевой (BAR. Coll. Chekhov Publishing House) недавно опубликованы: «Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008. С. 203–220.

⁵ Книга вышла через три года: *Адамович Г.* Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955.

⁶ *Рабинович* Яков Борисович (1897–1964) — студент Петербургского политехнического института (1915–1917), друг Л. Каннегисера, завсегдаята «Бродячей собаки», после революции — эмигрант, адвокат, член масонской ложи «Юпитер», во время Второй мировой войны руководитель еврейского Сопротивления в Париже, после войны — в Израиле. И.Ф. Мартынов опубликовал автограф Я.Б. Рабиновича на книге «Леонид Каннегисер» (Париж, 1928): «Вспоминаем с Адамовичем. Какая насыщенная и бурная юность. <Говорили обо всем:> от Джона Рескина, Патера, Кузмина, верховой езды, Теодицеи, Шницлера, стихов <до> сладостной смерти — подвига — обо всем, обо всем, только не об Израиле, <не о> сионизме» (*Мартынов И.Ф.* «Последний народоволец»: Новый штрих к портрету Л.А. Каннегисера (1898–1918) // Вестник РСХД. 1990. № 159. С. 207).

⁷ Жена П.С. Ставрова.

⁸ Мф. 25: 1–12.

⁹ *Кодрянский* Исаак Вениаминович (1894–1980) — муж Н.В. Кодрянской; представитель фирмы по производству лампочек «Tungsten», меценат.

¹⁰ У С.Я. Прегель был серьезный роман с А.В. Бахрахом, однако осенью 1952 г. он объявил, что женится на Кирсти. 18 сентября 1952 г. Адамович писал Бахраху: «Только что был — завтракал — у Софьи Юльевны. <...> Разговор был туманный, о каких-то горьких разочарованиях, о верности и о измене, о том, что если бы она приехала раньше, то не страдала бы так теперь... Все это без имен и фактов. Мимоходом она сказала: “да вы сами все знаете” — и отвернулась. Я человек жалостливый, et cela me déchire les entrailles <и у меня все внутри перевернулось (*фр.*)>. В чем-то Вы перед ней виноваты, не знаю

точно, в чем. Может быть, в обещаниях, вызвавших у нее “бессмысленные мечтания”. Но все равно из Вашего предполагавшегося сожительства или брака ничего хорошего не вышло бы, я в этом уверен. Простите, что путаюсь не в свои дела» (BAR. Coll. Bacherac).

6

Manchester 14
104, Ladybarn Road
15/III-1953
(Я через три дня еду в Париж,
где пробуду до 10 апреля —
53, rue de Ponthieu, Paris 8^e)

Дорогой Владимир Сергеевич

Я сейчас прочел «Дневник художника»¹, и мне хочется написать Вам несколько слов. В целом — очень хорошо, и тем хорошо, что не выдумано, и что все, что есть тут оригинального, целиком Ваше (но это я знаю потому, что знаю Вас, а другие Вас не знают). Как всегда у Вас, главное — это какое-то недоумение: что, откуда, куда? Но по-моему — и простите за непрошеную критику! — есть в этом недоумении и в подробном его описании что-то преувеличенное, смакующее, скорей кафко-сартровское (La Nausée²), чем толстовское. А местами, как это ни удивительно, есть Леонид Андреев, и почувствовав это, я подумал: не даром, значит, Сартр проявил к Андрееву интерес. Даже стилистически есть сходство: напр<имер>, вторая половина 94 стр<а-ницы>, а иногда и выражения: «кто-то любящий», «кто-то еще какой-то». Я не собираюсь Вас ни в коем случае вразумлять плоскими пошлостями насчет чувства меры, насчет того, что «он путает, а мне не страшно»³, тысячу раз повторенными всякими пошляками, да все такое Вы давно знаете и без меня. Но мне кажется, что в литературе всегда нужно сопротивление себе, а не аппетит к своим странностям и особенностям. В этом смысле «Семь лет» было каким-то вашим подвигом, и в книге этой остался след борьбы, усилия, страсти, «самосожжения», а в «Дневнике» много меланхолии поэтически-прелестной, но именно без суровости к себе, а с жалостью и симпатией к себе. *Ce qui ne même jamais a rien de durable et de vrai!*⁴

Но есть замечательные места, даже чисто описательные — напр<имер>, все про собачку, особенно про четвероногое солнце. Странно, кстати, что Вы такой боящийся, боязливый человек, наделенный даром страха! Это что-то совсем мне чуждое, и не думайте, что я притворяюсь героем. Нет, я просто этого не понимаю. Вот и о страхе смерти я все думаю: пора бы начать бояться! Но наоборот, чем ближе, тем яснее я чувствую «ну, что же, раз все другие, то и я». Напишите мне, какие отзывы о «Дневнике». Едва ли это будет многим по зубам, и я представляю себе все, что всякие дамы будут говорить. Надо бы, пожалуй, было бросить им подачку, т. е. некоторую занимательность, — как шоколадную оболочку к пилюльке. Иначе не проглотят.

До свидания! Как Вы живете? Что нового, если есть новое?

Ваш Г. Адамович

¹ Варшавский В. Дневник художника // Новый журнал. 1952. № 32. С. 80–99.

² Тошнота (фр.). Роман Ж.-П. Сартра под этим названием вышел в 1938 г.

³ Эти слова Л.Н. Толстого о повести Леонида Андреева «Красный смех» привел в своих воспоминаниях Николай Евгеньевич Фельтен (1884–1940): «Я вот сейчас прочитал статью Виктора Гюго против смертной казни. Так сильно, горячо написаны!.. Вот это истинный талант!.. А этот нынешний, Андреев, он хочет удивить, хочет напугать меня, а мне не страшно. Он меня не заражает, потому что сам не заражен, огонь у него ненастоящий...» (Фельтен Н.Е. Воспоминания // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 304).

⁴ Здесь уже нет больше прочного и подлинного! (фр.).

7

104, Ladybarn Road
Manchester 14
9/V-1953

Дорогой Владимир Сергеевич

Очень был рад Вашему письму. Спасибо. А не ответил я на письмо предыдущее по трем причинам:

1) Отсутствие причины. «Так». Неизвестно, почему.

2) Я всегда колеблюсь, отвечать ли на письма, которые уже сами по себе являются ответом. Получается, будто навязываешься на переписку.

3) Вы меня возмутили и разозлили дерзкими нападками на моего любимого автора во всей русской литературе — М.А. Алданова. Конечно, «сами все знаем, молчи!» Но если бы Вы помнили, какой это грустный умный, милый и вежливый человек, то разделили бы мое к нему пристрастие.

Теперь, оставив литературную полемику, о том вопросе, который Вы мне предложили: что, по-моему, будет после смерти? Невзирая на серьезность вопроса, я улыбнулся, читая. До чего это по-русски, до чего в стиле «русских мальчиков»¹, один из коих в Вас сидит!

Что будет после смерти? Самым для меня удивительным было бы одно из двух крайних предположений: первое — что не будет ровно ничего, и все кончается базаровским лопухом на могиле, второе — что все будет так, как ждет и учит церковь — с раем, адом, Страшным судом и т. д. Обе эти крайности — самые для меня невероятные. А самым вероятным кажется пробуждение вроде того, как тут бывает в ноябре: сплошной серый туман, в мозгу тоже туман, не то еще спишь, не то надо двигаться — какая-то сплошная мгла и оцепенение. И даже это было бы великим торжеством! Но у меня всегда чувство, что торжество и есть. Очень хорошо — Вы, верно, помните — сказал о смерти ваш Бергсон: «je l'attends avec curiosité»². Я так мало требую от природы и жизни, что иногда склонен согласиться без всякой обиды, чтобы когда-нибудь через миллионы лет где-нибудь на Юпитере квакнула первая лягушка — и если начнется какое-то существование, то с

моим исчезновением я примиряюсь. Кстати, недавно в «Н<овом> р<усском> слове» была смешная статья Делевского³ о возникновении вселенной: она будто бы произошла потому, что в сгустке материи, пребывавшей в покое, произошел взрыв. Très bien, но вопрос не в этом, а в том — откуда произошел сгусток материи? Так же, как когда говорят: мир создан Богом! Но что было до Бога, откуда он? Это — конечно, вечный тупик, но всякое рассуждение о начале начал, поскольку это рассуждение, а не вера — игра словами.

Так что, дорогой друг, не могу никак удовлетворить Вашего любопытства. Очень извиняюсь. У меня было в жизни два или три сна, очень меня поразивших: я проснулся с твердым чувством, что был на «том свете». И этот «тот свет» так безнадежно-тюременен, что ничего на земле такого и вообразить нельзя. Люди часто думают, что им «там» откроются всякие тайны. Едва ли, едва ли! Будет еще меньше понимания, чем здесь, и «curiosité»⁴ только так я и мыслю, как взгляд на первую ступеньку чего-то дальнейшего, а вовсе не панораму всего.

Теперь вернемся к литературе. Статейки своей о Сирине⁵ я не помню хорошо, а № газеты еще не получил. Но уж очень Вы козыряете его «гением». Он очень способен, c'est le mot juste⁶, гения я его никак не чувствую. Особенно в стихах. А ргорос⁷, как раз Алданов меня уверял летом в Ницце, что я должен, вероятно, на всю жизнь затаить на Сирина злобу из-за того, что он меня вывел в «Даре»⁸. А я никакой злобы не чувствую, честное слово! И вовсе не по всепрощению, а по сгустководизму, которым все больше проникаюсь. А изобразил он мою статью под видом Мортуса очень талантливо, и я удивлялся: как похоже! Только напрасно намекнул, что Мортус — дама, это его не касается, и притом намек доказывает, что он ничего в делах, его не касающихся, не смыслит! Ну, вот, письмецо вышло длинное. Я только недавно узнал, что Вы живете вместе с Яновским⁹. Писал на конвертах и ему, и Вам адрес, не замечая, что он — тот же самый. Кстати, моя рецензия на «Порт<ативное> бессмертие», верно, уже появилась¹⁰. Я писал с лучшими чувствами, дружескими и литературными, а если автор, как водится, недоволен — то приношу извинения за огорчения. Терапиано, по слухам, потрясен рецензией Р. Гуля, кою я еще не читал. Моей он был огорчен, а тут прямо убит¹¹.

Насчет покера — будто я в Париже играл день и ночь — это клевета и враки. Играл-то играл, но, к сожалению, не все дни и ночи.

До свидания, cher ami. Courage!¹² Неужели нельзя в Вашей Америке найти легкой службу? Если бы Вы сейчас были в Париже, я мог бы, вероятно, устроить Вас лектором в Манчестере. Жизнь весьма приятная, кроме климата и скуки, которой я лично не боюсь.

Ваш Г. А.

Напишите — и будем вести культурный обмен мнений.

¹ Отсылка к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Ч. 2. Кн. 5. III).

² «Я жду с любопытством» (*фр.*).

³ Имеется в виду Юделевский Яков Лазаревич (Янкель Лейзерович) (партийный псевд. — Делевский; литературные псевд. — Валик, Голик, Липин; 1868–1957) — профессиональный

революционер, журналист, участник санкт-петербургского террористического кружка, член заграничной партии социалистов-революционеров, эмигрант. В Париже постоянный сотрудник «Последних новостей», в Нью-Йорке — «Нового русского слова».

⁴ «Любопытство» (фр.).

⁵ Большая, на два газетных подвала, статья Адамовича была посвящена книге В. Набокова «Стихотворения» (Адамович Г. По поводу стихов Влад. Набокова // Новое русское слово. 1953. 29 марта. № 14946. С. 8; 26 апреля. № 14974. С. 8).

⁶ Вот точное слово (фр.).

⁷ Кстати (фр.).

⁸ В набоковедческой литературе об этом эпизоде писали неоднократно. Наиболее подробно: Долинин А. Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» // Владимир Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 697–740.

⁹ Варшавский жил в одной квартире с В.С. Яновским в Нью-Йорке с 1951 по 1955 г.

¹⁰ Адамович Г. «Портативное бессмертие» // Новое русское слово. 1953. 24 мая. № 15002. С. 8.

¹¹ Речь о рецензиях на книгу Ю.К. Терапиано «Встречи» (Нью-Йорк, 1953): Гуль Р. // Новый журнал. 1953. № 32. С. 309–311; Адамович Г. «Встречи» // Новое русское слово. 1953. 8 марта. № 14925. С. 8.

¹² Здесь: мужайтесь (фр.).

8

4, avenue Emilia
c/o M-me Lesell
Nice (A. M.)
(адрес до начала сентября)
17/VII-53

Дорогой Владимир Сергеевич

Я Вам еще не ответил на первое письмо, а третьего дня получил второе — с упреком, что я не пишу Гринбергу об «Опытах». На днях я ему написал¹. «Опытов» у меня не было: он их послал мне в Англию, а их мне оттуда не переслали. В Париже же их рвали из рук, и я все не мог удосужиться их прочесть. В общем журнал хороший, хотя не без эстетизма, лишнего обоснования. Я об этом Гринбергу откровенно написал. Что Поплавский — лучшее в «Оп<ытах>», нечего и говорить². Все другое рядом кажется мелко и мало талантливо. Внушите Пастухову³, что Ремизова если и можно (или даже надо?) печатать, то не ту ерунду, которую он дал. Кажется, Пастухов там адвокат и поклонник Ремизова. По фальши и ничтожеству его заметки о Дягилеве⁴ — шедевр. Еще я забыл написать Гринбергу о Нинон⁵: ну, воспоминания ее — еще туда-сюда. Но письма Лунца! Я его хорошо знал, этого Лунца. Был неглупый и милый мальчик. Но мало ли чьи письма можно найти! «Кому это интересно?», как говорит Ставров.

Кстати, о Ставрове. Я, м. б., напрасно им сказал, что Вы можете собрать в Нью-Йорке для них деньги. Но Маруся сидела с растерянным видом, вот это мне и подвернулось. Что это трудно, я знаю. К тому же со всех сторон — нищета. Вы хороши

тем, что сами ни к кому не приставали и не кланчили. Это я и сказал Ставровым. Но особенных надежд им не давал. Он (Пира) болен и, по-моему, едва ли будет, как был. У меня к нему не лежит душа, ничего не могу тут поделывать. Но ее мне жаль, особенно с ее верой, что он — писатель, что все его ценят и любят.

Насчет Сирина — спорить больше не будем (как и насчет Марка Александровича). Вы правы — м. б., Сирин и гений, но как будто гений с Сириуса, а не с Земли, где находится все то, что мне интересно и дорого. А вот о том, как и почему бывают одушевлены пейзажи — вопрос другой, много более занимательный. Пейзажи — что! Закаты бывают такие, что почти можно перевести на наш язык, о чем они. Не знаю, я ли лично особенно чувствителен к вечернему небу, но мне кажется, что именно оно — чудо и какое-то знамение природы. Я помню в России, на севере, такие закаты, о которых и сказать нечего: в них было все, и притом именно то, что человек пытается сказать в музыке и стихах. Откуда это?

Будем надеяться, что это не наше обольщение, что действительно откуда-то. Но закаты странно совпадают со всегда потрясающей меня маркионовской (и до него, у греков) теорией, что наш мир — злой, не настоящий, и что истинный Бог зовет нас из него к себе⁶. Се qui⁷ совпадает и с Евангелием, в очень многом. Вот еще о Поплавском, мимоходом: он оттого и царь над всеми бытовиками, что у него всегда есть этот зов, этот голос. Если бы чуть-чуть погуще был у него быт, сквозь который зов слышен, он был бы кандидатом в первые русские писатели. Жаль, что мало сопротивления, мало прорыва: музыка все-таки слишком легко ему дается.

Ну, mon petit, довольно quasi-философской болтовни. Насчет пейзажей и всего прочего есть статья, довольно замечательная, у Вл<адимира> Соловьева, кажется называется «Смысл красоты» или «Значение красоты», что-то в этом роде⁸. Соловьев на все эти темы имел редкий слух и чутье, хотя и доказывал вещи иррациональные с той же рассудительностью, как гимназический учитель доказывает на доске теорему.

Я пребываю в Ницце. Не жарко, но солнце и синее небо, а всюду льют дожди. По мере сил развлекаюсь, и все думаю, когда бес из ребра у меня выскочит. Пора бы, как будто!

От Рейзини получил сейчас очень милое письмецо. Но в Ваши края я попаду едва ли.

До свидания, cher ami. A quand?⁹ Пишите.

Ваш Г. А.

¹ 10 июля 1953 г. Адамович объяснил Гринбергу ситуацию и отозвался о первом номере: «Прежде всего хочу Вам объяснить, почему до сих пор не написал Вам ничего об «Опытах». Вы их мне послали в Манчестер. Вероятно, там они и лежат. Я уехал до их получения... <...> Только перед отъездом сюда, в Ниццу, получил их от Лиды Червинской — и только вчера и третьего дня прочел их полностью. <...> В общем — bravo! Журнал хороший, «культурный» (что par le temps qui court <по нашим временам (фр.)> ценно) а если еще не вполне себя нашедший, то может ли быть иначе?» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 374–375).

² В первом номере журнала была опубликована IX глава романа Поплавского «Аполлон Безобразов» (Опыты. 1953. № 1. С. 65–77), которую Адамович оценил очень высоко. 10 июля 1953 г. он писал Гринбергу «Украшение “Опытов”, лучшее, что в них есть — Поплавский. Я в этом так абсолютно уверен, что не понимаю, как можно с этим спорить. Аронсон иронизировал: “Поплавский — явление!” В сто раз больше явление, чем Ремизов, который, в сущности, графоман и плут, не лишенный, конечно, способностей. “Ап<оллон> Безобразов” явно недоработан, но уровень, человеческий и словесный, этой вещи таков, что я просто ахал читая» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 375). 28 июля 1953 г. Адамович о том же писал Бахраху: «“Опыты” отдают дилетантизмом, но не лишены свежести по сравнению с “Нов<ым> журналом”. Помимо всего, там есть Поплавский, который почти гениально-талантлив в каждой фразе. Я читал и ахал: не то что “хорошо” в бунинском смысле, а как-то необыкновенно, будто действительно был среди нас Рембо и исчез» (BAR. Coll. Bacherac).

³ *Пастухов* Всеволод Леонидович (1894–1967) — пианист, музыкальный педагог, литератор, музыкальный и литературный критик. С 1921 г. в эмиграции в Латвии, создатель и руководитель музыкальной школы в Риге, с 1939 г. в Польше, Германии, затем в США. Соредактор Гринберга по первым трем номерам «Опытов».

⁴ *Ремизов* А. Дягилевские вечера в Париже // Опыты. 1953. № 1. С. 78–82.

⁵ Имеется в виду Н.Н. Берберова, опубликовавшая материал под названием «Из пестербургских воспоминаний: Три дружбы» (Опыты. 1953. № 1. С. 163–180), в приложении были напечатаны 13 писем Л.Н. Лунца к Берберовой с ее примечаниями.

⁶ *Маркион Синопский* (II в. н. э.) — создатель церкви, общины которой просуществовали до VII в. Его учение гностического толка носило синкретический характер, отдельные черты были позаимствованы у первохристиан, ранних гностиков, а также у пифагорейцев и платоников. Согласно учению Маркиона, мир создан демиургом и представляет собой темницу (равно как и тело человека для его души), а настоящий благой бог, не имеющий ничего общего с демиургом, пришел в мир, чтобы освободить человека и возвести его в царство света. Маркионитство было признано одной из наиболее опасных для христианской церкви ересей. Подробно см.: *Иванцов-Платонов А.М.* Ереси и расколы трех первых веков христианства. М., 1877; *Поснов М.Э.* Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917.

⁷ Что (*фр.*).

⁸ Адамович контаминирует названия статей В.С. Соловьева «Красота в природе» (1889) и «Общий смысл искусства» (1890).

⁹ Когда? (*фр.*).

9

104, Ladybarn Road
Manchester 14
19/I-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я поджидал сегодня Вашего ответа насчет «Комментариев»¹, но не получил еще. А между прочим, «Ком<ментарии>» почти написаны, я засел за них в последние три дня и все, что думал, записал, теперь только «отстукать» надо и кое-

что добавить. Пошлю, значит, не к 1-му, а дней на 5–6 раньше². Они вышли длинные, но одно за другое внутренне (не внешне) держится, и выбрасывать ничего нельзя бы.

Теперь о мыслях. Я очень люблю Ваши письма, и это отчасти моя «отрада», т. к. с Вами, одним из немногих, можно вести разговор, и сквозь Ваш усталый тон я всегда чувствую больше какой-то бодрости (не совсем то слово), чем у присяжных добрячков. Спасибо за письма. Но при моей задержке с ответами Вы, вероятно, забыли, о чем писали. Ну, ничего. Писали Вы о статье моей «неужели кончилось?»³ Я сам знаю, что кончилось, «неужели» было только риторическим. А отчасти это даже мне приятно, по самолюбию: «мы» были не такие, как нео-чумазые, и когда-нибудь «нас» вспомнят добрым словом. Все это спорно, туманно, грустно, и все упирается в единственный человеческий вопрос: есть ли что-нибудь за? Если есть, мы были правы. Если нет, и нет надежды пробить стену, если дыра и идиотская игра бессмысленных «космических сил», то не прав никто, и уж скорей они. Вот я был в Ницце на Рождество, и беседовал с Алдановым. Он — много лучше, умнее, глубже, чем о нем говорят (и, пожалуй, кажется по его романам). Он уверен совершенно, что дыра, стена и бессмыслица. На меня его уверенность, со стоически-благородным оттенком, произвела впечатление. Я все-таки думаю и надеюсь, даже чувствую, что ему предстоят на том свете сюрпризы.

Воп, довольно философии.

Вы спрашиваете о моей встрече с Карповичем. Было это полтора года назад, летом, в той же Ницце. Сначала встретились в кафе, с тем же Алдановым. Карпович при мне приглашал в «Нов<ый> ж<урнал>» Сабанеева⁴ (музык<ального> критика), не сказав мне насчет журнала ни слова. Но был он крайне любезен, и как-то сам мялся от происходящей неловкости, а уж Алданов весь стул под собой изъерзал. Потом мы обедали с Карповичем у Алдановых. Мило, любезно, умно, культурно, все, что хотите: вышли вместе, а я с чего-то сказал, что мне «в другую сторону» — и с ним распрощался. Вот все. Больше я его не видел. Он мне скорей понравился, и есть в нем что-то естественно-скромное, чего могло бы и не быть.

Что «Опыты»? Поддержите дух Гринберга и самолюбие его! Надо чтобы они были, а в Париже насчет этого никто не уверен. Entre nous⁵, «Опыты» могут погибнуть от Вейдле⁶, совсем неудобочитаемого, особенно в больших дозах. Это утверждает Кантор, и доля правды тут есть. Я советовал Гринбергу пригласить Маклакова⁷. Это все-таки лучше многого, как он ни стар, и разбавит эстетическую настойку «Опытов», очень все-таки чувствуемую. Отчего Вы так скупы сами? Хоть бы советовали Г<ринбергу>, как вести журнал, если сами не пишете: конечно, хорошо, что он упирается от ди-пи и всякого хамства, но налет же-ман-футизма сбавляет этому анти-дипизму цену.

До свидания, дорогой друг. Простите, письмо хотел написать связное, а вышло на редкость бестолковое. Я бы с Вами поговорил с удовольствием не только о Плотине и конце света, но и о всяких житейских развлечениях, к которым все еще ненасытен. И знаете, я думаю, что ничего в этом плохого нет: что бы ни было там, всего здешнего там не будет, и надо же Господу Богу показать, что и здесь нам многое нравилось! Выразил я это глупо, а мысль правильная.

Отчего Вы так устаете на службе? Как вообще живете? Что-то хорошее, слышал я, написали — что и для кого?⁸ Je vous aime bien⁹, честное слово! Всегда очень рад Вашему письму.

Ваш Г. Адамович

¹ Речь об очередной порции «Комментариев», предназначавшейся для нового номера «Опытов», который вышел в свет через три месяца (Адамович Г. Комментарии // Опыты. 1954. № 3. С. 94–114).

² Редактору «Опытов» Р.Н. Гринбергу Адамович писал 1 января 1954 г.: «Приехал на праздники в Ниццу и хотел отсюда послать Вам “Комментарии”. Но здесь нет переписчицы — и поэтому откладываю присылку до возвращения в Париж и в Англию. Простите за неаккуратность. Надеюсь, что Вас не очень подвожу. Рукопись будет у Вас между 15–20 января au plus tard <самое позднее (фр.)>» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 386–387). 24 января 1954 г. Адамович сообщил Р.Н. Гринбергу, что «Комментарии» высланы (Там же. С. 387).

³ В статье под названием «Неужели это кончилось?» (Новое русское слово. 1953. 22 ноября. № 15184. С. 8) Адамович высказывал мнение, что русская молодежь теряет интерес к «чаяниям бесконечности».

⁴ *Сабанеев* Леонид Леонидович (1881–1968) — музыковед, композитор, с 1926 г. в эмиграции во Франции, преподаватель Русской консерватории имени С.В. Рахманинова, сотрудник «Современных записок» и «Нового журнала», в послевоенные годы постоянный собеседник Адамовича в периоды отдыха в Ницце.

⁵ Между нами (фр.).

⁶ Первый номер «Опытов» открывался большой статьей В.В. Вейдле «Европейская литература» (с. 5–27), во втором была опубликована его столь же большая статья «Об иллюзорности эстетики и о жизненной полноте искусства» (с. 41–62), в третьем — «На смерть Бунина» (с. 80–93). Вейдле и позже, в период редакторства Ю.П. Иваска, часто печатался в «Опытах» (в 4, 7 и 8-м номерах), но уже не с такими объемными и сложными текстами.

⁷ 1 января 1954 г. Адамович писал Гринбергу: «Не думаете ли Вы, что “Опыты” могли бы попросить статьи у Маклакова? А то он пишет для “Возрождения”, которое больше похоже на помойную яму, чем на журнал. Помимо того он с удивлением говорил, что “Опыты” — единственное в эмиграции издание, которое ему не присылают. Его адрес — 5 rue Reguу, Paris 6^e» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 387).

⁸ Возможно, речь о готовящейся публикации Варшавского под названием «Отрывок» (Опыты. 1954. № 3. С. 52–69).

⁹ «Я Вас очень люблю» (фр.).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
28/I-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я отправил Гринбергу «Комментарии» дня три-четыре тому назад и очень его просил прислать корректуру¹, с обещанием вернуть ее par retour du courrier². Если Вы его видите, повлияйте на него в этом смысле. Только автор видит некоторые опечатки, а я от них страдаю почти физически. Но это к Вам — не просьба, я Вас и так уже просьбами одолел, а так, «дельце», при случае, если Гринберга Вы видите. Но, кстати, есть и другое дело: он обещал поместить в № 3 стихи Эвальда, т. е. Кантора³. Не знаю, известно ли ему, кто это Эвальд. Должно у него быть 6 стихотворений, а то и больше. Мих<аил> Львович, кажется, очень ждет их появления, а я боюсь, что Гринберг их отложит. Конечно, тут нужно бы деликатно разузнать, печатает ли он эти стихи и весь ли цикл. Стихи хорошие, лучше доброй половины тех, которые Иваск набил в свою антологию⁴. Конечно, они бледноваты и сдержанны, но «что-то» в них есть, как есть и в нем самом. По нашей общей к нему симпатии надеюсь, Вы за него заступитесь, в случае если будет надобность.

А еще — два слова о Боратынском, которого Вы неожиданно открыли. Это действительно замечательный поэт, хоть и не очень талантливый (сравнительно с Пушкиным или Тютчевым). Он был бы величайшим у нас мастером, если бы при всем своем мастерстве стирал и пот со своих стихов, от слишком большого труда (что делал Бодлэр, тоже не очень талантливый). Но есть что-то банальное и плоское в его мудрости. Прочтете: как будто очень умно, глубоко, куда же Пушкину! Но в сущности его ум — сплошь из умных «общих мест», без подлинной оригинальности. Конечно, надо сделать расчет на время: м. б., тогда это и было оригинально. Кроме того, он «умничает», показывает ум, что лично я не люблю. Но зато я очень у него люблю что-то, что кажется мне сплошь черно-белыми тонами, без красок, без метафор и всякий роскоши, как в удивительном (для меня!) — «Мой дар убог...». И еще: «Царь небес, успокой...» — с удивительным концом о «строгом рае». А вообще-то конечно, это из лучшего, что у нас было, и Белинскому зачтется, что он назвал его «паркетным шаркуном»⁵, или что-то в этом роде. До свидания. «Как живется Вам, как можется?»⁶ (это, увы, не Боратынский, а Цветаева).

Крепко жму руку.

Ваш Г. А.

¹ 24 января 1954 г., посылая Гринбергу «Комментарии», Адамович просил: «Если есть возможность, если хотите сделать мне большое одолжение: пришлите корректуру. Верну в тот же день» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 387).

² «С обратной почтой» (*фр.*).

³ 23 августа 1953 г. Адамович писал Гринбергу: «...посылаю 6 стихотворений К. Эвальда (псевдоним: если хотите, могу его Вам раскрыть, но только Вам). <...> По-моему, в них есть настоящее своеобразие, есть мысль и чувство. Чисто словесные их качества, м. б., и бледноваты (не всегда). Но есть внутренняя жизнь, чего нет в 99 % обычных теперешних стихов» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 379). Стихи Эвальда-Кантора в «Опытах» напечатаны не были.

⁴ На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк, 1953.

⁵ О «паркетной музе» Баратынского Белинский писал в статье «О стихотворениях г. Баратынского» (Телескоп. 1835. Т. XXVII. № 9. С. 123–137).

⁶ Адамович неточно цитирует стихотворение М.И. Цветаевой «Попытка ревности» (1924). У Цветаевой: «Как живется Вам — здоровится — / Можется? Поется как?»

11

104, Ladybarn Road
Manchester 14
15/II-54

Cher ami Владимир Сергеевич

Прежде чем продолжить идеологически-философскую полемику о Боратынском, хочу спросить Вас: получил ли Яновский мое письмецо? Я писал ему дней 8–10 назад, но не помню, чтобы письмо опустил в ящик¹. А письма нет. У меня голова совсем продырявилась, и скоро мне нужна будет нянька.

Насчет Боратынского Вы, конечно, правы (даже чересчур — допуская, что он был «не особенно умный человек»), но и я прав. Мы друг друга просто не поняли, и о разном говорили. Вы правы, что он в чувствах, в словах о чувствах, в анализе их — тонок и оригинален необычайно. Его стихи о любви, даже иногда шуточные, самый тон этих стихов — все это unique, хоть и без тютчевской неотразимой «патетичности» и непосредственности. Но я считал Вас философом, думал, что Вы не на это у него обратили главным образом внимание, а на философию, — т. е. такие стихи, как «Пока человек естества...», «Предрассудок»² и т. д. (у меня нет здесь его книги, вспоминаю как могу). Вот это мне и кажется в сущности — *des lieux communs*³, несколько претенциозно поданные. В русской литературе вообще мало мысли, кроме Достоевского и еще немногих, — Боратынский выделяется тем, что думает (как в точности сказал о нем Пушкин⁴), но думает он хоть и сосредоточенно, а все-таки без настоящей глубины. Он *à priori*, принципиально в оппозиции общему мнению, всякому: зная это, легко заранее знать, что он скажет на такую-то тему, вроде как легко найти звезду по математическим данным о небе. Кстати, насчет Пушкина. Вы, по-моему — простите! — тоже преувеличиваете: «колоссальный ум» и т. д. Удивительный в своей точности ум и обаятельный, но в границах, и во всяком случае не испытывавший случая проверить себя, не быв-

ший на тех экзаменах, которые держали другие. Боратынский, м. б., завидовал Пушкину, как Сальери, но и смотрел на него чуть-чуть свысока («Глас, общий глас...»⁵ — в большом стихотворении, не помню названия: это будто бы о Пушкине, по всем комментариям). Ну, довольно. В общем, конечно, Б<оратынский> — душка, чудо и прелесть, и если бы все наши «молодые» поэты сообща написали бы одно его стихотворение, это стоило бы всей антологии Иваска. До свидания, cher ami.

Сегодня получил первый кусочек корректуры от Гринберга, и сегодня же ее возвращаю. Мне было бы очень интересно знать, что Вы думаете об этих «Комментариях». Там есть кусок из наших с Вами политических споров.

Ваш Г. А.

Спасибо за лестную вырезку⁶. Par le temps qui court⁷ никакими поклонниками и союзниками пренебрегать нельзя!

¹ Среди писем Адамовича В.С. Яновскому, хранящихся в Бахметьевском архиве (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1), такого письма нет.

² Речь о стихотворениях Е.А. Баратынского «Приметы» («Пока человек естества не пытал...») (1839), «Предрассудок! он обломок...» (1841).

³ Общие места (*фр.*).

⁴ Имеется в виду известное высказывание А.С. Пушкина из статьи <«Баратынский»> (1830): «Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834. С. 185–186.*)

⁵ Адамович по памяти приводит цитату из стихотворения Баратынского «Осень» («И вот сентябрь! замедля свой восход...») (1836–1837). У Баратынского: «Глас, пошлый глас, вещатель общих дум...» В.Я. Брюсов в биографической справке о Баратынском писал: «Поэт, конечно, сознавал величие Пушкина, в письме к нему лично льстиво предлагал ему “возвести русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами”, но никогда не упускал случая отметить то, что почитал у Пушкина слабым и несовершенным (см., например, отзывы Баратынского о “Евгении Онегине” и пушкинских сказках в письмах к Киреевскому). Позднейшая критика прямо обвиняла Б<аратынского> в зависти к Пушкину и высказывала предположение, что Сальери Пушкина списан с Баратынского. Есть основание думать, что в стихотворении “Осень” Баратынский имел в виду Пушкина, когда говорил о “буйственно несущемся урагане”, которому все в природе откликается, сравнивая с ним “глас, пошлый глас, вещатель общих дум”, и в противоположность этому “вещателю общих дум” указывал, что “не найдет отзыва тот глагол, что страстное земное перешел”. Известие о смерти Пушкина застало Баратынского в Москве именно в те дни, когда он работал над “Осенью”. Поэт бросил стихотворение, и оно осталось недовершенным» (Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб, 1911. Т. 5. Стб. 173–180).

⁶ Возможно, вырезка представляла собой появившуюся неделей раньше статью Аронсона, в которой тот благожелательно отзывался о стихах Адамовича в антологии «На Западе» (Аронсон Г. Русская поэзия за рубежом // Новое русское слово. 1954. 7 февраля. № 15261. С. 8).

⁷ По нашим временам (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
25/V-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я не знаю, кто кому не ответил, вероятно — я Вам. Простите, если так. Но сегодня я пишу Вам, чтобы сказать, что я прочел Ваш отрывок в «Опытах»¹ и нахожу его прелестным и замечательным. Думаю только — вернее, догадываюсь — что далеко не все будут такого мнения, и знаю наперед, какие возражения и критика будут сделаны. Но не верьте им: Вы — настоящий писатель, и мои чувства к Вам тут ни при чем. После Вас я просто не в силах был читать Набокова², при всем его удивительном таланте: до чего хлестко, пусто, шикарно, живо-блестяще, и в конце концов ни к чему! Какой-то сплошной моветон, рассчитанный на то, чтобы прельщать, но лично во мне только вызывающий скуку. Но вот что: зачем Вы обидели Рейзини?!³ Портретно так, что не узнать нельзя, и обидно до крайности, хоть к концу и смягчено. Зачем? Он — «добрый малый», не мог из-за денег измениться до неузнаваемости, а глупую важность из-за миллионов — можно и простить. Правда, этот Ваш выпад меня удивил и огорчил. Он, вероятно, очень уязвлен.

Третьего дня я ездил в Бирмингем на свидание с Гринбергами⁴ (полдороги между Лондоном и Манчестером). Зачем, собственно говоря, он жаждал меня видеть, я не понял. Я думал — поговорить о будущих «Опытах», как и что. Но «Опыты», по-видимому, кончатся⁵. Мы очень мило втроем позавтракали, но разговор был о том, о сем и ни о чем. Слышал, что Вы бросили место⁶. Довольны ли новой работой, и дает ли она Вам достаточно денег? Если соберетесь мне ответить, имейте в виду, что я здесь числа до 12 июня, а потом — Париж, обычный адрес. Скажите, пожалуйста, Яновскому, что я благодарю его за письмо и отвечу скоро, сейчас у нас экзамены и много возни.

До свидания.

Ваш Г. А.

¹ *Варшавский В.* Отрывок // *Опыты.* 1954. № 3. С. 52–69.

² В том же номере были опубликованы три первых главы набоковской автобиографии: *Набоков В.* Воспоминания // Там же. С. 3–49.

³ Большая часть «Отрывка», рассказывающего о первом посещении Варшавским Нью-Йорка, была посвящена встрече с Н.Г. Рейзини, выведенным под именем Рагдаева: «Владимир Рагдаев принадлежал в Париже к кучке последних русских мальчиков, собиравшихся по ночам в монпарнасских кафе для споров о Боге и справедливости, как по Достоевскому и полагается русским мальчишкам. Эмигрантский воздух оказался для них особенно губителен. Никого не удивляло, когда кто-нибудь из них умирал от чахотки или кончал самоубийством. <...> Но то, что один из нас стал миллионером, возбуждало любопытство, как нарушение некоей закономерности. <...> Он ужасно потолстел. Туловище стало тучное и тяжелое, а таз раздался, как у рожавшей женщины» (*Варшавский В.* Отрывок // Там же. С. 56–69).

⁴ В мае 1954 г. Р.Н. Гринберг с женой приезжал в Англию и 14 мая отправил Адамовичу коротенькое послание, улавливаясь о встрече: «Напишите мне в отель Кингсли в Лондон Ваш № телефона. По приезде хочу Вас вызвать и сговориться о свидании. 21-го мы, вероятно, будем заняты (я по делу), а в субботу или в воскресенье мы для Вас» («Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»); Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 388). После этого их переписка затихла, возобновившись лишь в 1959 г., когда Гринберг задумал альманах «Воздушные пути».

⁵ «Опыты» не прекратились, но Гринберг ушел из журнала, и следующие номера выходили уже под редакцией Ю.П. Иваска.

⁶ В первые годы пребывания в Нью-Йорке В.С. Варшавский сменил ряд работ, в частности был курьером в ООН.

13

4, avenue Emilia
c/o M-me Lesell
Nice. — France
13/VIII-54

Я здесь до 10 сентября, потом — Париж, обычный адрес.

Дорогой Владимир Сергеевич

Мне трудно ответить точно на Ваш вопрос о моих статьях¹. Кое-что общего характера было в «Совр<еменных> записках» — например, «Несостоявшаяся» прогулка² (кот<орую> я когда-то читал у Фондаминского³), «Письмо туда»⁴ и др. Но больше было в «Послед<них> новостях»⁵.

Я сейчас занят разбором разных вырезок, для книги в Чех<овском> изд<ательстве> (не уверен, что выйдет — отчасти по моей вине).

Есть в «Послед<них> новостях» статья «Жизнь и жизнь»⁶, спор с Ходасевичем — как раз на общие эмигрантские темы. Но на вырезке не указан год. Однако на обороте есть объявление о вышедшей 57-й книге «Совр<еменных> записок». Думаю, что это даст Вам возможность установить время появления статьи. Еще есть статья «Парижские впечатления»⁷ — по-видимому, 12 апреля 1933, 34 года (скорей 34). Да, «Жизнь и “жизнь”» — № 4 апреля, но год установите по «Совр<еменным> запискам».

Еще: «Поэзия здесь и там»⁸, 25 октября, год не знаю.

На мою полемику с Ходасевичем был ответ Цетлина в «Совр<еменных> записках», на те же темы⁹. Это может Вам пригодиться.

Затем «Комментарии» — в «Числах» и кое-что такое же в «Совр<еменных> записках»¹⁰.

Voilà. Больше ничего сообщить не могу. Кстати, мне показывала Червинская статью Федотова о парижской литературе¹¹, очень для меня лестную. Кажется, она была в 1942 г. в «Ковчеге» или что-то вроде. Это я Вам пишу не чтобы хвастаться,

хотя должен признаться — я был польщен, прочтя ее, п<отому> что Федотов, со всеми его недостатками, c'était quelqu'un¹².

Насчет издания сборника статей — как Вы пишете — ничего ответить не могу. Когда-нибудь, может быть. Но едва ли, — да и к чему? Все все равно кончится лопухом, а я к лопуху все ближе, и всякая суетность мне все безразличнее. Что Пруст, умирая, что-то писал и дописывал — вечный предмет моего удивления. М. б., он был прав, но я этого не понимаю. Не думайте, что я при этом с ним себя хоть на 1/10000 сравниваю. Je sais ce que je suis¹³, в обе стороны.

До свидания, дорогой друг. Негодую — упорно — на Вас за Рейзини. Зачем, для чего было это делать? Пушкин сказал:

«что чувства добрые я лирой пробуждал»¹⁴.

Вечный закон, и, например, Щедрин оттого в конце концов и провалился, при огромном таланте, что законом этим пренебрег.

До свидания. Крепко жму руку. Несмотря на Рейзини, хочу сказать, что я Вас люблю дружески и верно.

Ваш Г. А.

Да, «Неужели это кончилось» было в «Н<овом> р<усском> с<лове>» зимой, а когда именно — не помню¹⁵.

У Вас на конверте написано 126 street. Ошибка? Всегда было 122.

¹ Варшавский расспрашивал Адамовича о его публикациях, по-видимому, для соответствующей главы «Незамеченного поколения».

² Адамович Г. Несостоявшаяся прогулка // Современные записки. 1935. № 59. С. 288–296. В переработанном виде статья вошла в книгу «Одиночество и свобода» под названием «Сомнения и надежды».

³ Речь идет об одном из первых собраний объединения «Круг», созданного И.И. Бунаковым-Фондаминским в 1935 г.

⁴ Адамович Г. «Туда» // Современные записки. 1937. № 64. С. 235–245.

⁵ В газете «Последние новости» Адамович с 1928 по 1940 г. опубликовал более двух тысяч статей и заметок. Библиография его публикаций в «Последних новостях», подготовленная для тома «Литературных заметок» в составе Собрания сочинений Адамовича, публикуется в настоящем издании.

⁶ Адамович Г. Жизнь и «жизнь» // Последние новости. 1935. 4 апреля. № 5124. С. 2.

⁷ Он же. Парижские впечатления // Там же. 1934. 12 апреля. № 4767. С. 2.

⁸ Он же. Поэзия здесь и там // Там же. 25 октября. № 4963. С. 3.

⁹ Цетлин М. О современной эмигрантской поэзии // Современные записки. 1935. № 58. С. 452–461.

¹⁰ Полный список публикаций Адамовича этого жанра см. в статье: Коростелев О.А. Адамович Георгий Викторович: «Комментарии» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): В 3 т. М., 1999. Т. 3. Ч. I. С. 47–51; то же: Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: В 3 т. М., 2002. Т. 3: Книги. С. 26–28. См. также издание: Адамович Г.В. Собрание сочинений: Комментарии / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2000.

¹¹ Федотов Г.П. О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. Нью-Йорк, 1942. № 1. С. 189–198.

¹² Это нечто (*фр.*).

¹³ Я знаю, что я собой представляю (*фр.*).

¹⁴ Из стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

¹⁵ См. примеч. 3 к письму 9 наст. публ.

14

104, Ladybarn Road
Manchester 14
9/X-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Я как раз собирался Вам писать, а приехав в Манчестер третьего дня, получил Ваше письмо.

Очень рад, что «Опыты» будут выходить. Мне Гринберг, с тех пор как я его видел в Париже, ни разу не написал, и я решил, что значит «Опытов» не будет. Мне в голову не приходило (и, кажется, никому в Париже), что М<ария> Сам<ойловна> будет их продолжать без него¹. Отчего он это дело бросил? Казалось, он был им очень увлечен.

Иваск — редактор: что же, я скорей этому рад. Он — «свой человек», очень тонкий, но, пожалуй, с перевесом тонкости над ясностью в мыслях. Вы спрашиваете советов: как вести журнал?

Единственное, что могу издаека сказать, это что надо найти среднюю линию между эстето-снобизмом и хамство-дипизмом. С Иваском безразличие ко всему общественному может восторжествовать (как в «Числах»). Надо, чтобы было не только любованье прелестью мира, но и тревога о судьбах мира: это, по-моему, главное. Красота, может быть, и «спасет мир», но не всякая, и не такая, которой ни до чего нет дела. Ну, Вы понимаете сами — что я Вам буду советовать! Советовать пришлось бы, пожалуй, не для общей линии, а при выборе очередного материала: что помещать, что возвращать. Вся трудность редактирования в этом, и в тех мелочах — заметках, рецензиях и т. д., — которые дают журналу физиономию, больше чем статьи. У нас мало осталось людей нужных и ценных: все — на том свете, или почти все. Я, например, Степуна не люблю, а теперь думаю о нем как о возможном столпе журнала, если он вместо сипема² займется чем-либо другим. Кто такой Ульянов?³ Что-то в этом человеке есть, хотя хорошо бы он сделал, если бы писал менее прямолинейно, авторитетно и шикарно.

Et ainsi de suite⁴.

Очень рад, что Вы пишете книгу. И за Вас, и вообще! Я свою все никак не могу кончить, даже наполовину. Летом я веселился и бездельничал, а сейчас приступил и буду писать срочно. Обещал Александровой⁵ все прислать в октябре, ну пришлось не все, а кое-что, а в ноябре — все⁶. Надеюсь, malentendu⁷ не будет, хотя я с ними (судя по прошлой переписке) ни в чем не уверен. Все мои денежные планы на них построены, но это — не для огласки, а конфиденциально. Здесь на

меня обрушился налог за прошлое, целый капитал, а любовь на старости лет требует денег.

В Париже — тоска и вопли со всех сторон. Жорж Иванов — полутруп, и, по моему, долго не протянет, Вы бы его не узнали. Одоевцева была бы весела, как пташка, если бы не тяготилась супругом и деньгами. Лида в полном отчаянии, словом, все у всех грустно и плохо. Видел с удовольствием и отрадой Нат<алью> Владимировну⁸, обедал у них в обществе Прегельши (тоже какие-то драмы!), Веры Николаевны и Зурова. Это — одно из редких приятных воспоминаний о Париже.

Напишите о себе. У Вас что-то с ногой⁹: что, и насколько это серьезно или неудобно? Буду очень, очень, очень рад, если приедете летом в Париж. Но приезжайте в июне, п<отому> что в июле начнется общий разъезд, в частности — мой.

А насчет того, что будет после смерти, ничего не знаю. И чем дальше живу — тем знаю меньше.

Ваш Г. А.

¹ Подробнее об этом см. в публикациях: Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы / <Сост. О.А. Коростелев> // Литературоведческий журнал. М., 2003. № 17; «Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!» (О прекращении журнала. По письмам из архива М.С. Цетлиной) / Публ., вступ. заметка и коммент. М. Пархомовского // Русские евреи в Америке. Кн. 1 (Русское еврейство в зарубежье. Т. 12) / Ред.-сост. Э. Зальцберг и М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 187–208.

² Адамович имеет в виду статью: *Степуна Ф.* Кино и театр // Опыты. 1953. № 2. С. 63–80. В период редакторства Иваска в «Опытах» появились статьи Степуна на другие темы: *Он же.* Искусство и современность // Там же. 1956. № 6. С. 28–37; *Он же.* «Новоградские» размышления по поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней // Там же. 1956. № 7. С. 45–57; а также рецензия на книгу С.А. Щербатова «Художник в ушедшей России» (Там же. 1956. № 6. С. 104–106).

³ *Ульянов Николай Иванович* (1904/1905–1985) — историк, критик, прозаик. До войны был преподавателем Архангельского педагогического института (1930–1933), затем старшим научным сотрудником Постоянной историко-археологической комиссии при АН СССР (Ленинград, 1933–1936). В 1936 г. его арестовали, отправили на Соловки и освободили из заключения в 1941 г., тут же мобилизовав на окопные работы под Вязьмой, где он вскоре попал в плен, бежал, осенью 1943 г. отправлен в Германию в рабочие лагеря. После войны Ульянов жил под Мюнхеном, с 1947 г. в Марокко (Касабланка), с 1953 г. в Канаде, преподавал в Монреальском университете. В 1955 г. переехал в США, преподавал русскую историю в Йельском университете (1956–1972). С начала 1950-х гг. Ульянов, подписываясь как своей фамилией, так и многочисленными псевдонимами (Н. Шварц-Омонский, Н. Бурназельский и др.), выступал с критическими статьями в «Возрождении», «Новом журнале», «Опытах», «Воздушных путях», «Новом русском слове» и других эмигрантских изданиях.

⁴ И так далее (*фр.*).

⁵ *Александрова Вера Александровна* (урожд. Мордвинова, по мужу Шварц; 1895–1966) — журналистка, литературный критик, сотрудник «Коммерческого телеграфа» и «Утра России». В 1922 г. выслана за границу вместе с мужем С.М. Шварцем. Жила в Берлине, сотрудничала с журналом «Социалистический вестник», перед Второй мировой войной переехала в Нью-Йорк, в 1952–1956 гг. была главным редактором Издательства имени Чехова.

⁶ 26 октября 1954 г. Адамович послал редактору Издательства имени Чехова очередную порцию материала для своей книги «Одиночество и свобода»: «Вот еще две главы. Дней через 10–15 пришло еще — вероятно, об Алданове и Зайцеве. Остается еще одна, вероятно довольно большая, вступительная статья (и конец главы о Ремизове)» («Простите, что пишу Вам по делу...» Письма Г.В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 212).

⁷ Недоразумение (*фр.*).

⁸ Незадолго до того, 6 декабря 1953 г., Адамович писал Н.В. Кодрянской: «Володя Варшавский пишет мне редко и, по-видимому, живется ему не совсем так, как он от Америки ждал. Мне жаль, что ему мало остается время для писания и даже чтения. Он ведь — не из породы Газдановых, который присел к столу и сочинил рассказ, — и ведь в этом-то его тяжелодумии именно и все значение того, что он пишет» (Leeds. MS 1408).

⁹ У В.С. Варшавского был хронический артрит.

15

104, Ladybarn Road
Manchester 14
30/X-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Отчего Вы не ставите числа на письмах? Собирался ответить Вам на ваше последнее письмо, и не знаю, когда оно писано. Кажется, совсем недавно.

Отвечаю по порядку, как человек аккуратный.

«Опыты». Я в переписке *très suivie*¹ с Иваском². Он мне по письмам очень симпатичен, и, по-видимому, вообще мил и искренен. В Париже его почему-то невзлюбили (по сведениям Неточки³), но это — какие-то личные счеты, Ставрова и К°. Кстати, Ставров — будто бы мой приятель. Но нет на свете человечка более себялюбивого, самолюбивого, самомнящего и т. д. В оправдание можно сказать, что он — болен. Мария Ивановна по природе лучше, но она — его тень. (Все это — *entre nous*, как вообще всегда *все*.)

Гринберг, по-видимому, спятил на Сирине и его гениальности⁴. Было время, он носился с Маяковским. По-моему, «Опыты» должны бы остаться вне Сирина, — не браня его, конечно, по глупому примеру «Чисел», но и не интересуясь им. «Il n'est pas de la maison»⁵, и если даже его мэзон лучше, то это дом — не наш, и у меня лично нет никакого желания туда переселиться.

Вообще, было бы хорошо, если бы «Опыты» (если только они не лопнут на одном номере!) приняли позицию ответственности за лучшее русское «прошлое — будущее», без эстетического холода и без общественного узколюбия, не с презрением к дипийству, а с попыткой им объяснить, что не все их жанром и складом исчерпывается. Ну, Вы понимаете сами. И это должна бы быть Ваша роль в «Опытах», поскольку Иваск — слегка одуванчик, со всеми соответствующими прелестями, но, кажется, без стержня.

Рейзини. О нем мне недавно писал Яновский, тоже с предложением замолвить словечко о моих налогах. Нет, пожалуйста — ничего такого не делайте. Во-первых — если бы надо, я бы написал сам. Во-вторых — летом, проигравшись, я ему и написал вопль, мгновенно принесший солидные результаты. Но у меня есть к Вам другая просьба, если Вы его видите. Меня просил написать ему Жорж Иванов, и я обещал. Но мне неловко просить еще и о друзьях, не только о себе. Если Вы Рейзини можете увидеть, передайте ему просьбу Жоржа, скажите, что я с ним вполне в мире⁶, и был бы рад, если бы он ему помог. Жорж болен, растерян, и хотя финансово это бездонная бочка, все-таки им деньги очень нужны (28, rue Jean Giraudoux, Paris 16^e). Пожалуйста, сделайте это, если можно. Меня как-то терзает, что я Жоржу обещал, а ничего до сих пор не сделал.

Вы спрашиваете о Jean Perin и Юре⁷. О Жане — не знаю ничего, Юра в Касабланке, женился и отец семейства. Я в Ницце встречался с его дядей, а сам он мне очень давно не писал. Я не совсем понимаю, что у Вас с ногой и отчего «нельзя вылечить». Что это, в костях? Вы были всегда спортивным жен-омом⁸, а вдруг хромаете! C'est la fin des haricots⁹.

Да, о моей книге и Чех<овском> изд<ательст>ве. Я послал им уже страниц 175, на днях пошлю еще. Ничего общего с «Комментариями», как Вы предполагаете! Длиннейшие рассуждения о разных эмигр<антских> писателях (старших). Скука крайняя. Конечно, я кое-что беру из давних вырезок, но все это приходится наново комбинировать. Между прочим, Терапиано мне сказал, что они заказали историю эмигр<антской> литературы Глебу Струве¹⁰, из опасения, что парижанин стал бы слишком превозносить все парижское. Надеюсь, что этот заказ не совпадает с моей книгой. У меня — ничуть не история, а взгляд и нечто.

Что пишете Вы — мне не вполне ясно. Очевидно, тоже взгляд и нечто, но о чем? О генералах вообще, или о генералах 12-го года?

До свидания, cher ami. Кланяйтесь, пожалуйста, друзьям, если они у меня в Н<ью>-Йорке есть, и, конечно, Кодрянским.

Ваш Г. А.

¹ Очень регулярной (фр.).

² Половина сохранившихся писем (100 из 196) опубликована: Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж, СПб., 2003. С. 402–557.

³ Элькан Анна Морисовна (Морицевна, Моисеевна) (урожд. Абельман; ?–1962) — поэтесса, мемуаристка, хозяйка литературного салона, секретарь Союза писателей и поэтов. См. о ней: Крейд В. Неточкин салон: О салоне Анны Элькан // Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8). Иерусалим, 2001. С. 121–130.

⁴ Подробнее об их взаимоотношениях см. в публикациях переписки: «Дребезжание моих ржавых русских струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Рашита Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 345–397; Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967 / Вступ. ст., публ. и коммент. Рашита Янгирова // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб., 2001. С. 477–556.

⁵ Он вне этого дома (*фр.*).

⁶ Подробнее об этом см. в публикации их переписки: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 449–552.

⁷ Близкие друзья Адамовича.

⁸ Калька с фр. *jeune homme* — молодой человек.

⁹ Это полный крах (*фр.*).

¹⁰ Книга была опубликована через два года: *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд. имени Чехова, 1956.

16

104, Ladybarn Road
Manchester 14
13/XI-54

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, и за то, что говорили с Рейзини о Жорже Иванове. Надеюсь, пошлет. А то, что он на Вас не обижен — очень к его чести. Я не обидчив (честное слово!), но если бы такое написали обо мне, пожалуй, обиделся бы. Даже физически он у Вас вышел противен, а физическое обиднее нравственного. Передайте ему от меня нежные чувства, самые искренние, — ну а насчет поездки в Америку, пока нечего и думать. Летом у Вас жарко и пусто, зимой я занят.

Относительно моей книги: да, она — о старших, потому что о младших начни писать, так надо бы потом застраховать свою жизнь. Да и старшие — далеко не все, так, избранные — не столько по вкусу, сколько потому, что были о них у меня статьи. А о молодых — все сочиняй наново, а я ничего не помню, что они писали! Не сердитесь, к Вам это никак не относится, а о Вас я еще напишу. Хотел бы где-нибудь и что-нибудь написать об Иваске, — но где и что?¹ В Париже его не любят, какие-то счеты, и в одной из недавних статей Терапиано это «выперло» до неприличия². А он — лучше них, во всех смыслах.

Ваша книга очень меня интересует. Но — поменьше цитат, побольше Вашего! И не очень уж вспоминайте Бергсона (простите за советы!). Да, кроме «Рудина» — для темы «русских мальчиков» — хорошо бы вспомнить «Былое и думы» (глава о гегельянстве и Моск<овском> университете) и воспоминания Тургенева о Белинском («мы не решили о Боге, а вы — чай пить!»)³. Свою статью «Неужели кончилось?» я, кажется, мог бы Вам прислать, но можете обойтись и без нее, если подберете цитаты из авторов более почтенных.

Еще два слова — об Алданове. Что «противного» в «Ульм<ской> ночи»?⁴ Если бы Вы знали, какой это милый, умный и грустный человек, то его не бранили бы. И притом — редкостно джентльменский, без позы и усилия. Я его очень люблю, *malgré vous*⁵, ну, а о литературе — «сами все знаем, молчи». Хотя и литература много все-таки лучше, чем принято говорить! До свидания. Как Вы живете? Как нога?

Ваш Г. А.

Я недавно послал стр<аниц> 50 Александровой в «Чех<овское> изд<ательст>-во». В ответ получил две строчки: «ждем дальнейшего». Очевидно, они еще существуют? Если Вы у них бываете, пожалуйста, ничего у них не говорите из того, что я пишу Вам о своей книге.

¹ Незадолго до того Адамович писал о Ю.П. Иваске в статьях «Новые стихи» (Новое русское слово. 1953. 4 октября. № 15135. С. 8) и «Новые голоса» (Там же. 1954. 6 июня. № 15380. С. 8). Следующие отзывы он опубликовал уже в связи с «Опытами», когда Иваск приступил к их редактированию: *Адамович Г.* Несколько слов о журнале «Опыты» // Новое русское слово. 1955. 19 июня. № 15758. С. 8; *Он же.* «Опыты» // Там же. 1956. 3 июня. № 15681. С. 8.

² Отзываясь о составленной Ю. Иваском антологии «На Западе» (Нью-Йорк, 1953), Терапиано писал: «Очень критикуют читатели антологию русской зарубежной поэзии, составленную Ю.П. Иваском: “Количество не перешло в качество. Просто странно: талантливые поэты были, есть за рубежом, и можно бы, отобрав у них лучшее, составить впечатляющий сборник, а у составителя получилось нечто до того унылое и серое, что всякий, отчаявшись, закроет книжку”. — “Составитель не только ухитрился выбрать не поэтов, а из поэтов выбрать не поэтическое, — пишет другой читатель, — но и систематизировал весь набранный им колхоз весьма своеобразно... Очень не повезло зарубежной поэзии в руках г. Иваска”» (*Терапиано Ю.* «Грани», книга 21 // Новое русское слово. 1954. 10 октября. № 15506. С. 8).

³ Адамович имеет в виду приведенную в воспоминаниях И.С. Тургенева фразу В.Г. Белинского, произнесенную во время спора летом 1844 г.: «Мы не решили еще вопроса о существовании Бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть!» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 29).

⁴ Сборник историко-философских диалогов М. Алданова «Ульмская ночь: Философия случая» была издана в Нью-Йорке в 1953 г. Адамович написал благожелательную рецензию на эту книгу: *Адамович Г.* «Ульмская ночь» // Новое русское слово. 1954. 4 апреля. № 15317. С. 8.

⁵ Несмотря на вас (*фр.*).

17

104, Ladybarn Road
Manchester 14
20/I-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Хотя Вы пишете, что «давненько не получали от меня писем», но по-моему это Вы мне не писали, а не я Вам! Впрочем, память моя обанкротилась окончательно, так что, м. б., Вы и правы. Passons¹.

Книга моя действительно в Чех<овском> изд<ательст>ве прошла. Контракт подписан, аванс получен (но полностью ушел на погашение терзавшего меня ростовщического долга, сделанного 2 года назад, — но и то хорошо!). Насчет славы, сомневаюсь. Entre nous — но совсем entre nous, честно! — книга слабоватая, кое какая. Пожалуйста, только не разглашайте этого! Цитируете Вы «обожраться сла-

вой и деньгами» — неверно. Это Зинаида встретила Бунина, вернувшегося из Стокгольма: «ну, что, облопались славой?»² Он дрожал от злости, вспоминая это, еще 20 лет спустя. О том, что Рейзини наконец облагодетельствовал Иванова, я сообщил aux intéressés³. Но почему от моего имени? Я во всяком случае просил Ив<анова> никому не рассказывать о рейзиневских щедротах. Перикл действительно очень болен. Но он все последнее время болел, и жаль мне — как это ни постыдно! сознаю, — не столько его, сколько М<арию> Ивановну, совсем им замученную. О чем Вы пишете книгу — мне так и не ясно. Цитаты, — но о чем и у кого цитаты? Что полкниги будет из Бергсона, я не сомневаюсь, но кто еще? Наверно книга будет интересная, в этом я не сомневаюсь, но не очень скромничайте, укрываясь за цитаты, пишите от себя! Кстати, у Вас голова, по-моему, вовсе не комментаторская: это не упрек и не комплимент, а «констатирование». Вам лучше писать прямо от себя, чем вдохновляясь другими. И еще кстати: сегодня со студентами я читал самые первые три-четыре главы «Детства» Толстого — и все думал: на кого это похоже? А это похоже на Вас, в особенности об отце (прочтите, если не помните — тон Ваш, до странности). Приехать бы в Нью-Йорк я очень бы хотел, но едва ли! Летом жарко и пусто, зимой я не могу. А что Рейзини, в принципе, все еще согласен оплатить мне дорогу, весьма трогательно. Богатство обычно ведет к скупости. У него, кажется, не привело.

Кого Вы в Нью-Йорке видите? Иваск мне пишет довольно часто — пространно, он по письмам — душка, хотя и с неврастенией. Но русский человек совсем без неврастении обычно — хам, или почти. Лучше быть Иваском. А что Зайцев заваяничал и возомнил себя главой русск<ой> литературы — я слышал не только от Вас. Он — не глава, а Божья коровка с крошечным (но настоящим) талантом и провинциальным душком.

До свидания.

Хотел написать письмо вразумительное, а пишу чепуху. Не отвечайте тем же.

Ваш Г. А.

¹ Оставим (*фр.*).

² Этот эпизод Адамович позже воспроизвел в «Table talk»: «Вернувшись из Стокгольма после получения нобелевской премии, Бунин пришел к Мережковским: visite de courtoisie <визит вежливости (*фр.*)>, тем более необходимый, что Мережковский был его нобелевским соперником и даже тщетно предлагал условиться о разделе полученной суммы пополам, кому бы из них двоих премия ни досталась.

Зинаида Николаевна встретила его на пороге и будто не сразу узнала. Потом, не отнимая лорнета, процедила:

— Ах, это вы... ну, что, облопались славой?

Бунин рассказывал об этом несколько раз и всегда с раздражением» (*Адамович Г. Table talk // Новый журнал. 1961. № 64. С. 101–116*).

В мемуарных книгах А. Седых, И.В. Одоевцевой и других эпизод посещения Мережковских Буниным после получения Нобелевской премии передан по-другому (у каждого мемуариста, впрочем, по-своему, однако упомянутой Адамовичем фразы Гиппиус или какой-либо в этом роде никто из них не привел).

³ Всем, кому это интересно (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
5/III-55

Cher ami Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо (13 февраля, — редкий случай, что проставили число!). Простите, что отвечаю не сразу. Но это оттого, что одолеваем немощами, в частности глазами, мешающими мне писать и читать. Очевидно, старость: стал разваливаться.

Вот, умер бедный Пира. И Кнут помер, и другие. Марии Ивановне я сейчас же послал сочувственное письмецо, но ответа не получил: верно, написал не так, как надо бы. Кстати, надо бы и в «Н<овое> р<усское> сл<ово>» написать что-нибудь!¹ А еще кстати, почему Вы не пишете в «Н<овое> р<усское> с<лово>»? Даже при Вашей всем известной тяжести на подъеме, могли бы иногда тиснуть статейку. И третье «кстати»: читали ли Вы в «Нов<ом> журнале» Ульянова, с упоминанием о письме насчет Вашей книги?² Мне Ульянов не нравится: блестяще, гладко, самоуверенно — все то, чего я лично не терплю. Но Кантор почему-то этой статьей возмущен до крайности, уверяя, что Ульянов ничего не знает, ничего не понимает и что ему надо ответить, посадив его на место³. Qu'en pensez vous?⁴ (Пожалуйста, ответьте на это, и что вообще думают об этом у Вас, в Ваших тамошних сферах?)

Получил письмо от Иваска, пишет, что Вы на собрании «Опытов» произнесли замечательную речь (а также о<тец> Шмеман). Не знаю, его или Ваша это идея о «скриптах», мысленно обращенных туда, в Россию — но мысль это очень хорошая. Я сразу даже почувствовал зуд в пальцах, хочется писать, и было бы хорошо даже выпустить весь №, сплошь (или почти сплошь) из таких писем, если найдется достаточно авторов. Главное, надо бы сказать: зачем вы все ведете к тому, чтобы ложь правила миром, в противоречье со всем тем, к чему всегда шла Россия? Но если я очень распространюсь, Вы, пожалуй, у меня скрадете мыслишку, значит останавливаюсь. (Не принимайте этого всерьез, как с Вами случилось на моей практике.)

Да, вот что верно, и надеюсь, Вы тут пустите в ход все свое влияние на Иваска и Марию Самойловну. Зачем Иваск хочет выпускать № 5 еще до лета. Тысяча доводов против этого, — я их ему привел⁵ — а главное: он неизбежно тянет спешить, брать все, что попадется — к чему?! Теперь все так редко, так трудно дается: даже на 1/100 не стоит портить журнала из-за стремления к аккуратности! Надо, чтобы № 5 вышел в сентябре, а № 4 будет всю весну еще книжкой «новой». Убедите их в этом, пожалуйста — и вот тогда к осени можно и «скрипты» собрать: Вы, Яновский (я думаю, он к такому делу и склонен, и подходит очень); Степун, если не ударится в «штучки»; Кантор едва ли, по характеру, но, м. б., Маклаков, который, если бы захотел и загорелся, начал бы хорошо, не очень вдаваясь в политику, — ну и другие.

До свидания. Что же, соберетесь Вы в Европу и когда? Вы спрашиваете, что я делаю в Манчестере вне лекций? Больше всего смотрю в потолок и думаю, как бы я стал жить, если бы выиграл 1 000 000. Антисемит пишется через е, а не симит, как Вы изволили написать об Иваске.

Пишите, пожалуйста. Вы моя моральная поддержка, опора и связь с мировой душой.

Ваш Г. А.

¹ Некрологическую статью об обоих Адамович вскоре опубликовал: Адамович Г. Довид Кнут и П. Ставров // Новое русское слово. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8.

² В своей статье Н. Ульянов писал о только что вышедшей книге В.Ф. Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания» и сетовал на то, что в эмиграции прервалась традиция говорить себе литературную смену: «Не знаем, поощрял ли чье-нибудь творчество тот же Бунин в лучшие свои времена? На нашей памяти промелькнуло только одно его коротенькое письмо, написанное вкуче с Алдановым о книге В. Варшавского. Но и оно означало своего рода издательский *Bezugsschein* — рекомендацию на предмет напечатания книги» (Ульянов Н. Застигнутый ночью // Новый журнал. 1954. № 39. С. 152). Упомянутое Ульяновым письмо, судя по всему, было инспирировано Адамовичем, которому Бунин писал 18 октября 1951 г.: «О Володе: напишите о нем побольше, укажите, чем *все-таки* отличается его книга от великого множества, написанного о войне. Напишите прямо по-французски — и напечатайте на машинке. А я ухарски распишусь» (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 101).

³ В своем ответе Н.И. Ульянову М. Кантор писал: «Основная задача поощрения молодых и руководства ими выпала на долю среднего поколения. И оно эту миссию добросовестно выполнило, в лице В.Ф. Ходасевича, Г.В. Адамовича, В. Вейдле и М.Л. Слонима, в лице покойных К.В. Мочульского и Н.М. Бахтина и др.» (Кантор М. Надо помнить... // Новое русское слово. 1955. 27 марта. № 15674. С. 8).

⁴ Как думаете? (*фр.*).

⁵ В письме от 3 марта 1955 г., где Адамович горячо поддержал и идею публикации серии «скриптов» в «Опытах» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: СПб., 2003. С. 445–446).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
29/IV-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Как обычно, письма наши «расходятся». Почему-то мне кажется, что разойдется и это с Вашим, если только Вы собираетесь мне написать.

Получил сегодня письмо от Иваска, но не отвечу сразу, т. к. еще не все прочел в «Опытах», а он просит именно о них ответа. Он, между прочим, сообщает, что на

собрании у Мар<ии> Сам<ойловны> все хором журнал бранили¹. Это жаль в том смысле, что может подействовать на издательницу. Журнал вовсе не плох, но «жидковат» (внутренне) и удивительно похож на редактора. Я поклонник и сторонник «задумчивости», «декадентства» и всего такого, но это должно быть не от недостатка жизни, а как преодоление ее грубости. В «Опытах» все еще «до», а не «после». Но это относится к общему тону, в общем все-таки благородному и достойному. Ваша статья² очень хорошая в отдельных замечаниях, и очень хорошо написана, но почему Вы не сопоставили Н<абокова> и П<оплавского>, как обещает заглавие? В частности, все о П<оплавском>, по-моему, интереснее и вернее, чем о Н<абокове> и этом его несчастном «Приг<лашении> на казнь» с лубочно-обывательским его замыслом, достойным Газданова или Одоевцевой. Простите за непрошенную критику, а кстати, спасибо за цитату из меня³, кот<орую> я забыл и которая мне очень понравилась (откуда она?). Слышал, что Ваша книга принята, и очень за Вас рад, во всех смыслах. Я получил уже корректуру своей, должна выйти осенью. Мог бы я написать книгу много лучшую, если бы издательство пожелало взять то именно, что я пожелал бы ему дать. Но оно просило книгу об эм<игрантской> лит<ературе> — и этим я был связан. Письма Галя очень трогательные⁴, а Марков мне не нравится, хотя Иваск писал о нем заранее с волнением и трепетом⁵. Трещотка какая-то, с отдельн<ыми> хорошими кусками. В Париже я провел время с обычными развлечениями и суетой. Парижа почти нет. Видел раза два Кодрянских, и Вас вспоминали «с теплыми чувствами», как пишет Бахрах.

Ну, до свидания. Вы не согласны со мной о Наполеоне и Толстом. У меня есть разн<ые> соображения об этом. Если бы Вы написали возражения, я бы ответил Вам контр-возражениями, и это могло бы войти в «Опыты», как нечто подходящее. Им надо крови и мускулов. Даже Ал<ександра> Львовна кое в чем оживила их бледную немочь⁶. Это — *entre nous*, Иваск — мимоза, об этом всем я напишу ему иначе, чтобы поддержать его редакторский пыл.

Очень жалею, что Ваши планы о поездке в Европу отложены. Здесь, т. е. в Париже, я видел Саонову⁷, кот<орая> в Нью-Йорке улучшилась. Что произошло с собранием о Достоевском — и обедами Керенского и Извольской?⁸ Глаза мои лучше, но весь я стал разваливаться, что по возрасту и естественно.

Ваш Г. А.

¹ 14 мая 1955 г. Адамович писал Иваску: «С неделю тому назад я написал Варшавско-му об “Опытах” в ответ на его сообщение, что журнал вообще бранят и Вы будто бы даже думали об отставке. А писал я ему для того, чтобы убедить его взяться за защиту “Опытов” — как оплота против возрастающего и обступающего нас хамства, грубости и всего такого. У “Оп<ытов>” есть “миссия”, притом именно с Вами. Оттого люди и злятся, что это чувствуют. Но Варш<авский> в ролях трибуна — не совсем на месте. Но пусть хоть будет трибуном в салоне издательницы» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 456).

² Имеется в виду опубликованный отрывок из книги «Незамеченное поколение»: *Варшавский В. О Поплавском и Набокове // Опыты. 1955. № 4. С. 65–72. Иваску Адамович написал о нем 29 апреля 1955 г.: «Варшавский интересен в первой части, но не о Набоко-*

ве, и притом по названию его статьи можно ждать параллели, сопоставления, а он просто ограничился разбором «Приглашения» на казнь», вещи пустой и банальной, при всех ее стилистических штучках. Все эти будущие тоталитарные ужасы с роботами и номерками успели превратиться в «общее место», лживое и глупое, и не стоило Варшавскому об этом и говорить. Но отдельные мысли очень верны, и лично мне очень нравится, как статья написана (едва ли понравится очень многим, т. к. нравится легкость, а он ворочает камни и глыбы)» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). С. 452).

³ Варшавский в своей статье процитировал Адамовича: «Из этого ничего не вышло, но разве это довод. Ни из чего никогда ничего не выходит, все только приносится в жертву» (*Варшавский В.* О Поплавском и Набокове // *Опыты.* 1955. № 4. С. 67).

⁴ Имеется в виду публикация, в которой Ю.П. Иваск рассказал о своих встречах с поэтом Юрием Владимировичем Галем (1921–1947) и привел пять его писем 1944–1945 гг.: *Галь Ю.* Письма // *Опыты.* 1955. № 4. С. 91–103.

⁵ В том же номере «Опытов» была опубликована поэма без названия Владимира Федоровича Маркова (р. 1920): *Марков В.* «Часы холодной смерти...» // Там же. С. 11–20. 29 апреля 1955 г. Адамович написал об этом и Иваску: «Насчет Маркова не могу согласиться с Вами. Талантлив он несомненно, и поэт — несомненный. Но эта несчастная идея написать поэму трехстопным скачущим ямбом убила бы кого угодно (хотя Некрасов выдержал). У Маркова поэзия пробивается и сквозь трещотку размера, но часто ничего кроме трещотки нет. Как мог его подвести слух? Это, кстати, очень интересная тема: о размере, который слух способен принять и выдержать на протяжении нескольких сот строк. Но у Маркова явно именно размер его и погубил» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). С. 452).

⁶ Речь о публикации отрывка из воспоминаний Александры Львовны Толстой (1884–1979): *Толстая А.* Николка // *Опыты.* 1955. № 4. С. 38–44.

⁷ *Сазонова Юлия Леонидовна* (урожд. Слонимская; 1884–1957) — литератор, журналист, режиссер, театральный и литературный критик, сотрудница журнала «Аполлон». С октября 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Болгарии, Италии, с 1924 г. в Париже, руководитель Театра марионеток, сотрудник «Звена», «Последних новостей», а также французских изданий, с 1942 г. в США, докторант Колумбийского университета (1947–1949), сотрудница «Нового русского слова», «Нового журнала», «Голоса Америки», с 1955 г. вновь в Париже.

⁸ *Извольская Елена Александровна* (1896–1975) — публицист, переводчица; основательница экуменического общества «Третий час» и главный редактор одноименного журнала. См. о ней: *Яновский В.* «Третий час» Елены Извольской // *Время и мы.* 1995. № 127. С. 238.

20

4, avenue Emilia
c/o M-me Lesell
Nice
8/VIII-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Вчера Алданов дал мне книжку «Нов<ого> журнала» с Вашей статьей¹. Хотя я не уверен, что за отзывы надо благодарить — т. к. в сущности это — т. е. отзыв — выражение мнения, а не любезности, по крайней мере «в принципе» — но une fois n'est pas coutume², и я очень Вас благодарю за все, что Вы по моему адресу

сказали. Спасибо. По-моему, сильно преувеличено, но слаб человек — и я читал все с удовольствием. И вообще статья полна доброжелательства, ко всем. Я особенно оценил про Рейзини³. Это Вам зачтется, если не на этом свете, то на том. Но надеюсь, еще на этом.

Что же до того, с чем Вы «не согласны», о М-ме Grenier, т. е. о «сострадании»⁴, — о котором я писал, что «не в нем дело» — то, конечно, Вы правы. Дело *и* в нем (но не только в нем). Ведь оставаясь в области сострадания, она могла эту старуху обеспечить, вылечить и т. д. — а не обязательно целовать. Все-таки сострадание роль сыграло, и это очень верно. А если я о нем сказал не то, что следовало, то потому, что, будучи лично бревном, как-то неловко о сострадании писать. Я это очень чувствую, как и чувствую, что я бревно, притом непоправимо. Я боюсь «слюней» в литературе, у Вас это все вышло иначе, именно потому, что вышло естественно, без опасений и всяких словечек.

Как Вам живется? Что Ваша книга — принята или нет? Напишите. Мне это очень интересно.

Я в Ницце до 10 сентября, если ничего не случится непредвиденного. Насчет «Опытов»: сейчас я ничего писать не могу, по разным причинам. И вообще, мне хотелось бы, чтобы один № вышел без меня, тоже по разным причинам. Об этом я Иваску напишу. Сейчас я в маразме и у меня совершенно пустая голова.

До свидания, cher ami. Крепко жму руку. Еще раз спасибо.

Ваш Г. Адамович

¹ Варшавский опубликовал в «Новом журнале» главу из готовящейся к печати книги «Незамеченное поколение», в которой, в частности, упоминал статью Г.П. Федотова «О парижской поэзии», напечатанную в сборнике «Ковчег» (Нью-Йорк, 1942. № 1. С. 189–198), и писал в связи с ней: «Г.П. Федотов, очень правильно приравняв “парижскую школу” к “школе Адамовича”, отмечал, что, несмотря на все значение воспитательной работы Ходасевича, старавшегося обучить молодежь классическому мастерству, молодежь шла за Адамовичем. Это вовсе не значило, конечно, что, учась у Ходасевича-поэта, его не признавали как критика. Наоборот, с отдельными его взглядами на искусство, так же как со взглядами и советами В. Вейдле, М. Цетлина и некоторых других эмигрантских критиков, считались, может быть, даже больше, чем с советами Адамовича. Но за Адамовичем шли в самом главном. Это было очень определенное, хотя и трудно определенное представление о том, чем была и чем должна быть русская литература» (*Варшавский В. Незамеченное поколение // Новый журнал. 1955. № 41. С. 109*).

² Один раз не в счет (*фр.*).

³ Варшавский упомянул Рейзини в связи с «Числами», а также в связи с рассуждениями о возможности заниматься творчеством в эмиграции: «На подобные разговоры правильнее всего, по-моему, ответил в то время один из самых популярных людей на Монпарнассе, Николай Рейзини, молодой философ и литературный критик (к сожалению, впоследствии, в силу неблагоприятных жизненных обстоятельств, Рейзини от занятий философией и литературой отстранился). “Многие утверждают, — писал он, — что творческая работа в неестественных условиях эмиграции невозможна; мне думается — это не совсем верно, должно все же помнить, что ‘дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит’”» (*Варшавский В. Незамеченное поколение // Новый журнал. 1955. № 41. С. 103–104*).

⁴ Приведа фрагмент о мадам Гранье из «Комментариев», Варшавский писал: «Я не могу согласиться со словами Адамовича, что “не в сострадании дело” и, тем не менее, этот отрывок, состоящий из пересказа прочитанной во французской газете заметки и примечания, с которым я не совсем согласен, является, по моему глубокому убеждению, одним из самых важных текстов не только эмигрантской, но и всей русской литературы» (Там же. С. 110–111).

21

104, Ladybarn Road
Manchester 14
9/X-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что отвечаю с опозданием. Были причины, разного рода.

Спасибо большое за отзыв о моей книге. Я искренне, по-настоящему рад был всему, что Вы о ней мне написали, ибо сам во многом сомневался. Но думаю, что Вы по доброте сердечной о ее недостатках промолчали, а не то что их не заметили. Что же касается Ваших упреков по поводу моих похвал известному Вам почтеннейшему писателю¹, то, как Вы и предположили, я на них разозлился. Что он Вам дался, в самом деле?! Не так я его и расхвалил, а просто написал, что у него есть достоинства. Последние же рассуждения в главе о нем², это самый цимес, и за них я принимаю ответственность полную. Если Вы с ними не согласны, то тут мы с Вами значит расходимся. Книга имеет некоторый успех (устный). Я удивлен, т. к. не ждал этого. Терапиано сообщил мне, что возмущен Набоков: будто бы «рвет и мечет». Если из-за себя лично, то напрасно. Ничего дурного о нем в книге нет, а что он с чем-то очень русским не в ладу, верно это ему только приятно.

Да, я узнал, что Ваша книга, наконец, принята. Очень, очень рад, «душевно рад во всех смыслах»³, как писал Гоголь. Правда! И денежно — за Вас, и литературно — за всех.

Я в Манчестере уже пять дней. Опять Гоголь: «скучно жить на свете, господа!»⁴ Иваск начинает меня осаждать с № 6 «Опытов». Я все напишу, что надо, — но почему так рано? Кстати, он просит написать о книге Замятина⁵, довольно отвратительной (особенно стилистически). Еще он пишет, что о. Шмеман хочет дать отзыв о моей книге⁶, чему я очень был бы рад, каков отзыв бы ни был.

В Париже говорили, что Чех<овское> изд<ательство>во получило новые и большие деньги. Правда это? Я бы им что-нибудь предложил еще, если они будут существовать. Был я в Нуёгес у Ивановых⁷. Ничего, все старое забыто, и они довольно милы, только слишком суетно-литературны и озабочены «славой». В Париже видел Рейзини, но об этом вкратце не напишешь! Самое смешное, что он уверяет, что рассказ Ваш в «Опытах» никакого отношения к нему не имел и даже несколько на него непохож. Я, конечно, соглашался и сказал, что сам был возмущен предположениями его врагов. Не знаю, искренен ли он в этом. Вполне воз-

можно, что да. Но чувства мои к нему — вполне прежние, и разочарования ни в чем не было. И какая чичиковская эпопея!

До свидания, дорогой друг. Пишите. Еще раз спасибо от имени «Одиночества» и свободы».

Ваш Г. А.

¹ Речь о М.А. Алданове, которому в «Одиночестве и свободе» была посвящена отдельная глава.

²Статья об Алданове завершалась словами: «То, что говорит Алданов, его “message” — смутно напоминает чеховское “надо дело делать”, с поправкой, конечно, на совсем другую обстановку, на отсутствие пробуждающейся и требующей “дела” России. Он ни к чему не призывает, он не столько проповедует, сколько внушает, и, не мешая никому жить “как хочешь”, с удивлением и сожалением, — будто разводя руками, — глядит на тех, кого прельщают только шалости или притворство» (Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 148–149).

³ В произведениях самого Н.В. Гоголя такого выражения найти не удалось. Эту фразу Гоголь произносит в рассказе И.А. Бунина «Жилет пана Михольского» (Последние новости. 1932. 10 января. № 3945. С. 2).

⁴ Адамович неточно приводит заключительную фразу повести Гоголя «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1835). У Гоголя: «Скучно на этом свете, господа!»

⁵ На книгу Е.И. Замятина «Лица» (Нью-Йорк, 1955) Адамович откликнулся довольно кислой рецензией (Опыты. 1956. № 6. С. 94–96. Подп.: Г. А.).

⁶ Отзыв о. Шмемана, с юности очень высоко ценившего Адамовича, не появился в печати. В «Опытах» «Одиночеству и свободе» была посвящена рецензия М.Л. Кантора (Опыты. 1956. № 6. С. 96–100), а также отклики в статьях В.Ф. Маркова «Заметки на полях» (Там же. № 6. С. 62–66) и Г. Андреева «Без победы и наград» (Там же. № 7. С. 58–64).

⁷ Адамович приезжал в Йер (департамент Вар) к Ивановым в середине сентября. См. его письмо к ним от 23 сентября 1955 г. (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.В. Адамовича И.В. Одоевцевой и Г.В. Иванову (1955–1958) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 472–473).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
31/X-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо. Начну ответ с цитаты из него:

«Не согласен ни с Вами, ни с Гоголем, что скучно на свете».

Откуда Вы взяли, что мне скучно на свете? Чем больше живу, тем больше обожаю жизнь, *malgré tout*¹. Все, что угодно, только на свете не скучно. Оттого-то и умирать жалко: не страшно, а именно жалко. Что бы там ни было, того, что есть (или может быть) здесь, там не будет.

Затем возражение менее философское.

Вы, по-видимому, находите, что я в книге своей обидел — или недостаточно возвеличил — Сирина, особенно по сравнению с Алдановым. Ну, об Алд<анове> — разговор особый. Но о Сирине я написал действительно то, что думал — и, по-моему, не преуменьшая его ничуть. Терапиано мне сообщил, что он будто бы «рвет и мечет». Не понимаю, честное слово! По-моему, очерк лестный. Плохо в книге то, что не о всех написано одинаково, т. е. с одинаковой степенью искренности и правдивости. А в сущности, в ней нет ни одного имени, которое я действительно любил бы (даже Бунин: человека я любил, а литературу его с большими оговорками, в книгу не вошедшими). Полемика о Вашей статье («Незамеченное поколение») до меня еще не дошла². Читал с раздражением и даже злобой статью Кусковой, плоскую и глупую. Не соваться бы ей не в свое дело, меньше бы молола самоуверенно вздора! От «Нов<ого> журн<ала>» — вопреки Вашему сообщению — никакого приглашения я не получил. Поживем, увидим.

А вот о Рейзини надо бы написать поэму, ибо в двух словах ничего я Вам сказать о нем не могу. Он был в Париже полон надежд на возвращение, вроде как мароккский султан, говорил, что за него хлопочут сверх-высокие люди и что он всем этим подлецам покажет! Но была и растерянность, вдруг. Сыпал он деньгами, как Рокфеллер, угощал меня роскошным обедом. Au fond³, он очень мил, чуть-чуть жалок и чуть-чуть смешон. Но я его люблю, как вообще люблю (по слабости) людей, с которыми легко, как толстой даме, снявшей корсет. Насчет Вашего рассказа о нем в «Оп<ытах>» я так и не понял, притворяется ли он, что это не о нем, или правда находит, что «абсолютно не похож».

До свидания, cher ami. Пожалуйста, поддерживайте со мной переписку, и не только о высоких материях (хотя можно и о высоких: я, кстати, должен сочинять для Иваска «Комментарии» и обуреваем мыслями о России, кот<орые> хотел бы вкратце выразить). И вообще о разных вещах.

Ваш Г. А.

¹ Несмотря ни на что (фр.).

² Первая волна полемических откликов на «Незамеченное поколение» была вызвана публикацией отрывка в «Новом журнале»: Аронсон Г. Новый журнал. Книга 41 // Новое русское слово. 1955. 24 июля. № 15793. С. 8; Слоним М. «Незамеченное поколение» // Там же. 31 июля. № 15800. С. 8; Кускова Е.Д. О незамеченном поколении // Там же. 11 сентября. № 15842. С. 2; Яновский В.С. Мимо незамеченного поколения // Там же. 2 октября. № 15436. С. 2, 5; Слоним М. Вынужденный ответ // Там же. 16 октября. № 15450. С. 2; Яновский В.С. Спор о вкусах // Там же. 30 октября. № 15464. С. 5.

³ В сущности (фр.).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
27/XI-55

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, — хотя и отвечаю на него с опозданием! Я как-то расклеился, что и отражается на переписке. От Р. Гуля письмо получил, и условился с ним на статье о Блоке¹, не к ближайшему №, а к весеннему. Сейчас у меня много дела, да только вчера отправил Иваску «Комментарии». Не очень длинные, но труднее обычного мне давшиеся из-за всяких сомнений в пути писания. Они — на «божественную» тему (часть их), и я все боялся и боюсь не так и не то сказать, что надо. Когда прочтете — и если прочтете, — очень бы хотел знать Ваше честное и откровенное суждение.

А помимо этого, Вы — как причина и повод спора — должны бы, по-моему, написать в «Нов<ое> р<усское> с<лово>» заключение к перепалке Кускова — Слоним — Яновский. Прав-то, конечно, Яновский, если не на 100, то на 99 %, но тон у него напрасно грубый. Было бы убедительнее, если бы он писал спокойнее, без злобы, без всяких намеков. Впрочем, и Слоним груб. Вообще, эта история — не к чести нашей литературы, и Вы должны бы именно об этом написать, посадив, конечно, на место и Кускову, которая ведь сказала кому-то, что теперь к ней ездят в Женеву, «как прежде ездили в Ясную Поляну». Кроме старости, за ней заслуг мало.

Недели через три я надеюсь быть в Париже, на Рождество. Адрес обычный: 7, rue Frédéric Bastiat, Paris 8e. Не знаю, где Рейзини и что с ним. Потащились ли все американские власти к нему в Каноссу, как он грозился, или, наоборот, придется тащиться ему, и будет ли результат? В Париже, кстати, тоже волнения по поводу «Незамечен<ого> поколения». Вы взбудоражили все умы, и даже такой сверх-спокойный ум, как Гингера².

Получил трогательное письмецо от Чекверши³ с просьбой о рецензии. Но при этом и стихи, — и что это за стихи!!

До чего развязен Гуль. Я с ним еле-еле знаком, а стиль его писем — вполне панибратский, вплоть до слова «говно»⁴.

До свидания, cher ami. Не забывайте меня в одиночестве и немощах.

Ваш Г. А.

¹ 30 октября 1955 г. Р.Б. Гуль пригласил Адамовича сотрудничать в «Новом журнале», на что тот ответил 3 ноября 1955 г.: «Разумеется, у меня нет — и не могло быть — ничего против сотрудничества в “Новом журнале”. Охотно напишу статью. Но о чем? Может быть о Блоке, в связи с 75-летием со дня его рождения? О Блоке так много сказано и написано, что, конечно, это была бы статья не столько рассказывающая о нем, сколько говорящая о поэте всем знакомом и известном: нечто вроде “подведения итогов”» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University. (Далее — Beinecke.) Roman Gul

Papers. Gen MSS 90. Box 1. Folder 6). Статья вскоре была опубликована (Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 73–87), а позже включена в книгу «Комментарии» (Washington, 1967).

² 27 ноября 1955 г. Адамович писал А.С. Гингеру: «Посылаю №№ “Нов<ого> р<усско-го> слова” с интересующей Вас полемикой. <...> Но вообще-то эта склока — сплошной позор и скандал. Кускова — дура, и по моему убеждению всегда была душой. Старость ее слегка облагородила, но не до конца. Слоним уязвлен и занят собой, а Яновский, хоть и прав почти что на 100 %, груб и развязен. От всего этого меня сильно мутит, вероятно, по аристократичности моей деликатной натуры. Все возникло от статьи Варшавского в “Нов<ом> журнале”, и я советую ему написать к этой полемике заключение с Синайских высот, а не барахтаясь в луже сплетен, ссор и полу-доносов (у Яновского — при теперешней ситуации в Нью-Йорке)» (Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост., предисл. и примеч. В. Крейд. М., 1996. С. 399).

³ Имеется в виду Чеквер Рахиль Самойловна (псевд. Ирина Яссен; 1893–1957) — поэтесса, издательница, меценатка, с 1923 г. в эмиграции в США, член редколлегии журнала «Новоселье» (1942–1950), составительница (совместно с Ю.К. Терапиано и В.Л. Андреевым) антологии «Эстафета» (1948), основательница и фактический директор (в 1949–1957 гг.) издательства «Рифма». Здесь, вероятно, речь идет о стихах, выпущенных вскоре «Рифмой»: Яссен И. Память сердца. Париж, 1956. Адамович отозвался на сборник в обзоре: Адамович Г. Новые книги // Новое русское слово. 1956. 9 сентября. № 15779. С. 8.

⁴ В недатированном письме (середины ноября 1955 г.) Р.Б. Гуль охарактеризовал так газету «Наша страна» (Beinecke. Roman Gul' Papers. Gen MSS 90. Box 1. Folder 6).

24

104, Ladybarn Road
Manchester 14
20/I-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, тем более что я не ответил Вам на предыдущее. Вы пишете: «по моим соображениям оно должно было Вас разозлить». Кажется, так и было, и Вы оказались сердцеведом! Не помню точно, в чем было дело, но помню, что разозлился.

Поздравляю с выходом книги! Жду ее с нетерпением. Конечно, я о ней напишу¹, каковы бы ни были Ваши возмутительные в ней мысли! Уверен, что будет о чем писать. Кстати — как Вы предлагаете — хочу все написать о Достоевском, в частности, о восхитившем Вас «Подростке». Там есть одна глава, которую я никогда не мог читать без волнения и почти слез, как это ни глупо: когда мать приходит к болвану-герою в пансион Тушара. Помните? Никто в мире этого не написал бы, — хотя, два часа назад, читая со студентами главу о самоубийстве Анны Карениной, я все думал то же самое: никто в мире... У Т<олстого> при этом есть спокойствие в самом волнении, чего нет у Д<остоевского>. Но, конечно, Д<остоевский> — гений, сверх-гений кое-где, и все бунинские доводы смешны, когда одну такую страницу вспомнишь.

Перейдем к делам житейским: Рейзини. Я получил, уже здесь, вызов в америк<анское> консульство в Париже «для информации». Если бы не вызвали других, я бы не знал, в чем дело. Но вызывают сотрудников «Чисел» — и спрашивают, что вы знаете о Р<ейзини>². Я жалею, что не мог дать сведений, п<отому> что хотел бы ему помочь.

Еще житейское дело: Яновский. Что с ним? Меня просила позвонить в Париже Буба Грж<ебина>³, специально, чтобы сказать, что он в страшном смятении и расстройстве, и просила ему написать. Я ему напишу⁴, но мне не нравится, что из-за литературных распрей он «выгнал» Вас с квартиры, о чем я Бубе и сказал. Напишите мне об этом, как и что, т. е. что между Вами произошло.

В Париже я крутился в вихре света, все еще существующего. Был даже блок-достоевский вечер при полном зале⁵. Иваску я посылаю письма Гиппиус и немного Бунина: там много он может выбрать для «Опытов» (у Гиппиус)⁶. Я в ужасе от писем Цветаевой к Штейгеру⁷: стыдно читать, но Иваск утверждает, что это замечательно, а я Цвет<аеву> будто бы «не понимаю». Представляю себе барончика при чтении этого влюбленного бабьего бреда! Пишите, cher ami. Всегда мне радость Ваши письма, даже если и разозлюсь.

Ваш Г. А.

¹ Статья была опубликована два месяца спустя: *Адамович Г.* О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // *Новое русское слово.* 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

² В опубликованной несколько месяцев спустя хроникальной заметке «Дело Николая Рейзини» сообщалось: «В Нью-Йорке, где Рейзини прожил 9 лет и заработал громадное состояние, в последнее время агенты иммиграционного департамента допросили многочисленных русских свидетелей» (*Новое русское слово.* 1955. 2 октября. № 15436. С. 3). См., в частности, письмо Г. Газданова М. Слониму от 5 февраля 1956 г., в котором с юмором описана сцена допроса: Howard Gottlieb Archive Research Center. Boston. Marc Slonim Papers. Box 22. Folder 2.

³ *Гржебина* Ирина Зиновьевна (домашнее имя Буба или Бэби; 1907–1994) — средняя из дочерей издателя Зиновия Исаевича Гржебина (1877–1929), танцовщица, хореограф и педагог, создавшая в Париже хореографическую школу русского балета и ансамбль «Русский балет Ирины Гржебиной». Балетная студия Ирины Гржебиной находилась по адресу: 11, rue Jules Chaplain. Подробнее см.: *Гржебина Е. З. И.* Гржебин — издатель (по документам и воспоминаниям его дочери) // *Solanus.* 1987. Vol. I. P. 4–40; то же: Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 146–168; то же: Опыты: Эссе, публикации, рецензии, хроника. СПб.; Париж, 1994. № 1. С. 177–206. В 1920–1930-е гг. у Яновского был роман с И. З. Гржебиной.

⁴ Ближайшее из сохранившихся писем Адамовича Яновскому датировано 14 марта 1956 г. (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

⁵ Литературный вечер, посвященный 75-летию со дня смерти Достоевского и 75-летию со дня рождения Блока, был проведен Объединением русских писателей в Париже 12 января 1956 г. в зале Русского музыкального общества за границей. Адамович произнес на вечеру вступительное слово.

⁶ В «Опытах» были опубликованы фрагменты писем Бунина к Адамовичу, посвященные Чехову: *Бунин И. А.* О Чехове (Из писем Г. В. Адамовичу) // *Опыты.* 1956. № 6. С. 25–27. Письма З. Н. Гиппиус к Адамовичу в «Опытах» не появились и были напечатаны го-

раздо позже: *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by Temira Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 332–447.*

⁷ К.С. Вильчковский опубликовал в трех номерах «Опытов» письма М.И. Цветаевой А. Штейгеру (в общей сложности 14 из 27): *Цветаева М. Письма Анатолию Штейгеру // Опыты. 1955. № 5. С. 45–67; 1956. № 7. С. 8–18; 1957. № 8. С. 21–25.*

25

Manchester
30/I-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил сегодня Ваше письмо. А три дня назад получил и книгу, возмущившись, что она без подписи! Оказывается, с подписью еще придет.

Сейчас я пишу статейку о Блоке для Р. Гуля, у меня очень много работы в университете, пишу урывками, кончу на этой неделе — надеюсь, т. к. он торопит. Открыл Вашу книгу, стал читать, взволновался в «вихре мыслей» — и отложил ее, чтобы не мешать Блоку. Я — не из тех гениальных людей, которые умеют думать о двух предметах сразу и даже сразу писать две книги. Меня всякая тема «поглощает». Оттого я Вашу книгу и отложил. Напишу о ней — и пошлю в «Н<овое> р<усское> с<лово>» — приблизительно через неделю.

Первое впечатление — не от чтения, а от просмотра только. Сначала странное: справочник по истории младороссов и проч. Настоящее, Ваше — дальше, и оно-то меня и задело!

Очень хорош тон, сущность — благородно, анти-суетливо, достойно, человечно, все. Но с мыслями я не согласен «до мозга костей». Ваша книга в сущности — католическая, но стремление спасти все, и овец, и волков. Вы как будто считаете христианским все, что Вам по душе, а в особенности машины и прогресс. Чеховская фраза о «паре и электричестве»¹ — именно Чехова, и в его стиле не лишена пошлости, чего, к счастью, нет у Вас. Все это, голубчик, страшней, сложней, ужаснее, вопреки Вашему Бергсону. Кстати, и о Ницше — что Вы о нем написали!!² Ницше, весь измученный, в сто раз больше может научить христианству, чем Бергсон со своими рассуждениями. И Маркион! У Вас знак равенства: декаденты из «Чисел» — Маркион. Но Маркион — в глубочайшей сущности Евангелия, которую церковь должна была отвергнуть, что бы она об нем ни думала³. Не «Числа» с Маркионом, а русские сектанты с ним, которым было ясно, что если выбирать между Христом и прогрессом, колебаний быть не может. Помните ли Вы, что Шестов писал о маркионизме Толстого?⁴ Кстати, как жаль, что единственная умная и хорошая книга о М<аркионе> — Гарнака⁵ — не переведена на другие языки. По невежеству в немецком языке я читал ее урывками, с чужой помощью: да, это только гипотеза, но это и ключ к христианству, иначе не объяснимому.

Ну, assez⁶. Конечно, я всего этого в статье не напишу, а если напишу, то с почтительным восхищением, как спор с великим человеком. В книге основное — благородство и какое-то спокойствие в доброте устремлений (т. е. анти-леонть-

евщина, анти-Ницше, если Ницше прочесть поверхностно) действительно замечательны. Но машины враждебны Евангелию не сами по себе, а, т<ак> сказать, «физиологически»: они рожают иной душевный состав, и насчет будущих атомных инженеров, помышляющих о Царствии Божием и спасении душ, у меня очень большие сомнения.

С удовольствием прочел о соловьевском «Антихристе»⁷. Более лубочной театральщины нет на свете, разве что письма Цветаевой к Штейгеру, Вас — увы! — восхитившие!

Написал бы я Вам еще много, да некогда. Кроме того, книгу я именно перелистал, а не прочел. Конечно, по суетности, прочел и все, меня лично касающееся — спасибо! А с особенным удовольствием прочел свою цитату — забыл ее, — о «добродетельной кашке» Фондаминского и К^о на лампадном масле. Совершенно верно, я бы и теперь то же написал⁸.

До свидания. La main. Вы все-таки очень хороший и нужный писатель, вопреки моим возражениям и возмущениям.

Ваш Г. А.

P.S. И как это Вы, молодой человек, решились упрекать меня за снисхождение к Алданову? Вы о заведомых кретинах и болтунах пишете так почти-точно, с такими реверансами, что я только ахал! Самые пустые статейки — у Вас сплошь «замечательные», даже такие, где кроме лжи, фраз, и то с чужих слов, нет ничего!

¹ Варшавский в книге соглашался с высказыванием Чехова: «В электричестве и паре больше любви к человеку, чем в целомудрии и воздержании от мяса» (из письма Чехова к А.С. Суворину от 27 марта 1894 г.). В новой редакции книги Варшавский оставил этот пассаж без изменений.

² Ницше был упомянут Варшавским именно в связи с Бергсоном: «В знакомой мне эмигрантской литературной среде Бергсона не любили. Поколению, выросшему на Достоевском, Ибсене, Ницше, Розанове, музыке Вагнера и декадентских стихах, слишком академическая проза Бергсона была не по душе. Говорили, что книги Ницше написаны кровью, а книги Бергсона чернилами и т. п. При этом не замечали, что своей точной классической прозой Бергсон сказал о “несказанном” больше всех символистов и выразил идеи, более смелые и, с точки зрения здравого смысла, более безумные, чем взвинченные выкрики многих патентованных безумцев».

³ См. примеч. 6 к письму 8 наст. публ.

⁴ Л. Шестов писал об этом в связи с книгой Адольфа фон Гарнака (Harnack; 1851–1930) о Маркионе: «Он прибавляет, что в последнее время Маркион вновь явился цивилизованному миру в образе... кого бы вы думали? В образе Льва Толстого, который совсем как когда-то Маркион возвестил “свое” Евангелие и, тоже как Маркион, очистил Евангелие от всего, что не соответствует нашим, взятым у греков, представлениям об истине и добре, т. е. что не удовлетворяет теоретическую потребность и тем делает ценность самой жизни сомнительной. Гарнак, правда, все же продолжает говорить о вере, как говорят о вере и Маркион и Соловьев. Но вера давно уже отлетела туда, где с нее не спрашивают оправдательных документов, — и вместо веры в руках осталось только то, что “понятно, желательно и спасительно само по себе” и что новый Маркион, Толстой,

просто называет совестью и разумом» (*Шестов Л.* Умозрение и апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева) // *Современные записки.* 1927. № 33. С. 305).

⁵ В книге «Маркион, Евангелие о чуждом Боге» (1921; 2-е изд. 1924) Адольф фон Гарнак по цитатам из трудов ересиологов восстановил текст маркионовского канона: *Harnack A.* Marcion: Das Evangelium vom fremden Gott. Leipzig, 1921.

⁶ Довольно (*фр.*).

⁷ Адамовичу понравилась характеристика Варшавского соловьевской «Повести об антихристе»: «Необыкновенный успех этой злополучной “гениальной” повести очень помешал делу пропаганды основной соловьевской идеи» (*Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 243).

⁸ Сравнивая «Новый град» с «Числами», Варшавский привел цитату из довоенной статьи Адамовича: «Еще гораздо страннее (если бы не была так давно знакома) — добродетельная новгородско-утвержденская модернистическая кашка из приторно нестеровского православия и социалистических “достижений”, вся эта вообще революция на лампадном масле» (*Адамович Г.* Комментарии // *Числа.* 1933. № 7/8. С. 156). Позже, перерабатывая ранние публикации «Комментариев» для книжного издания, Адамович снял весь этот абзац.

26

104, Ladybarn Road
Manchester 14
5/II-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Отвечаю на письмо, полученное сразу после того, на которое я ответил.

Я очень рад, что рецензию пишет Аронсон¹. Это меня избавит от необходимости рассказывать о книжке, а даст возможность сразу сказать несколько слов о ее сущности. Но, конечно, я подожду писать, т. е. не буду писать, не прочтя Аронсона, — а если Вы хотите, чтобы я написал поскорей, пришлите мне его статью *by air mail*². Хорошо, что Карпович будет о ней говорить или писать³. Это все-таки — имя, не Аронсон, который туп и самоуверен редкостно.

Книгу Вашу примусь читать обстоятельно завтра. Но не могу не сказать Вам, как меня восхитило соседство Оцупа с Толстым (два эпиграфа)⁴. Что Вы вообще переборщили в любезностях — это *saute aux ueux*⁵, но я этого писать не буду. В книге Вашей хорошо то, что о ней можно бы и в ответ написать целую книгу. Так что мелочей — даже в газетной статейке — не стоит касаться.

Читали ли Вы Бунина о Чехове?⁶ Я — по просьбе Веры Ник<олаевны> — напишу об этой книге (кое-где замечательной, но с *limites* автора, чувствующимися везде!) в «Н<овом> р<усском> с<лове>», хотя уже писал Слоним⁷, — но, по ее словам, «высокомерно».

До свидания, друг, учитель, наставник и обличитель.

Ваш Г. А.

Когда-нибудь Вы будете горько раскаиваться за диплом гениальности, выданный Вами Сирину.

¹ Рецензии Г.Я. Аронсона на отдельное издание «Незамеченного поколения» не последовало.

² Авиапочтой (англ.).

³ Его рецензия была вскоре опубликована: *Карпович М.М.* Незамеченное поколение // *Опыты* 1956. № 6. С. 101–104.

⁴ Четвертой главе книги Варшавского «Незамеченное поколение» предшествовали два эпиграфа: из «Войны и мира» Л.Н. Толстого и из «Дневника в стихах» Н.Н. Оцупа.

⁵ Бросается в глаза (*фр.*).

⁶ *Бунин И.* О Чехове. Нью-Йорк, 1955.

⁷ Со статьей М. Слонима, посвященной книге Бунина «О Чехове» (*Слоним М.* Бунин о Чехове // *Новое русское слово.* 1956. 1 января. № 15527. С. 8), Адамович вступил в полемику: «Объяснение, которое давал сам Бунин своей нелюбви к пьесам Чехова, настолько убедительно, что искать другого нет причин» (*Адамович Г.* Бунин о чеховских пьесах // Там же. 19 февраля. № 15576. С. 8). 20 февраля 1956 г. Адамович писал В.Н. Буниной: «Я коснулся только одной темы, а именно — отношения И<вана> А<лексеевича> к пьесам Чехова. Слоним написал об этом совершенный вздор, притом вздор самоуверенный, чуть-чуть “свысока”. Я оттого и вступил с ним в спор» (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // *И.А. Бунин: Новые материалы.* Вып. I. М., 2004. С. 133).

27

Manchester
8/III-56

Sher ami Владимир Сергеевич

Во-первых, спасибо за присылку отчета о вечере, о моей книге, а в особенности за Ваше на нем выступление¹. Очень тронут. Спасибо.

А затем, только что получил статьи Аронсона² и Вишняка³. Из двух зол я предпочитаю Вишняка. Аронсон развязен и самоуверен донельзя; и снисходительно похлопывает Вас по плечу. Вишняк кипит, но это его всегдашнее нормальное состояние.

Я напишу статейку завтра, т. е. в пятницу, пошлю в субботу — не раньше — так что она могла бы пойти в воскресенье 18-го. Но я не понимаю, зачем Вам нужно, чтобы она появилась как можно скорей! По-моему, лучше бы расстояние между отзывами, а то все сразу — а потом молчание! Ну, дело Ваше. Впрочем, наверно будут и еще отклики. Уж Кускова не будет Кусковой, если не напишет на такую темочку подвала или трех подвалов. Получил вчера письмо от Кантора, — и списываю: «По-моему, книга В<аршавского> замечательная. Помимо того, что она должна уцелеть, как документ первостепенный, самая установка автора чрезвычайно привлекательна. И написана книга очень хорошо».

Уверяю Вас, что Кантор умнее Аронсона, и списываю Вам в утешение от нападков.

Кто такой Осокин?⁴ Не знаю, не помню даже имени.

Адрес Оцупа? Не знаю. Где-то он живет в St-Mandé⁵, под Парижем, но улицы я не помню. Пошлите книжку на имя С.Ю. Прегель, с просьбой переслать. Она — человек аккуратный, наверно это сделает, и адрес Оцупа узнает (от Гингера). Что ему надписать? Он болен манией величия и лишен чувства юмора, т<ак> что если надпишете «великому гению», он будет доволен. Дианы⁶, по-моему, упоминать не надо, ее что-то давно не видно, и он при упоминании о ней краснеет и что-то мычит. А изволили ли Вы послать Ваше произведение Алданову? Как великого художника Вы можете его недооценивать, но человек он самый влиятельный и почтенный, и если Вы заинтересованы в чем-либо практическом (стипендия и т. д.), пренебрегать им не годится. Вот его адрес: 16, avenue Georges Clemenceau, Nice (A.M.).

Яновскому я написал, но ответа не получил. Что это за дурак Ершов⁷, который пишет, что я «перечеркиваю» Тургенева? Я из-за Тургенева вечно спорил с Буниным, да и с Алдановым, я многое у него очень люблю, а что есть у него и патока, это верно. В исключение из правил, я к статье о Вас сделаю маленький постскрипtum в ответ этому Ершову, хотя в вежливой форме⁸.

До свидания. La main. Пишите. Вы извиняетесь за «бомбардировку», а я ей рад.

Ваш Г. Адамович

¹ 15 февраля 1956 г. в нью-йоркском Русском литературном кружке состоялось собрание, посвященное книге Адамовича «Одиночество и свобода», на котором выступали И.Л. Тартак, Г.Я. Аронсон, В.С. Варшавский, Г.А. Глинка, П.Е. Ершов и др. См. подробный газетный отчет: *Троцкий И.* Проблемы зарубежной литературы // Новое русское слово. 1956. 22 февраля. № 15579. С. 3.

² *Аронсон Г.* «Русские мальчики» в эмиграции // Там же. 4 марта. № 15590. С. 8.

³ Статья М.В. Вишняка «О “незамеченном поколении”» появилась в «Новом русском слове» 2 марта 1956 г.

⁴ Псевдонимом Н. Осокин подписывал некоторые из своих критических публикаций Вадим Леонидович Андреев (1903–1976).

⁵ *Сент-Манде* (St-Mandé) — пригород к востоку от Парижа, недалеко от Винсенского леса, в те годы скромный, позже весьма респектабельный район.

⁶ Имеется в виду *Каренн* Диана (наст. имя и отч. Диана Александровна, в замужестве Оцуп; 1888–1968) — жена Н.А. Оцупа, в молодости актриса немого кино.

⁷ *Ершов* Петр Евгениевич (1893–1965) — историк литературы, переводчик, журналист, профессор Одесского университета, с 1952 г. в Нью-Йорке, сотрудник «Нового русского слова», преподаватель Колумбийского университета.

⁸ Возражения Ершова вызвали посвященные И.С. Тургеневу страницы «Комментариев» Адамовича: «Была, вероятно, оттого в его писаниях какая-то постоянная фальшь. <...> Эту фальшиво-дребезжащую струнку — Тургенев, вероятно, в себе чувствовал. Как чувствовал, вероятно, и “прохладность” свою, прохладную, беспредметно-беспричинную свою грусть. Ну конечно, он навсегда отгеснен на второй план своими двумя “сверстниками-гигантами” — о чем же тут спорить?» (Опыты. 1954. № 3. С. 105). Свой ответ Ершову Адамович опубликовал еще до статьи о «Незамеченном поколении» (*Адамович Г.* Письмо в редакцию. По личному вопросу // Новое русское слово. 1956. 15 марта. № 15601. С. 2), еще раз изложив свои взгляды на место Тургенева в русской литературе. Этим Ершов удовлетворился: «Недоразумение следует считать разъясненным» (*Ершов П.* Письмо в редакцию. По личному и общему вопросу // Там же. 21 марта. № 15607. С. 8).

Manchester
14/III-56

Cher ami Владимир Сергеевич

Я виноват перед вами: только сегодня, одновременно с этим письмом, высылаю статью о Вашей книге Вейнбауму¹. Размером статьи Вы будете довольны: она столь длинна, что я даже не знаю, не разобьют ли они ее на два номера (что было бы очень плохо!)². Ну, а насчет содержания, м. б., Вас возмутит полемика с Вами, защита Маркиона и прочее, — но тон мой такой, будто я спорю с Гегелем, и хороших слов о Вашей книге в начале, до спора, много.

Напишите, qu'en pensez vous³.

Ваш Г. А.

P.S. Получил вчера письмо от Яновского, довольно замечательное в смысле «достоевского» тона⁴. Но кое-что верно.

Я 20-го еду в Париж, е<сли> б<уду> ж<ив>. Пробуду там до 20 апреля. Адрес тот же: 7, rue Frédéric Bastiat Paris 8e.

¹ Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — журналист, с 1913 г. жил в США, сотрудник (с 1914 г.), затем редактор-издатель (с 1923 г.) газеты «Новое русское слово».

² Статья была опубликована в одном номере и заняла почти целую полосу: *Адамович Г.* О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // *Новое русское слово.* 1956. 25 марта. № 15611. С. 8.

³ Что Вы думаете (*фр.*).

⁴ Яновскому Адамович ответил в тот же день, что и Варшавскому, 14 марта 1956 г., заявив, в частности: «Не пишите мне дурного о Варшавском. Если бы он написал мне дурное о Вас, я сказал бы ему то же самое. Варш<авско>го я искренне любил и люблю, а что у него много самолюбия, внезапно и болезненно прорывающегося, и что он может быть не совсем “на высоте”, я знаю, хотя лично этого не испытал» (BAR. Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1).

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8^e
3/IV-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо. Очень рад, что моя статья Вам понравилась, или вроде. Вы — человек щепетильный, и я, послав статью, боялся, что Вы возмутитесь спору с Вами. По существу, отвечать сейчас на Ваш вопрос — «что предлагаете Вы?» —

мне трудно. В двух словах: если бы надо было «предлагать», я предложил бы то же, что Вы, т. е. «прогресс» и все такое. Но я не уверен, что это — христианство, это скорей только угольки его, и оттого-то и надо держаться угольков, что огня нет уже нигде. Вы вполне правы в выборе, но не вполне правы в определении и диагнозе. А Толстой предлагал «рискнуть» миром, надеясь, что тогда Бог вмешается и все наладит, без парламентов¹. В отношении к нему Ваш вопрос совсем не по адресу.

Ну, у меня сейчас каша в голове, для философии не подходящая, из-за Парижа, суеты и развлечений.

Очень был доволен отчетом о Вашем вечере, т. е. пылкостью прений, даже с губернатором и архиереем, как полагается². Кто это змея Глеб Глинка?³ Он, кажется, и на моем вечере подвизался⁴. Кто будет писать о Вас в «Опытах»?⁵ По моему, хорошо бы попросить Кантора, он полон мыслей о Вашем труде и пишет, если и слегка суконно, то с содержанием и идеями. До свидания, cher ami. Персидская⁶ меня одолевает письмами, но я тверд, как кремь и скала. Здесь я до 20–22 апреля. Пишите! И простите, что пишу сегодня мало вразумительно.

Ваш Г. А.

¹ Адамович приводит трактовку Н.А. Бердяева: «Толстой противопоставляет закон мира и закон Бога. Он предлагает рискнуть миром для исполнения закона Бога. <...> Если человек перестанет противиться злу насилием, т. е. перестанет следовать закону этого мира, то будет непосредственное вмешательство Бога, то вступит в свои права божественная природа. Добро побеждает лишь при условии действия самого Божества» (*Бердяев Н. Русская идея. Глава VII*).

² Собеседование, посвященное книге Варшавского «Незамеченное поколение», было организовано обществом «Надежда» 9 марта 1956 г. в помещении нью-йоркского «Клуб Хауз» (New York, 150 West 85 Street). Вступительное слово произнес М.М. Карпович, выступили прот. А. Шмеман, Ю.П. Денике и др.

³ Глинка Глеб Александрович (1903–1989) — писатель, член литературной группы «Перевал» (в 1927–1932 гг.), консультант издательства «Советский писатель», во время войны попал в плен, находился в лагере для военнопленных в Польше, после войны жил во Франции, затем в Бельгии и в США, сотрудник «Нового журнала».

⁴ Г.А. Глинка выступал 15 февраля 1956 г. в нью-йоркском Русском литературном кружке на собеседовании, посвященном книге Адамовича «Одиночество и свобода», на котором он, в частности, заявил: «Пришло время, когда наша зарубежная литература должна окончательно преодолеть столь характерную для Адамовича сладкую боль своего эмигрантского самосознания. <...> Новых эмигрантов трудно увлечь романтикой сожаления и одиночества. Нашей литературе не нужны стоны и жалобы на одиночество и незамеченность целых поколений» (*Троцкий И. Проблемы зарубежной литературы // Новое русское слово. 1956. 22 февраля. № 15579. С. 3*).

⁵ «Опыты» откликнулись на «Незамеченное поколение» рецензией М.М. Карповича (Опыты. 1956. № 6. С. 101–104), а затем статьей Ф.А. Степуна «“Новоградские” размышления по поводу книги В.С. Варшавского “Незамеченное поколение” и дискуссии о ней» (Там же. № 7. С. 45–57).

⁶ Не удалось найти сведений.

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8e.
16/VI-56

Дорогой Владимир Сергеевич

Пишу из Парижа, куда прибыл третьего дня. Видел пока только Кантора, а сегодня еду обедать к Гингерам, где будут Бахрах и Червинская: фестиваль с курицей по случаю выхода ее книги¹. Я здесь до 10 июля, потом надеюсь поехать в Ниццу. Я не люблю метаморфоз и сюрпризов, оттого и программа у меня всегда та же.

Что происходит с «Опытами»? Только прочел статью Вишняка в «Р<усской> Мысли» с нападками на меня за мою мягкость к Маркову². По существу, Вишняк совершенно прав. Но я не мог написать всего, что я думаю, в статье, о которой меня специально просили как о «помощи журналу» и Иваск, и Мария Самойловна. Помимо всего, мне было неловко и тягостно этот № читать из-за упоминания моего имени чуть ли не на половине общего числа страниц³. В чем Вишняк не прав, это в иронии насчет Поплавского. Конечно, отрывок плохой. Но неприличный никаких в нем нет, это все пустяки и лживая стыдливость. Напишите, что Вы обо всем этом думаете. Было бы жаль, если бы брань — неизбежная! — по поводу этого № охладила бы пыл Марии Сам<ойлов>ны. А Иваск мне писал, что этот № — «самый лучший»! Он очень мил, я его искренне люблю (по письмам), но при крайней subtilности, царя в голове у него все-таки нет! Хоть бы Вы за ним присматривали и давали ему советы. До свидания. Как Вы живете? Отчего давно молчите!

Ваш Г. А.

¹ Речь о книге: *Червинская Л.Д.* Двенадцать месяцев. Париж: Рифма, 1956. Вероятно, именно во время этого обеда произошел инцидент, о котором Адамович написал Червинской в недатированном письме: «Сцена у Гингеров — в порядке вещей, и если форма была не совсем обычно<й>, то сущность остается такой же. N'e parlons plus <Не будем больше об этом говорить (фр.)>. И не ссорьтесь с Гингерями никогда, п<отому> что они — Ваши друзья, и Вы сам<a> это чувствуете. У Вас вообще больше друзей, чем Вы считаете, но дружба не есть согласие и одобрение каждого слова, каждого поступка. Скорей наоборот» (BAR. Coll. Adamovich).

² Рецензируя шестой номер «Опытов», Адамович написал: «“Заметки на полях” В. Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен, с налетом “легкости в мыслях необыкновенной”! В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это — будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае никакого стола еще нет» (Новое русское слово. 1956. 3 июня. № 15681. С. 8). Заметка Вишняка «Об “Опытах” № 6» появилась почти одновременно в «Новом русском слове» (1956. 10 июня. № 15688. С. 8) и «Русской мысли» (1956. 12 июня. № 911. С. 5). Формально она

была откликом на статью Адамовича «Опыты», но речь в ней шла почти исключительно о Маркове:

«Характеристика Гоголем Хлестакова, мне представляется, — не покрывает полностью того, что на своих трех страничках изобразил Заратустра из “Опытов”. Я имею в виду не только выпад против Е.Д. Кусковой, сделанный с ученым видом знатока, опирающегося на авторитет Маяковского, якобы “воспевшего” “г-жу Кускову” в свое время, когда эта заслуга принадлежит не Маяковскому, а Демьяну Бедному. Меня возмутила, конечно, выходка г. Маркова по адресу русской общественности.

Он пишет: “Глава о Чернышевском в ‘Даре’ Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все (?) ведь заждались хорошей оплеухи ‘общественной’ России”.

По молодости ли лет, возрастной незрелости, или по эстетскому безразличию к справедливому и несправедливому, В. Марков мог не знать и не ощущать “оплеухи”, нанесенной российской общественности еще в октябре 17-го года единомышленниками Демьяна Бедного и Маяковского. Но как решились опубликовать эту непристойность руководители “Опытов”, если они стремятся продолжать “традицию” русской литературы?» (Русская мысль. 1956. 12 июня. № 911. С. 5).

«Заметки на полях» (Опыты. 1956. № 6. С. 62–66), в которых В.Ф. Марков задел Е.Д. Кускову и Н.Г. Чернышевского, вызвали в литературных кругах эмиграции своеобразный скандал. Самые маститые присяжные критики эмиграции — каждый по своей причине — обратили внимание на Маркова, чему он был совсем не рад. 2 июня 1956 г. Г.П. Струве писал В.Ф. Маркову из Парижа: «На Вашу статью получил крайне возмущенный отклик от М.В. Вишняка. Он в совершенном ужасе, просит меня даже по дружбе что-то “сделать” с Вами, пробрать или проучить. Я не могу, поскольку не знаю, в чем дело. Но очевидно речь идет о чем-то недопустимом, что Вы написали по адресу Е.Д. Кусковой (кстати, я с этой замечательнейшей 87-летней женщиной провел несколько интереснейших вечеров в Женеве — я ведь специально для нее туда ездил) и еще более “недопустимой” фразы о Чернышевском а ргоро сиринаского “Дара”. Судя по приведенной Вишняком цитате фраза действительно малоуместная. <...> Боюсь, что в том, на что указывает Вишняк, сказалось не раз замеченное мною у Вас озорство и отсутствие “решпекта” к вещам, которые заслуживают иного» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес). Марков ответил Струве 8 июня 1956 г.: «Писал я все это давно, когда еще шла газетная дискуссия между Кусковой и Яновским. Теперь же все уже читали саму книгу Варшавского, гораздо более широкую по содержанию, и мои замечания кажутся особенно легковесными и неуместными. К тому же Иваск сильно “обработал” все (вот когда прочитаете, услышите, что звучит местами совсем как Иваск — а значит и усиляет впечатление развязного легкомыслия. <...> Очевидно, придется наложить на себя какой-то “обет молчания”» (Hoover Institution Archives. Stanford University. (Далее — Hoover.) Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9). 17 июня 1956 г. Ю.П. Иваск сообщил Маркову о развитии сюжета: «10-го было собрание “Опытов”. Что там творилось... Сперва о Вас. Разговоров было много. Все признали, что Марков талантлив, но два часа обсуждали Вашу оплеуху и один час пенис Поплавского. <...> На меня большое впечатление произвел Вишняк — еще недавно был он моложавый самодовольный адвокат-социалист, а тут он явился рыдающим Иеремией. Я постарался его успокоить. Что делать — Чернышевский для него святой, как Никола для бабы. Это вера. Ульянов и Коряков сказали, что Ваши заметки не на художественной высоте, но вместе с Завалишиным отмежевались решительно от Чернышевского и Вишняка. Но Варшавский и я, мы поняли Марка Веньяминовича, и я с ним еще долго беседовал по телефону. Ваша оплеуха по сути и по контексту добродушна. Но теперь я вижу, что надо было и оплеуху, и пенис (Поплавского) опустить, чтобы не дразнить гусей. Кое-кто грозил почтенной доброй издательнице и мне американской тюрьмой! <...> Не принимайте всего этого так горячо. Адамович Вас ценит. Вишняка мы успокоим. Таланты Ваши признаны» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес).

Подробнее об инциденте см. в публикации: «...Мир на почетных условиях»: Переписка В.Ф. Маркова с М.В. Вишняком (1954–1959) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 423–448.

³ В шестом номере «Опытов» были напечатаны «Комментарии» Адамовича (с. 38–51), его рецензия на книгу Е.И. Замятина «Лица» (с. 94–96. Подп.: Г. А.), заметка «По поводу собрания сочинений Осипа Мандельштама» (с. 92–94. Подп.: А.) и публикация: *Бунин И.А. О Чехове* (Из писем Г.В. Адамовичу) (с. 25–27). Помимо рецензии М.М. Кантора на книгу «Одиночество и свобода» (с. 96–100), Адамовичу в той или иной мере были посвящены «Заметки читателя» Ю.П. Иваска (с. 52–60), «Заметки на полях» В.Ф. Маркова (с. 62–64) и «Среди книг» Н. Татищева (С. 67–71), а также рецензия М. Карповича на книгу Варшавского «Незамеченное поколение» (с. 101–104).

31

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/X-56

Cher ami, дорогой Владимир Сергеевич

Знаю, что Вы человек злопамятный и, верно, затаили на меня гнев и обиду за мое молчание! Простите. Честное слово, причин никаких не было (да и быть не могло), кроме «так» — слово, которого не выносила З. Гиппиус¹. Был «вихрь удовольствий», был мой всегдашний летний маразм и все прочее, — т. е. в сущности ничего. Никому (или почти никому) я не писал, ну а теперь пора взяться за ум. Надеюсь, Вы положите гнев на милость и ответите мне, притом поскорее, дабы я знал, что Вы не сердитесь.

На Ваши высоко-идеологические вопросы отвечать поздно: наверное, Вы забыли, о чем спрашивали. Да и многое изменилось с тех пор в общем положении — и кроме того, скажу по совести, меня все меньше интересует текущая повседневная политика и я все рассеянное за ней слежу. «Пора о душе думать», правда. На моем веку я больше никаких перемен — т. е. таких, которые отразились бы на моей личной жизни, — не жду. Ну а перед лицом вечности события повседневные превращаются в чепуху. Я не ясно объясняюсь, но Вы поймете. Я не то что «одной ногой в могиле», но одной ногой в неизвестности о вечном общем будущем и поэтому в равнодушии к речи Mr. X и всем подобным. Может быть, это и пройдет, но сейчас это именно так.

Отвечу на вопросы мелкие.

Правда ли, что Червинская возвращается в Россию? И да, и нет. Ей в Париже не на что жить, совсем, вот у нее и явилась эта мысль. Многие поддерживают: Бахрах и др. Но это ее пугает и едва ли она на это решится. Пока я написал Вейнбауму и Полякову с просьбой устроить ей ежемесячное пособие из Лит<ературного> фонда. Они это иногда делают, в виде исключения. Еще хочу попросить Наталью Влад<имировну> при случае поддержать это дело. Я ей напишу об этом². Червинская — бледна как cadavre³, и правда — в нищенстве.

Рейзини. Я его видел в Париже. Богат и роскошен по-прежнему (в первом — кое-какие сомнения), да и мил по-прежнему. Говорит, что все препятствия преодолены и он не сегодня завтра появится в Ваших краях. Насколько это верно — не знаю. Он большой фантазер и хвастун.

Кого я видел или вижу? Из общих друзей — мало кого. Вот, обидел насмерть (будто бы) Веру Ник<олаевну> Бунину: не зашел к ней в Париже⁴. Знаю это от Алданова, будущего юбиляра. Не забудьте его поздравить к 8 ноября. Кстати, я его часто видел летом в Ницце. Он очень лестно о Вас отзывается, но очень уязвлен тем, что Вы в своей книге, всех наградив комплиментами, обидели Милюкова и Фондаминского. Тут есть доля правды: не соблюдена пропорция, и если какой-нибудь чудак у Вас великий человек, то Милюков — тем более! На днях с удовольствием читал статейку Гуля о Струве⁵, книгу которого не читал и не буду. Впрочем, некоторые его замечания о языке Струве — близки к придирамкам. У С<труве>, по-видимому, дурной стиль, но это вовсе не то же, что грамматические ошибки. Ужасна цитата о Вермандуа — Алданове (как о пошляке). Это Струве взял из статьи Ходасевича, которую Алданов тому никогда не простил⁶. Зачем Гуль это опять вспомнил, особенно к юбилею?

Ну, вот — это все дела и суета сует. Я опять в Манчестере, и опять впереди зима и тьма. Где ВЫ работаете и что делаете? Как здоровье и вообще молодая жизнь? Друг мой, не сердитесь на меня и не дуйтесь, а отвечайте подлиннее и поскорее. Общались я в Париже с Цетлиншей: ничего, довольно мило. А для «Опытов» еще ничего не сочинил, но сочиню. Физ⁷ мне говорил, что из-за меня Зеньковский ушел из «Опытов» и взял статью о Вас. Это мне очень жаль. Но он не прав: кощунств в моей статье нет (и никогда не будет).

До свидания, шлю всякие чувства.

Ваш Г. Адамович

¹ 4 сентября 1928 г. Гиппиус написала Адамовичу: «Некоторых слов я не люблю. Например: “отчего ж?” или “что ж делать?” И между ними особенно не люблю “так” (в вашем смысле “да так...”»)» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss. München, 1972. P. 381–382).

² 29 октября 1956 г. Адамович писал Н.В. Кодрянской: «Хочу Вас попросить еще вот о чем. Я написал Вейнбауму и Полякову с просьбой о Червинской: нельзя ли ей устроить в Лит<ературном> фонде ежемесячное пособие, как они иногда делают? (кажется, 25 долларов). Я знаю, что фонд не любит вмешательства, но Вы с Вейнбаумом, кажется, в дружеских отношениях. Если будет случай, замолвите за Червинскую словечко: ей правда помощь нужнее, чем кому бы то ни было» (Leeds. MS 1408).

³ Покойник (*фр.*).

⁴ Адамович в тот же день написал В.Н. Буниной письмо с извинениями (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 137–138).

⁵ Статья Р.Б. Гуля о книге Г.П. Струве «Русская литература в изгнании» была разгромной: «Недостатки ее настолько велики, что от положительной оценки книги приходится воздержаться <...> его регистрационная работа пестрит такой непонятной неполнотой и неряшливостью (я настаиваю именно на этом слове), что цена ей становится невелика.

<...> От книги создается впечатление какого-то первозданного хаоса, из чего не родится ни инвентарь, ни тем более литературная критика. Самый же тяжкий недостаток книги — в ее плохом русском языке и невозможном стиле. <...> Для людей, прошедших в эмиграции без малого сорок лет и знающих ее литературу и журналистику, эта книга — кривое и тусклое зеркало» (*Гуль Р.* О книге Глеба Струве // *Новое русское слово.* 1956. 23 сентября. № 15793. С. 8). В ответ Струве упрекнул Гуля в недобросовестных критических приемах, заявив, что тот в качестве неупомянутых в книге лиц перечислял эмигрантов второй волны либо общественных деятелей, в то время как книга посвящена только литературе, причем преимущественно первой волны (*Струве Г.* Pro domo mea (Ответ Р.Б. Гулю) // Там же. 7 октября. № 15807. С. 7). Излишняя резкость статьи отмечалась многими в эмиграции. Д.И. Кленовский в письме В.Ф. Маркову от 6 октября 1956 г. объяснял ее так: «...сразу же в глаза бросается общий злобный и враждебный ее тон. Несомненно ее «мстительная» подоплека, вызванная тем, что Г<леб> С<труве> вспомнил в своей книге сменовеховское прошлое Гуля, о котором он предпочитает не вспоминать» («...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову (1952–1962) // «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. С. 150).

⁶ В рецензии на 68-й номер «Современных записок», открывавшийся главами из романа Алданова «Начало конца», Ходасевич писал: «Алданов никого не бичует. К бесчисленным Хлестаковым и Чичиковым обоего пола и разных столетий, им созданным, он подходит не только почтительно, но и любовно. При его воззрениях это естественно: нельзя же не уважать человека за то, что он переваривает пищу? Но когда Алданов строит психологические романы на материале героев, в которых главный и неизменный импульс есть пошлость, читатель ему инстинктивно сопротивляется, потому что не склонен до тонкостей разбираться в психологии пошляков, а главное — потому что им не сочувствует и даже их не жалеет, какие бы неприятности ни выпали на их долю. И сколько бы горестей ни пришлось испытать семье Кременецких или какому-нибудь Вермандуа, или Серизье — все это до читателя не доходит, потому что читатель их не любит и любить не может, не хочет. Вот тут-то литературный талант Алданова и разбивается об его собственный взгляд на человека» (*Ходасевич В.* Книги и люди. «Современные записки», книга 68-я // *Возрождение.* 1939. 24 марта. № 4176. С. 3). Г.П. Струве, похоже, и впрямь имел в виду этот отзыв Ходасевича, написав в своей книге: «Критика почти единодушно отметила такую блестящую удачу, как адвокат Кременецкий в “Ключе” и “Бегстве”, это законченное воплощение добродушного и симпатичного пошляка, но удаются Алданову и люди совсем другого склада, более похожие на него самого, вроде Вермандуа в “Начале конца”, на котором, впрочем, тоже есть легкий налет пошлости» (*Струве Г.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 271).

⁷ *Физ* Борис Юльевич (1904–1978) — инженер, общественный деятель. Увезен в эмиграцию подростком, жил в Германии, с 1923 г. во Франции. Основатель (1934) и президент компании «Orega». Участник Сопротивления. После Второй мировой войны генеральный директор компании «Супертон», вице-президент Синдиката радио-электрической промышленности (SIPARE), член совета директоров Национальной федерации электронной промышленности, член Совета Русского студенческого христианского движения (РСХД).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
26/I-57

Дорогой Владимир Сергеевич

Лежит у меня на столе Ваше письмо (как водится, без числа!), и я не знаю, ответил я на него? Кто кому писал последний? Это уже не в первый раз, и на всякий случай я, как Магомет с горой, делаю соответствующий жест.

Как Вы живете? Письма Ваши грустные, или, вернее, — хмурые. Отвечать на Ваши мысли о мировых событиях поздно, т. к. Вы едва ли помните, что и о чем писали. Признак одряхления: я ими все меньше интересуюсь — иначе как в плоскости обывательской, т. е. «дайте дожить спокойно». По-моему, все неуклонно и верно идет к катастрофе. Да и чем, кроме катастрофы, ход новой истории мог бы разрешиться? У Алданова есть где-то вопрос, который я запомнил: «будет ли 21-й век?»¹ Крайне сомнительно, и, во всяком случае, нельзя представить себе его со-держания. У римлян были варвары, т. е. неизвестность, а у нас даже этого нет. «Tout est bu, tout est mangé, plus rien à dire»², как у Верлена. Я завидую людям, которые находят в себе силу верить во Второе Пришествие. Только это было бы разрешением и выходом. Но вернее — ничего нет, ничего не будет, нечего ждать. Нет, я сам себя ловлю на мысли, что пишу по инерции вздор: не может быть, чтобы ничего не было, и, пожалуй, смысл всей истории, всей культуры, всего, именно в том, чтобы не дать этому чему-то погибнуть в ужасах пространства и времени.

Ну, простите — вдруг ни с того ни с сего расфилософствовался. Я часами (каждый вечер) сижу в комнате один, у печки, вот и думаешь о «проклятых вопросах», вместо Венгрии или речи Mr Икса. А в сущности ведь проклятый вопрос один: после печки — что дальше? (По Канту их три: Бог, свобода, бессмертие, — но это все то же самое.) Самый «проклятый» — в смысле мучительности — пожалуй, свобода, т. е. детерминизм.

Иваск мне пишет, чтобы я написал в «Н<овом> р<усском> с<лове>» об «Опытах»³, по желанию издательницы. Но это неудобно. Аронсон окончательно расшвыряет и будет прав. Да «Опытов» я еще и не получил. Зато получил в конверте «Experiments»⁴ пук стихов, по-видимому, это Биск⁵ из Рильке, но сопроводительного листа нет. Об этом Биске мне писал Иваск, что это фаворит Цетлинши и что надо бы его отвадить. Я еще стихов не читал. Знаете ли Вы о нем что-нибудь?

До свидания, cher ami. Рейзини я видел в Париже, во всем блеске, и был он крайне мил. Показывал мне «N<ew> Y<ork> Times», где пишут, что он во всем оправдан. Собирался он в Нью-Йорк, и если поехал, верно, Вы его видели. Для меня в нем есть шарм легкой и по-своему верной дружбы.

Пишите, пожалуйста. Если видите Кодрянских, передайте всякие чувства, самые искренние.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович неточно цитирует «Диалог о тресте мозгов» М. Алданова: «Вы совершенно уверены, что 21-е столетие *будет?*» (Алданов М. Ульмская ночь. Нью-Йорк, 1953. С. 234).

² «Все вышито, все съедено, сказать больше нечего» (*фр.*). Из сонета Верлена «Истома» (1883) или, в переводе Б. Пастернака, «Томление».

³ 25 января 1957 г. Адамович отвечал Иваску: «“Опыты” надеюсь вскоре получить. Но писать о них в “Н<овом> р<усском> слове”? Посудите сами, удобно ли это? Аронсон взбеленится и будет прав. М<ожет> б<ыть>, когда он напишет, я найду повод написать о чем-нибудь в дополнение или даже в возражение. Но пусть сначала появится его отзыв» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 496). Адамович о новой книге «Опытов» так и не написал, а рецензия Г.Я. Аронсона была опубликована два раза подряд в одной и той же газете — случай воистину уникальный. Неделю спустя после первой публикации (Аронсон Г. «Опыты», книга 7-я // Новое русское слово. 1957. 3 февраля. № 15926. С. 8) рецензия была напечатана повторно, с редакционным пояснением: «...так как многим читателям получить этот номер не удалось» (Там же. 10 февраля. № 15933. С. 8).

⁴ «Опыты» (*фр.*).

⁵ Биск Александр Акимович (1883–1973) — поэт, переводчик, с 1920 г. в эмиграции в Болгарии, затем в Бельгии, с 1942 г. в США, участник Кружка русских поэтов в Америке (Нью-Йорк), печатался в «Опытах», «Новом журнале», «Современнике». Подробнее о нем см.: Азадовский К. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб., 2001. Вып. С. 95–142. О взаимоотношениях Биска с «Опытами» см. в публикациях: Журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958): Исследования и материалы / <Сост. О.А. Коростелев> // Литературоведческий журнал. М., 2003. № 17; «Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!» (О прекращении журнала. По письмам из архива М.С. Цетлиной) / Публ., вступ. заметка и коммент. М. Пархомовского // Русские евреи в Америке. Кн. 1 (Русское еврейство в зарубежье. Т. 12) / Ред.-сост. Э. Зальцберг и М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005. С. 187–208.

33

104, Ladybarn Road
Manchester 14
2/XI-57

Дорогой Владимир Сергеевич

Опять я Вам целый век не писал, на Ваше последнее письмо вовремя не ответил! Там (Вы, вероятно, забыли) были рассуждения о Ремизове, с вопросом: почему Шекспира можно одобрять, при всех его выкрутасах, а Ремизова нельзя? Ну, на это надо бы ответить обстоятельно. Шекспиру за отдельные строки в «Гамлете» все навсегда простили (вроде «words, words, words» — которые, хотя по тексту являются издевательством Гамлета над Полонием, получили смысл и резонанс совсем другой), а Ремизов — дело другое. Я, в сущности, признаю все его достоинства, но мне казалось, что он «вне» Опытов, оттого я и разозлился. А кроме того, писал Иваску сразу после разговора с Г. Ивановым¹ (entre nous, он дурак, но этого никто не должен знать), который тоже что-то пролепетал в «Оп<ытах>» о

Ремизов² и уверял меня, что это «единственный великий писатель современности». Ну, все это — древняя история, и конечно, я был не прав. Кстати, вышли ли эти «Опыты» наконец — или нет?

Меня слегка одолевает Ваш друг Яновский с просьбой (отчасти с требованием) написать о его «Челюсти», когда она выйдет³. Я обещал и напишу, но мне «Челюсть» эта совсем не нравится. Впрочем, я не всю ее еще прочел. Он ругается на Достоевского, а это, в сущности, разжиженный вариант «Записок из подполья». Вот Андреев — «Трудные дороги»⁴ — мне очень нравятся. Есть страницы замечательные и тон совсем верный.

Сейчас я уже почти месяц как в чудном Манчестере. В Париже все те же мерзости запустения, оживляемые лишь Маковским, который в 80 лет стал кипуче деятелен и болтлив. Да, еще Померанцев⁵, коего Вы возвели в восходящие звезды. Представьте себе, что мои кисловатые замечания о Фондаминском⁶ вызвали общее удивление. Вишняк мне прислал письмо об этом, и в Париже тоже люди (по слухам) говорили, что «как можно!», «такой великий человек» и т. д. Вишняк уверяет, что его и Мережковские считали великим. А я хорошо помню, что они о нем говорили (она), а теперь мне Вера Ник<олаевна> рассказала, что о нем говорил Бунин. Конечно, они были не во всем правы, но «aux morts on ne doit que la vérité»⁷ (это слова Вольтера, в сущности верные, хотя и жестокие). До свидания, дорогой друг В<ладимир> Сергеевич. Где Кодрянские? Я хотел написать Нат<алье> Владимировне, но не знаю, в Нью-Йорке ли они.

Между прочим, моя анти-ремизовщина смягчается и умеряется ее про-ремизовщиной. Но это — совсем другое дело, и, будучи сказочницей, нельзя больше всего любить серную кислоту, как я.

Буду ждать письмеца. Что Вы делаете, как живете, где работаете, т. е. зарабатываете на жизнь?

Ваш Г. А.

¹ Адамович писал Иваску 22 августа 1957 г., на следующий день после посещения Г.В. Иванова: «Я не могу примириться с превознесением Ремизова и всей его бесстыдно-слащавой и фальшивой подделки под поэзию. <...> Ремизов — знамя, символ фальши, а Вы не замечаете своего же собственного ужасного признания, соглашаясь со мной, что он “мошенник”: “Да, но *наши* мошенник” (и еще Вы подчеркнули “*наши!*”). Ведь то-то и ужасно, что *наши!* К другим мошенникам я равнодушен, мне до них нет дела. А от этого у меня сводит скулы и тошнит. <...> Мне очень жаль, что Вы на этот раз не посоветовались с Варшавским, с которым, кажется, совещались прежде. У него на все это есть и слух, и чутье» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 502–503). 26 августа 1957 г. Адамович о том же сообщил И.В. Чиннову: «Иваску я третьего дня написал едва ли не самое злое письмо в моей жизни — по поводу возведенного им превознесения Ремизова (Пожалуйста: все, что я пишу о Ремизове — *между нами*. Я не хочу, чтобы он думал, что к его 80-летию я хочу ему вредить. Пусть чествуют!) в следующей книжке “Опытов”. Не могу с этим примириться, хотя лично против Р<емизова> ничего не имею. Это — сдача всех позиций, измена, предательство того облика поэзии, который — мне казалось — в “Опытах” мало-помалу проступал. Это восхваление поэзии-

лжи, поэзии-лукавства, всего, что мне отвратительно, сколько бы ни было за ней таланта. И, кроме того, это поддержка всех обманутых Ремизовым модернистических дураков. Я Иваску почти написал отказ от дальнейшего участия в журнале и все думаю, надо ли это сделать публично, с объяснением причин. Если боюсь этого, то исключительно потому, что боюсь саморекламы и какой-то неуместной “принципиальности”, которую трудно было бы объяснить» (РО ИМЛИ. Фонд И.В. Чиннова).

² В поздравительном блоке материалов под общим названием «Алексею Михайловичу Ремизову ко дню его восьмидесятилетия» (Опыты. 1957. № 8. С. 126–130) между статьями В.В. Вейдле и В.Ф. Маркова была напечатана неозаглавленная заметка Г.В. Иванова.

³ Повесть В.С. Яновского «Челюсть эмигранта» печаталась в «Новом журнале» (1957. № 49–50) и к концу года вышла отдельным изданием (Нью-Йорк, 1957). Рецензия на книгу была опубликована месяц спустя: *Адамович Г.* «Челюсть эмигранта», повесть В. Яновского // Новое русское слово. 1957. 8 декабря. № 16234. С. 8.

⁴ *Андреев* Геннадий (наст. имя и фам. Геннадий Андреевич Хомяков; 1909–1984) — литератор, журналист. После окончания средней школы в 1926 г. работал в газете, в 1927–1935 гг. находился в заключении. В 1942 г. в Крыму попал в плен, жил в Германии, член НТС, секретарь ЦОПЭ, член редколлегии, а затем редактор (с 1962 г.) альманаха «Мосты» (Мюнхен, 1958–1970), позже переехал в США. Его книга «Трудные дороги» печаталась в «Новом журнале» (1955–1957; № 42, 44, 47, 49), затем вышла отдельным изданием (Мюнхен, 1959).

⁵ *Померанцев* Кирилл Дмитриевич (1907–1991) — литератор, журналист, мемуарист. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1927 г. в Париже. В годы Второй мировой войны участник Сопротивления, сотрудник «Русской мысли».

⁶ *Фондаминский* Илья Исидорович (псевд. И. Бунаков; 1881–1942) — общественный деятель, член ЦК партии эсеров, в эмиграции публицист, редактор, организатор многих общественных начинаний русского Парижа. На квартире Фондаминского (130, Авеню де Версай) собирался религиозный кружок «Православное дело», «Новый град», «Круг» (с 1935 г.), «внутренний “Круг”» (с 1938 г.), младоросский «круглый стол», Пореволуционный клуб Ширинского-Шихматова и др. Адамович писал о нем, в частности, в статье о книге Варшавского (*Адамович Г.* О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем // Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8). О «кисловатых замечаниях» см. ниже примеч. 1 к письму 38 наст публ.

⁷ О мертвых ничего, кроме правды (*фр.*).

104, Ladybarn Road
Manchester 14
26/I-58

Дорогой Владимир Сергеевич

Я очень виноват перед Вами, впрочем, как обычно. Но на этот раз у меня есть некоторое оправдание: не ответил я Вам не по лени, и даже не «просто так», а из-за немощей. Меня в Париже одолел азиатский грипп, вещь крайне мерзкая, изнурительная, и не совсем он прошел и до сих пор. Но мало-помалу я прихожу все-таки в себя.

Мне было крайне лестно и приятно прочесть, что какие-то мои статейки Вам показались достойны того, чтобы их собрать, перепечатать и т. д. Правда. Статью о

Толстом и Пушкине («У камина»¹) я писал действительно «с чувством, толком», остальное — как обычно, скорей впопыхах. Но в «Опыты» все это не годится, по многим причинам. Я был бы рад собрать некоторые свои статьи и «Комментарии» за много лет, но кто их издаст? «Чех<овское> изд<ательст>во» непременно требовало новой книги, а жаль! Если бы они предоставили мне составить книгу, как хочу и из чего хочу, она была бы значительно лучше. Но теперь об этом нечего и думать².

Насчет же того, что я перегибаю палку в сторону анти-декадентства, рационализма, прозы и некоего «вишнячества» (отчего будто бы Вишняки стали меня одобрять), вот что я хочу Вам сказать, — и, кстати, это тема для новых «Комментариев»: в литературе нет ничего достижимого, все ускользает из рук, все оборачивается ложью, — и чем больше живешь, тем яснее и горше это чувствуешь. Оттого наступает срок, когда человек-литератор становится «пораженцем», а м. б., и само-предателем. «У меня, — говорит он себе, — ничего нет, ничего не будет, м. б., есть у них, у других, моих бывших врагов?» И его клонит в другой лагерь, хотя и там наверно он ничего насущно-важного не найдет.

Я не уверен, но думаю, что, м. б., то, в чем Вы меня упрекаете, этим надо бы объяснить. Конечно, я сердцем, навсегда, с декадентами. Но ничего они мне, в сущности, не дали, кроме обещаний.

Простите, что расписался о самом себе. Глупо и неловко, но Вы меня спровоцировали.

Знаете ли, какую я книгу теперь должен писать? О Маклакове³. Это меня мало вдохновляет, но это — заказ и деньги, а деньги меня вдохновляют всегда. (Пожалуйста, не говорите об этом никому. Почему-то это еще — тайна.)

Яновский, писавший мне часто, умолк после рецензии о «Челюсти». Не знаете, обижен ли? Я написал лучшее, что мог.

Иваск собирается летом в Европу. Собрались бы и Вы! Напишите, кстати, о себе, как Вам живется, вполне ли хорошо в финансовом смысле, есть ли развлеченная любовная и т. д. Я как-то «не чувствую» Нью-Йорка и не представляю себе Вашей жизни в нем. Здесь я — вроде как в богадельне, а в Париже вроде как на кладбище или в преддверии его. Буду ждать письмеца.

Ваш Г. Адамович

P.S. Забыл то, что давно хотел сказать Вам: о вашей «Рассеянности» в «Опытах»⁴. Очень хорошо. Все настолько по-Вашему, и самая тема — настолько Ваша, что узнаешь из тысячи других вещей. Собственно, скорей «Недоумение», чем «Рассеянность», но этим словом — недоумение — надо будет когда-нибудь назвать собрание всех Ваших сочинений: где я и что я.

Меня удивило, что Вы стали больше «художником», чем были до сих пор. Я не приписываю Сирину никакого влияния на Вас, но думаю, что Ваше упорное восхищение его словесной тканью кое-что внесло и в Ваше писание. В ответ на мое восхищение Андреевым («Трудные дороги» в «Н<овом> журн<але>») Вы написали мне: да, но он не художник. Это меня тогда смутило. Где начало одного, где конец другого? Теперь, прочтя «Рассеян<ность>», я понял источник, корень Вашего замечания. Это в Вас новое, и, признаюсь, — мне было бы жаль, если бы

Вы «художеством» увлеклись. Я не хочу, конечно, повторять азы и прописи: художество только тогда хорошо, когда оно незаметно и т. д. Сами Вы все это знаете. Но у Вас оно сейчас в двух шагах от того, чтобы стать «заметно». Чувствуется усердие, усилие — и мне по старой дружбе хочется Вас предостеречь. «Аркадий, не говори красиво»⁵. Очень по-Вашему вставлен Джо с «нимфой», очень хорошо это сплетается с темой.

¹ *Адамович Г.* Размышления у камина // Новое русское слово. 1957. 10 ноября. № 16206. С. 8.

² Издательство имени Чехова прекратило свое существование в 1956 г. Осуществить эти планы и издать книгу эссе Адамовичу удалось лишь через несколько лет: *Адамович Г.* Комментарии. Washington, 1967.

³ Книга, задуманная обществом друзей Маклакова, была выпущена в следующем году: *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж, 1959.

⁴ *Варшавский В.* Рассеянность. Из записок художника // *Опыты*. 1957. № 8. С. 26–35. Об этом рассказе Адамович писал Иваску 29 ноября 1957 г.: «Варшавский стал изысканнее, как-то “литературнее”, чем был, чуть-чуть манернее. Я очень люблю его писания, но едва ли он (на этот раз) вызовет отклик и интерес. Его тема — недоумение — не дает ему покоя, но если бы он нашел в себе силы ее забыть, было бы лучше, т. е. был бы большой писатель, который пока остается только в зародыше. Все-таки очень хорошо, что “Опыты” его печатают и поддерживают. Он из тех людей, которых надо хвалить и не бранить — иначе он завянет» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 504).

⁵ Слова Базарова из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862): «О друг мой, Аркадий Николаич! — воскликнул Базаров. — Об одном прошу тебя: не говори красиво» (глава 21).

35

104, Ladybarn Road
Manchester 14
23/IV-58

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил Ваше письмо — с радостью и удивлением. Я думал, что Вы меня достаточно знаете, чтобы не предполагать, что я на Вас «обиделся» — и из-за чего?! — из-за того, что Вам не нравятся Алданов и Андреев! Неужели Вы действительно могли решить, что именно из-за этого я Вам не пишу? *Сher ami*, я вообще толерантен (вероятно, по равнодушию, а не по высоким причинам), а к Вам — особенно, ибо чувствую в Вас многое, чего нет во мне самом. А не писал я Вам — сам не знаю почему, «так», от всякой суеты и всего прочего. Не стоит об этом и говорить.

Насчет Teilhard de Chardin¹: я как раз его теперь читаю, и удивился, что Вы мне о нем именно теперь пишете. Я прочел только первую книгу, потом прочту вторую и третью. Я не очень люблю авторов, которые дают «мировоззрение», но согласен, что Teilhard очень интересен, а главное — сообщает бездну учености, из

которой можно сделать и свои выводы. По своей малограмотности я это ценю больше всего. Меня удивляет, что он католик, да еще священник. Надо бы созвать новый, последний Вселенский собор и внести поправки в космогонию, для церкви будто бы еще обязательную, но рассчитанную на человечество в его младенчестве. Притом, это не было бы непреодолимо трудно! А то выходит, что само собой разумеется — по Teilhard de Chardin и другим — что в церковном учении сохранили вздор, на который, однако, церковь не решается посягнуть и который считается откровением и богоданной истиной.

Quant à Паскаль и иезуиты, то Вы правы. Паскаль — не истина, а только живой упрек истине, что она хуже, чем могла бы быть. И потом, литературно он — вне сравнений. Если Вы помните пять-шесть его строк о Монтене, потрясшие меня на всю жизнь — о том, что Montaigne «ne pense qu'à mourir mollement et lâchement»³ — то согласитесь. Это просто невероятно по битью «в самую точку». Ну, вот — философское письмо пора кончать! Не сердитесь на меня за молчание и не выдумывайте причин. Je suis dans le genre de Montaigne: «mollement et lâchement»⁴, не только умираю, но и живу.

Небольсиной⁵ я напишу завтра или послезавтра.

В Англию я вернулся из Парижа вчера и буду здесь до начала июня.

Как Вам живется? (à part философы).

Ваш Г. А.

¹ *Тейяр де Шарден* (Teilhard de Chardin) Пьер (1881–1955) — французский ученый-палеонтолог, философ, теолог, член Парижской АН (1950). Речь, по-видимому, идет о первых томах собрания сочинений ученого: *Oeuvres de Pierre Teilhard de Chardin*. P.: Les Éditions du Seuil, 1956–1965. V. 1. *Le phénomène humain* (1956); V. II. *L'apparition de l'homme* (1956); V. III. *La vision du passé* (1957). Первое русское издание («Для научных библиотек») появилось гораздо позже: *Тейяр де Шарден II. Феномен человека*. М., 1965.

² Что касается (*фр.*).

³ Только и думал, чтобы легко и безболезненно умереть (*фр.*).

⁴ Я в духе Монтеня: «легко и безболезненно» (*фр.*).

⁵ Возможно, имеется в виду Екатерина Лаврентьевна Небольсина (урожд. Пуцина; ?–1986).

26/IV-59
3, Scarsdale Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что давно не писал и до сих пор не ответил на последнее Ваше письмо. Я был в Париже, а там всегда суета и писать некогда. Только третьего дня сюда вернулся.

Вы пишете, что рады тому, что я «м. б. попаду в Мюнхен». Я не хочу туда попадать. Я условился с Critchlow¹ и Бахрахом, что приеду туда на 2–3 дня (должен быть там 6 июля), но «насовсем» — не хочу. Во-первых, пока я в Манчестере, ни на что другое менять его не стоит. Во-вторых, даже если бы мой Манчестер кончился, от Мюнхена я отказался бы. Как-нибудь проживу, — жил же я раньше без постоянного заработка? Работать 8 часов ежедневно, без длительного отпуска, я уже не способен, вернее, не хочу, — п<отому> что жить мне осталось не так много, и я хочу дожить жизнь иначе, м.б. что-нибудь еще написать. А это — ярмо. Нет, c'est n'est plus pour moi². Если можно работать для них, живя в Париже, т. е. время от времени что-нибудь им посылать, дело другое. На это я согласен (для денег, но без энтузиазма).

Отвечать о Роб-Грийе теперь поздно, Вы забыли, конечно, что о нем писали. А статью в «Esprit», о кот<орой> вы пишете, я читал, и никак не согласен, что она «замечательная». Статья средняя, по-моему, типично литераторская, без сути. Да, неглупо, но и только, а вот Александрова в «Соц<иалистическом> в<естнике>» написала о ней скорей глуповато.

Иваск мне пишет, что Мария Сам<ойловна>, вероятно, будет субсидировать «Н<овый> журн<ал>», кончив «Опыты». Очень жаль. В «Оп<ытах>» много недостатков, но исправимых, а «Н<овый> ж<урнал>» — альманах, сборник, «всего понемногу на все вкусы». Я бы хотел, и написал об этом Иваску³, чтобы «Оп<ыты>» — если бы М<ария> С<амойловна> согласилась хотя бы на один № в году — были бы ближе к Вашей линии, т. е. меньше эстетизма, больше беспокойства обо всем, что представляет собой наш теперешний мир. Но где взять людей? В последнем номере нет ни Вас, ни хотя бы Степуна (я не очень люблю его, но все-таки он головой выше почти всех других, когда не пишет о кинематографе). Что-то есть и в Большухине⁴, только это «что-то» тонет у него в болтовне. До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Пожалуйста, ответьте мне и возобновим переписку. Передайте сердечный привет, de tout coeur⁵, Вашей невесте — или уже жене⁶.

Ваш Г. Адамович

¹ Кричлоу (Critchlow) Джеймс — журналист, советолог, один из создателей и первых руководителей радиостанции «Освобождение» (позднее — «Свобода»). См. его книгу: *Critchlow J. Radio-Hole-in-the-Head / Radio Liberty. Washington (DC), 1995.* См. также: *Оболенская-Флам Л. Воздушными путями: К 50-летию передач радио «Свобода» // Посев. 2003. № 3 (1506). С. 7–11.*

² Нет, это уже не для меня (*фр.*).

³ 25 апреля 1959 г. Адамович писал Иваску: «Вчера вернулся в Манчестер и нашел Ваше письмо с письмом М<арии> С<амойловны>. Было бы хорошо, если бы она приняла Ваше предложение: s — “Н<овый> ж<урнал>”, j — “Опыты”. Конечно, ей лично “Н<овый> ж<урнал>” ближе, понятнее. Но у “Оп<ытов>” есть друзья и есть роль. Что их мало покупают и ругают, ничего не значит. Вы бы могли ей это объяснить, и, даже не поняв, она Вам поверит. Как «противостояние» СССР — “Опыты” вернее “Н<ового> Ж<урнала>”, даже если у них есть слабости и крайности» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 522–523). 26 апреля 1959 г. Адамович делился сооб-

ражениями по этому поводу с И. Чинновым: «Иваск сообщает мне, что М<ария> С<а-мойловна>, вероятно, будет издавать “Н<овый> журнал” вместо “Опытов”. Очень будет жаль. “Н<овый> ж<урнал>”, конечно, популярнее, шире, но это — сборники, альманахи, а в “Опыт<ах>” есть линия и лицо, и некое противостояние СССР, чего нет в “Н<о-вом> ж<урнале>”. Конечно, надо бы “Опыты” — если бы они продолжались — оживить, т. е. убавить эстетизма и добавить какой-то современной идейности и беспокойства обо всем, что в мире творится. Беда лишь в том, что почти нет людей, некому писать» (РО ИМЛИ. Фонд И.В. Чиннова).

⁴ *Большухин* Юрий Яковлевич (наст. фам. Кандиев; 1903–1984) — эмигрант второй волны, журналист, литератор, автор «Опытов», «Мостов» и «Граней», в 1957–1965 гг. литературный редактор в «Новом русском слове». См. о нем: *Кторова А.* Юрий Яковлевич Большухин. К десятилетию со дня кончины // Новое русское слово. 1994. 29 апреля. См. также: *Богомолов Н.А.* Из заметок по истории русской зарубежной литературы и журналистики // Кафедра критики — своим юбилярам: Сб. ст. в честь В.Г. Воздвиженского, Л.Ш. Вильчек, В.И. Новикова / Сост. Н.А. Богомолов, О.А. Лекманов. М., 2008. С. 30–38.

⁵ От всего сердца (*фр.*).

⁶ Татьяне Георгиевне Варшавской.

37

104, Ladybarn Road
Manchester 14
29/X-59

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил вчера письмо от Али Бахраха, который между прочим сообщает: «Вас ругает Варшавский». За что? Я недоумеваю. Вероятно, за молчание, больше как будто бы не за что! Когда я Вам писал? Когда Вы мне писали? Ничего не помню. Писал ли вообще после пребывания в Мюнхене? Неужели нет? Словом, положите гнев на милость, и давайте возобновим переписку, если нет за мной других грехов и провинностей. Как Вы живете? Кое-что я знал о Вас от Натальи Владимировны¹, которую видел осенью в Париже довольно часто. А теперь зима, тьма, холод, и это меня удручает, ибо по всем данным я в прошлой жизни был жрецом солнца.

Буду ждать письма, и не сердитого, а дружеского. Кланяйтесь, пожалуйста, очень сердечно и искренне Вашей жене.

Ваш Г. Адамович

¹ Н.В. Кодрянской.

6/XII-1959
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Опять я перед Вами провинился, т. е. не ответил в пристойный срок. Но дел много, времени мало, и чего-то во мне самом становится мало: вот причина! Не понимаю, почему Вас так взволновал и огорчил Вишняк (о Фондаминском). Я ему писал раза два уже об этом¹, впрочем давно. То, что друзья Ф<ондаминского> не считали его таким замечательным человеком, как считал он, не есть признак двуличия. Вишняк не хочет этого понять. Вы лично могли быть о Ф<ондаминском> совсем другого мнения: каждый думает и чувствует по-своему. Еще не понимаю, почему Вы считаете невозможным, будучи моим другом, — как и я Ваш друг, — со мной полемизировать. Друзья не обязаны быть во всем согласны. Кстати, о Ф<ондаминском>: Вы, может быть, правы, если вспомните его конец. Я имел в виду прежние годы и то, что о нем слышал от Гиппиус и других (отчасти и от молодых: например, от бедного Штейгера несколько слов, очень меня поразивших). Ну, оставим все это, не будем «полемизировать». Хотя я очень люблю слова Вольтера: «aux morts on ne doit que la vérité»². Вольтер был дурным человеком, и сказал это зло, но в словах его есть и глубокий смысл, более глубокий, чем в «aut bene, aut nihil»³, где сказывается страх, как бы и о тебе после смерти не сказали всей правды.

Зачем Вы читаете Мориака-сына?⁴ По-моему, это набитый дурак, «орленок» не совсем настоящего орла-отца. А вот что Вы думаете о «Лолите», если ее читали? Я прочел недавно, и самое удивительное в ней, по-моему, то, что при восклицаниях о любви на каждой странице в ней любовь «и не ночевала»⁵. Это совершенно сухая, мертвая книга, хотя и блестящая (даже чувственности нет, ничего все выдуманно). Кстати, английские отзывы в большинстве очень сдержанные⁶.

Я здесь еще дней 10, а потом на месяц в Париж (7, rue Frédéric Bastiat, Paris 8). Если соблаговолите написать, то туда. Обратите внимание, что в Манчестере у меня новый адрес, постоянный. В июне я должен поехать в Венецию, где будет чествование Толстого, пять дней подряд со всякими знаменитостями⁷. Это скорей приятно, но сам Толстой сказал бы, что глупо. Отчасти за это я его и люблю: что среднему человеку приятно, то ему противно. Он ведь и на чествование Пушкина не поехал⁸, где Достоевский наговорил такого вздора, а Тургенев восклицал: «Сияй же, благородный монумент...»⁹ (кажется, дословно).

Ну, до свидания, cher ami. Меня очень, очень тронула приписка Вашей жены, и я отвечаю ей тут же, но вот беда: не могу вспомнить отчества! У меня голова вполне дырявая, знал и забыл, как забываю все. Пожалуйста, извинитесь за меня. Шлю всякие чувства, очень искренние

Ваш Г. Адамович

На Вашем конверте — адрес службы. А какой Ваш частный адрес?

Дорогая Татьяна ...

(простите за такое обращение: объяснение на обороте!)

Спасибо, что вспомнили и сделали приписку. Мне это было действительно приятно, и даже больше. Я Вас видел всего полчаса, но иногда и в полчаса понимаешь и чувствуешь больше, чем за иной год. От души желаю Вам счастья и всего, что может быть в жизни хорошего.

Искренне Ваш Г. А.

¹ В рецензии на книгу М.В. Вишняка о «Современных записках» Адамович написал о Бунакове-Фондаминском: «Мне он всегда представлялся человеком приятным, — даже, если угодно, “во всех отношениях”, — порывистым, отзывчивым, постоянно склонным к энтузиазму, но не без примеси какого-то душевного сахара: человеком не очень значительным, в конце концов, и далеко не столь талантливым, как, например, Федотов» (Адамович Г. «Современные записки»: Воспоминания М.В. Вишняка // Русская мысль. 1957. 15 августа. № 1095. С. 4–5). Этот отзыв вызвал возражения Вишняка в несохранившемся письме Адамовичу от 9 сентября 1957 г. Адамович получил письмо с опозданием и ответил 7 октября 1957 г.: «По-видимому, я не совсем удачно сказал то, что хотел сказать, о Фондаминском. Многие поняли мои слова как отзыв вполне отрицательный. У меня и в мыслях этого не было. Но зато, правда, не было и в мыслях представить его как человека не только обаятельного, а и замечательного. Я его знал не очень близко, хотя встречал часто. Должен сознаться, что впечатление у меня осталось как о человеке скорей поверхностном, легковесно-восторженном, без какого-то костяка внутри. <...> Вопреки тому, что Вы пишете (не в книге, а в письме), Мережковские, например, относились к Илье Исид<оровичу> более чем скептически. <...> Бунин иначе как с усмешкой о Ф<ондаминском> не говорил, хотя любил его как друга» («Не будьте на меня в претензии...»: Письма Г.В. Адамовича М.В. Вишняку 1938–1968 гг. / Публ. О. Коростелева // Vademesum. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 420–421).

Готовя свой ответ критикам, Вишняк 17 мая 1959 г. прислал Адамовичу полемизирующие с ним страницы своей будущей статьи, попросив внести уточнения для окончательной ясности. В письме от 21 мая 1959 г. Адамович предложил свой вариант двух абзацев, описывающих отношение эмигрантов к Бунакову-Фондаминскому, добавил: «Выражение “за спиной” производит впечатление именно “двуличья”, как у Вас и сказано. Между тем, двуличья, по-моему, не было. Бунин или Мережковские могли И.И. <Фондаминского> искренне любить, не считая его при этом замечательным человеком. Если они и не говорили ему этого в лицо, то упрекать их не за что. Кроме того, мне хотелось бы подчеркнуть, что Алданов всегда говорил об И.И. восторженно — поскольку к восторгу он вообще был склонен» (Там же. С. 422–423).

² О мертвых ничего, кроме правды (*фр.*).

³ Либо хорошо, либо ничего (*лат.*).

⁴ *Мориак* (Mauriac) Клод (1914–1996) — французский писатель, журналист, литературовед, сын Франсуа Мориака.

⁵ Выражение И.С. Тургенева из письма к Я.П. Полонскому от 13 (25) января 1868 г., в котором он заявил, что в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала» (*Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1964. Т. VII. С. 30*).

⁶ Обзор откликов на «Лолиту», а также основные рецензии см. в издании: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе,

пародии / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост. и подгот. текста Н.Г. Мельникова, О.А. Коростелева; предисл., преамбулы, коммент., подбор ил. Н.Г. Мельникова. М., 2000.

⁷ Международный конгресс, посвященный 50-летию кончины Л.Н. Толстого, проходил в Венеции с 29 июня по 2 июля 1960 г. Среди отзывов об этом конгрессе, опубликованных в «Русской мысли», была и статья Адамовича (Русская мысль. 1960. 18 августа. № 1566. С. 4–5).

⁸ О причинах этого см., например: *Курбатов В.Я.* Почему Лев Толстой не был на открытии памятника Пушкину? // Роман-газета XXI век. 1999. № 5. С. 51–55.

⁹ Речь по случаю торжественного открытия памятника А.С. Пушкину в Москве, произнесенная И.С. Тургеневым 7 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, завершалась обращением к памятнику: «Сияй же, как он, благородный медный лик, воздвигнутый в самом центре древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом, потому что среди этого народа родился, в ряду других, и такой человек» (*Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 10. С. 304–306).

39

28/XII-59

7, rue Frédéric Bastiat,

Paris 8

Дорогой Владимир Сергеевич

Шлю Вам к Новому Году лучшие пожелания. Но так как Вы пишете, что «гениально женились», то значит желать Вам надо только того, чтобы Ваше счастье длилось. Вот этого я Вам и желаю, притом *de tout coeur!*¹

На все Ваши рассуждения, или, вернее, указания, что и кого прочесть, хочу Вам еще раз сказать следующее: я больше не хочу и не могу читать ничего нового. Слишком поздно. Я вовсе не думаю, что новое хуже старого. Но я его «не вмещаю», и если что-нибудь мне еще может быть нужно, то лишь привести в порядок впечатления прежние, и их окончательно проверить. Вы моложе меня, и очевидно любопытнее меня. Я даже музыку слушаю теперь только ту, которую знаю, а «идти с веком» не в силах. Как это ни странно, Ваш друг Берберова, вступившая со мной в переписку², тоже все спрашивает меня: читал ли я Х. или Y.? Нет, не читал и читать не буду, хотя вполне допускаю, что Х. или Y. — замечательные люди и писатели. Читать стоит только то, что можно «переварить», а мой желудок новой пищи не принимает.

Но вот, например, статейку этой самой Берберовой о «Лолите»³ я по Вашей рекомендации прочел: действительно, чушь и с невероятным апломбом (апломб хуже, чем чушь: чушь скромную можно бы простить). Но и у Ульянова, другого Вашего друга, — какая самоуверенность!

Ну, впрочем, все это пустяки и суета сует. Я в Париже уже с неделю и пробуду, верно, до 15 января. До свидания, *cher ami*. Пожалуйста, пишите, хотя бы и о литературе. Если это в Вашем «преломлении», то мне интересно и для меня это тогда не совсем новое и чужое.

Ваш Г. Адамович

Дорогая Татьяна Георгиевна

Шлю Вам самые сердечные и искренние пожелания к Новому Году! Надеюсь, Вы счастливы, здоровы, благополучны — и может быть, собираетесь побывать в этом новом году в Европе, чему бы я был действительно рад.

Ваш *Г. Адамович*

Paris

28 декабря 1959

¹ От всего сердца (*фр.*).

² В марте 1958 г. Берберова возобновила переписку с Адамовичем (до этого они обменялись несколькими письмами во время войны), но продлилась она, судя по всему, недолго, во всяком случае, в бумагах Берберовой сохранились лишь письма до 1961 г. (Beinecke. Nina Berberova Papers. Gen MSS 182. Box 2. Folder 16).

³ *Берберова Н.* Набоков и его «Лолита» // Новый журнал. 1959. № 57. С. 92–115. 13 декабря 1959 г. Адамович написал Берберовой об этой статье: «На днях, тоже с большим опозданием, прочел Вашу статью о Набокове. Статья бесспорно интересная, хотя я лично не согласен почти ни с одним Вашим словом. Но соглашаться не обязательно. Я читал “Лолиту”: с восхищением “виртуозностью” и с очень большой скукой» (Beinecke. Nina Berberova Papers. Gen MSS 182. Box 2. Folder 16).

40

23/I-1960

30, Denison Road

Victoria Park

Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Спасибо за письмо. Как всегда, я не помнил, кто у кого в долгу и думал, что я у Вас. Хочу Вам вот что сказать: я писал Вам, что больше ничем новым не интересуюсь и почти ничего нового не читаю, не с тем, чтобы покрасоваться, а наоборот — с сознанием *inferiorité*¹. А Вы как будто оправдываетесь, что интересуетесь и читаете. Правы, конечно, Вы, а не я. Надо читать и интересоваться, а если нет, то уж быть каким-нибудь Спинозой, глядящим в потолок и размышляющим о вечности. К сожалению, я ни то, ни другое, — и гордиться мне нечем. Но у меня все острее чувство ухода, прощания с жизнью, а жизнь я очень любил, — и это наполняет мое безделье (умственное). Я все говорю себе: может быть, «там» что-нибудь и будет, но не будет того, что я «здесь» любил. А впрочем, я не уверен, что вообще что-нибудь будет, — хотя скорей все-таки думаю, что будет. Но что?? У меня недавно был такой странный сон — с почти реальным ощущением правды, «автентичности» — об этом будущем, что от его холодной бесчеловечности я до сих пор не пришел в себя.

Ну, довольно об этом. Все ясно и так.

Дорогой друг, Берберову я называл Вашим другом, конечно, не всерьез, но думал, что кавычки и не нужны. Она — дура, и притом, кажется, оказалась карьеристкой,

упоенной своими «лекторскими» успехами. А Ульянов — не дурак, но был бы умнее, если бы не был самоуверен. По Толстому, человек есть дробь: то, что он есть, <на> то, что он о себе думает. Вот, если бы Ульянову уменьшить знаменатель, он был бы неплохим писателем. Даже в стиле его чувствуется, что он — большого о себе мнения. Недели две назад вышла моя книга о Маклакове. Мне очень жаль, что я не могу Вам ее прислать: у меня было крайне мало своих, личных экземпляров. Простите. Мне бы хотелось все-таки, чтобы Вы ее прочли. Там 90 % — воды и общих мест, но 10 % — все-таки не совсем мне чуждых. Кланяйтесь, пожалуйста, очень сердечно Татьяне Георгиевне. Вы пишете, что Вас радует, что я к ней хорошо отношусь. Как могло бы быть иначе? Во-первых — она Ваша жена и сделала Вас счастливым человеком. А во-вторых, даже если это забыть (но я не забываю), она вся светится чем-то таким, от чего светло и другим. Поверьте, я написал это, и мне как-то неловко, что Вы ей, м. б., дадите это прочесть. Но это — правда, и не для «обмена любезностями».

Ваш Г. А.

Вы написали на конверте: Denison Road без номера. № 30.

¹ Слабости (*фр.*)

41

1 мая 1960
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Спасибо большое за письмо (даже два!) и простите, что отвечаю с опозданием. Я был в Париже, а там — как Вам известно — жизнь суетливая, отчасти по моей собственной податливости к суете. Но как Вы могли думать — если действительно думали! — что я на Вас «рассержусь» за Ваши замечания о «Маклакове». Во-первых, там не было повода к тому, чтобы «сердиться», во-вторых, я на Вас сердиться не способен, достаточно хорошо Вас зная. Очевидно, Вы меня знаете меньше, если такое предположение допустили.

Но кое-что я хотел бы Вам ответить: некоторые мои фразы Вам кажутся «алдановскими» и Вы говорите, что «Толстой так не написал бы». Это совершенно верно. Но я не люблю стилистического «толстовства», т. е. его нагромождений и бесцеремонности при отсутствии его единственной в нашей литературе силы. Надо иметь право писать, как Толстой, и до некот<орой> степени Ремизов прав, что «у Т<олстого> нельзя учиться»¹. Ну а насчет Алданова разговор был бы долгий. У А<лданова> есть скромность и анти-поэтичность, которую я очень ценю, даже в стиле. Мне кажется (по некот<орым> Вашим замечаниям в письмах за последние годы, —

напр<имер>, об Андрееве-Хомякове «Трудн<ые> дороги» и др.), что Вы стали слишком чувствительны к «художественности». По-моему, нет ничего опаснее. Вас как будто смутил Набоков. Он почти гениально талантлив, не спорю, но образец это дурной, и, кстати, «Лолита» — в конце концов совсем плохая книга.

Но главные мои возражения Вам — о Толстом. Я не писал — и не думаю этого, — что он в любви к людям впереди всех других. Тут я с Вами совсем согласен, и что Плевако² должен бы войти в рай раньше его — верно (впрочем, если только рай создан для детей, — *se qui est a discuter!*³). Но что Толстой действительно говорил то, что сказано в Евангелии, и ничего от себя не прибавил — по-моему, истина совершенная. Мой «агрессивный» тон, в котором Вы меня упрекаете, только к этому относится, и что Соловьев и другие спорят, в сущности, не с Толстым, а с Христом — по-моему, неопровержимо. Толстой был несговорчивый, бескомпромиссный человек, все этим и объясняется. Нам же всем, т. е. Соловьеву, Достоевскому, людям мельче его, хочется сохранить все, что нам дорого. Но, м. б., у него было мало снисхождения к людям, — т. е. того было мало, что было у Плевако и есть у Церкви, в частности православной. Это и драма, и путаница, из которой нет выхода. Кстати, сейчас у меня лежат воспоминания Гольденвейзера о Толстом⁴, средне-интересные, — но там Т<олстой> говорит по поводу какой-то бабы, верящей в то, во что он учил не верить, — что «каждого надо оставить верить по-своему» и «никого не отнимать у Бога». Ну, довольно, — я с Вашей критикой не во всем согласен, но читал ее, как что-то нужное и как одну из возможных истин, еще раз подтверждающую мое давнишнее сомнение в существовании истины одной, исключаяющей все другие.

Наталья Владимировна мне говорила, что Вы, м.б., соберетесь в Европу. Если это верно, сообщите, когда и где будете. Я еще своего летнего расписания не знаю, но, вероятно, пробуду в Париже до 25 июня.

До свидания, надеюсь. Крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович

Дорогая Татьяна Георгиевна

Вы, верно, забыли приписку, которую сделали месяца полтора назад на письме Вашего мужа. Но я ее не забыл, хочу Вас за нее искренне поблагодарить и был ею тронут.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович имеет в виду заявление А.М. Ремизова из книги «Огонь вещей»: «Учиться писать по Толстому пустое дело» (*Ремизов А.М. Огонь вещей / Сост., вступ. ст., коммент. В.А. Чалмаева. М., 1989. С. 43*).

² Плевако Федор Никифорович (1842–1908) — юрист, популярнейший адвокат и судебный оратор, участник крупных политических и уголовных процессов. Плевако бывал в Ясной Поляне, и в 1907 г. Л.Н. Толстой назвал его, по свидетельству Д.П. Маковицкого, «самым пустым человеком» (*Маковицкий Д.П. У Толстого (1904–1910). Яснополянские записки: В 4 кн. М., 1979. Кн. 2. С. 570*). Однако, по воспоминаниям П.А. Россиева, Толстой «направлял мужиков именно к Плевако: “Федор Никифорович, обелите несчастных”» (*Россиев П.А. Памяти Ф.Н. Плевако // Исторический вестник. 1909. № 2. С. 691*).

³ Это спорный вопрос! (*фр.*).

⁴ По всей видимости, Адамович читал незадолго до того вышедшее в России переиздание книги: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого / Предисл. К.Н. Ломунова; примеч. В.С. Мишина. М., 1959. Ранее воспоминания выходили двухтомником: *Гольденвейзер А.Б.* Вблизи Толстого (Записи за пятнадцать лет): В 2 т. М., 1922–1923.

42

Paris
17/VI-1960

Дорогой Владимир Сергеевич,

Простите, что отвечаю с опозданием — и без философских рассуждений. Я очень «заморожен» делами и суетой, а кроме того болен, кажется, в первый раз в жизни: печень — и все что-то болит. Ну, надеюсь, обойдется.

Вот мое летнее расписание: с 27 июня до 3 июля — Венеция (Grand Hotel Lido, Lido — Venezia).

Затем, если не будет очень жарко, поеду во Флоренцию и Рим¹, но с 10 июля, как обычно — Ницца, до середины сентября. Адрес тот же: 4, avenue Emilia, с/o Heyligers, Nice.

Был бы чрезвычайно рад видеть Татьяну Георгиевну и Вас. Дайте знать, где и когда Вы будете.

Ваш Г. Адамович

¹ 9 июля 1960 г. Адамович написал Одоевцевой: «Я вернулся в Ниццу вчера (вернее, не вернулся, а приехал) после Венеции, Флоренции и Рима. Все было интересно, венецианский “конгресс” был пышен до крайности, но я устал от него и от обозревания красот так, что теперь буду лежать дня три. Остаюсь, впрочем, при своем мнении, что очаровательнее Венеции нет, вероятно, ничего на свете» («Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958–1965) / Публ. Ф.А. Черкасовой // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 580–581).

43

17/X-1960
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Спасибо за письмо (как обычно — без даты!). И спасибо за фотографии — по-моему, очень хорошие. Но жаль, что нет ни одной с Вами. Татьяна Георгиевна — «как живая», и даже я (на одной) скорей приукрашен. Мне приятно на них

смотреть, вспоминая встречу с Вами обоими, а заодно, в здешнем мраке, и ниццское солнце.

В Париже я видел Бахраха. Он говорил о Вашем переводе в Мюнхен в тоне гораздо более оптимистическом, чем прежде. Но сам он как-то приуныл в отношении Мюнхена, и даже расспрашивал о возможности перехода в Манчестер, если я отсюда уйду на покой¹ (но это — *строго entre nous*, пожалуйста). Но он тоже находит, как и я, что Вы сделали ошибку, не поехав в Мюнхен «мимоездом», как турист — и о себе не напомнили, делая вид, что вовсе не для этого приехали.

О Юрасове² и «Мостах»³. Мне что-то писала об этом Берберова, но не о редакторстве, а об участии в редколлегии. По ее письму, это требует переезда в Мюнхен, на что я не согласен заранее⁴. А вообще-то я, м. б., согласился бы на редакторство единоличное (да и то крайне сомневаюсь: возня, обиды, ссоры!), но не на редколлегию, и вовсе не из-за самомнения, а из-за того, что не хочу втягиваться в то, что мне не по душе. «Мосты» вообще мне не нравятся, не знаю даже, чем, — но что-то в них неприятно, начиная с роскошной внешности.

Встречи с советскими людьми⁵ и Mr Пэг⁶. Я охотно напишу о Венеции, но сообщите подробнее, что именно их интересует, какой размер и т. д.⁷

Ну, вот и все. И все — дела, притом скорей пустые или скучные. И так пройдет жизнь. До свидания, дорогой друг Владимир Сергеевич. Спасибо за выписку из Поджиоли. Я его видел в Венеции, он о своей книге мне ничего не сказал⁸. Пожалуйста, пишите — и не только о делах.

Ваш Г. А.

Ваше письмо дошло чудом: есть Denison Road, но нет номера дома!! Запомните: № 30.

Дорогая Татьяна Георгиевна

Благодарю Вас сердечно за милую приписку. Очень бы хотел, чтобы Ваши мечты о поездке в Европу будущим летом стали бы реальностью. Желаю Вам от души счастья, здоровья, удачи во всем.

Ваш Г. Адамович

¹ 17 октября 1960 г. Адамович сообщил Иваску: «Я твердо решил бросить Манчестер и вообще лекторство весной. Неожиданно нашелся желающий (но колеблющийся) меня заменить — Бахрах. Это, конечно, *строго между нами*. Я его видел недавно в Париже, ему, по-видимому, Мюнхен надоел» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. V. Париж; СПб., 2003. С. 540–541).

² Юрасов Владимир Иванович (наст. фам. Жабинский; 1914–1996) — литератор, журналист. С 1938 г. в заключении, в 1941 г. бежал из лагеря, жил по подложным документам, воевал, подполковник (1945). После войны уполномоченный Министерства промышленности строительных материалов в Восточной Германии, в 1947 г. бежал в Западную Германию и стал невозвращенцем. С 1951 г. в США, редактор журнала «Америка», комментатор радиостанции «Свобода», член редколлегии «Мостов», сотрудник «Нового журнала», «Граней», «Нового русского слова».

³ Литературно-художественный и общественно-политический альманах «Мосты» (Мюнхен, 1958–1970) издавался Центральным объединением политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ). Ю.А. Письменный был главным редактором, а Н.Н. Берберова, В.И. Юрасов и Ф.Т. Лебедев входили в редколлегию (со второго номера к ним добавились Г.А. Андреев и И.В. Елагин). С третьего по восьмой номера все шестеро подписывали коллегиально (без выделения главного редактора). С девятого номера (1962) главным редактором стал Г.А. Андреев (с одиннадцатого номера из выходных данных «Мостов» исчезло упоминание о редколлегии).

⁴ 27 сентября 1960 г. Адамович писал Берберовой: «Откуда Вы узнали о моем желании оставить Манчестер? Это пока — только мечта и я не знаю, станет ли она реальностью. Но если станет, мне хотелось бы жить — т. е. *finis mes vieux jours* <закончить дни своей жизни (*фр.*)> — в Париже. Мюнхен меня смущает и даже страшит. Но повторяю, все это пока до крайности туманно. Из ЦОПЭ я ни слова не получал» (Beinecke. Nina Berberova Papers. Gen MSS 182. Box 2. Folder 16). 18 января 1961 г. Адамович еще раз вернулся к той же теме, отвечая на вопрос Берберовой: «Никакого разговора с Юрасовым ни по телефону, ни иначе — у меня не было. Я его не видел и не слышал. О предложении работать в ЦОПЭ, — будто бы исходящем от Юрасова, — мне писал Бахрах, но довольно туманно. На этом дело и кончилось» (Там же). Эти же соображения Адамович изложил в письме Ю.П. Иваску 17 октября 1960 г.: «Варшавский сообщает, что в Европу поехал Юрасов и собирается мне предложить 200–250 долл<аров> за “редакторство ‘Мостов’”. Я думаю, речь не о редакторстве, а об участии в ред<акционной> коллегии, Варш<авский>, верно, не понял. Но на “коллегию” я не согласен никак, да и на единоличное — тоже, или почти никак» (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961). С. 540–541).

⁵ Возможно, речь о советской делегации, приехавшей на конгресс в Венецию. 12 июля 1960 г. Адамович писал В.Н. Буниной: «Вы спрашиваете о Венеции. Было очень пышно, нарядно, многолюдно, вроде какого-то парламента. Но по существу довольно сумбурно, “кто в лес, кто по дрова”. Советские делегаты держались вежливо и любезно до крайности, хотя Слоним устроил маленькую перепалку из-за доклада Ермилова, по духу, конечно, вполне советского. Меня очаровал проф. Гудзий, — кажется, Вы его знаете или с ним были в переписке? Умный, скромный, милый, и много рассказавший интересного. Было немало Толстых: мой доктор, Сергей, Татьяна Альбертини и Никита (не знаю, чей он сын) из Стокгольма, болтавший совершенную чепуху. Зато Сергей, доктор, прочел доклад хороший, с защитой Софьи Андреевны, правда, вскользь, но верной. Говорили на всех языках мира, но переводчики из кабинок тут же все переводили, так что люди сидели в наушниках. К моему большому удовольствию Глеб Струве к прениям приглашен не был и сидел в публике, в компании с Лоллием Львовым» (Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М., 2004. С. 159).

⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

⁷ Адамович печатался почти в каждом номере «Мостов», начиная с пятого (1960), но материала о Венеции там не появлялось. Отчет о проходившем в Венеции конгрессе был опубликован в газете: *Адамович Г.В. По поводу Толстовского съезда в Венеции* // Русская мысль. 1960. № 1566. С. 4–5.

⁸ *Поджиоли* (Poggioli) Ренато (1907–1963) — американский славист итальянского происхождения, профессор Гарвардского университета. Речь, по-видимому, о его книге «The Poets of Russia, 1890–1930» (Cambridge (MA), 1960).

44

27/IV-1961
30, Denison Road
Victoria Park
Manchester

Дорогой Владимир Сергеевич,

Только на днях, перед самым своим отъездом из Парижа, я узнал о кончине Вашей мамы. Очень жалею, что не написал Вам раньше. Вы знаете, как я к Вам отношусь — и ведь уже столько лет! — как искренне Вас люблю и, надеюсь, поверите, что я всей душой с Вами в этом тяжелом, хотя и неизбежном испытании. Обнимаю Вас, крепко жму руку и шлю низкий поклон Вашему верному другу, дорогой Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

45

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
13 окт<ября> 1963

Дорогой Владимир Сергеевич

Вчера я видел Кодрянских. Они получили от Вас письмо и, судя по их словам, Вы считаете, что я на Вас за что-то «сержусь»? Дорогой мой, за что я могу на Вас сердиться? Откуда пришла Вам в голову такая мысль? Я не только на Вас не сержусь, но, кажется, и не способен рассердиться. Всегда помню о Вас с самыми добрыми чувствами. А если не пишу, то ведь и Вы мне не пишете, — и это ровно ничего не значит, правда?

Слышал от К<одрянских>, что Ваш Мюнхен не удастся. Знаете, я провел там весной 2 месяца, и считаю, что жалеть Вам нечего. Там — суета, сутолока, интриги и все прочие прелести. Климат ужасающий. Бахрах там как рыба в воде, но у Вас другой склад, другая натура и едва ли Вам там все было бы по душе. Я лично не могу ни на что пожаловаться, но я безразличнее Вас, а главное — много старше и ни в какой мере не озабочен «деланием карьеры». (Бахрах озабочен и по-своему прав. Вернее, не то что озабочен, а радуется успехам.)

Очень болен Мих<аил> Львович Кантор. Не могу сказать — «безнадежно», но очень, очень серьезно. Началось с сердца, осложнилось с простатой, ему должны на днях делать операцию, а при его крайней слабости это, конечно, опасно.

A part cela¹, все по-прежнему. Крепко жму руку, шлю лучшие пожелания и прошу помнить, что никогда я на Вас сердца еще не бил и надеюсь не бить! Передайте самый сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

¹ За всем тем (*фр.*).

Paris
14/I-1964

Дорогие друзья Татьяна Георгиевна и Владимир Сергеевич

Я очень виноват перед Вами. Простите! От поздравлений и пожеланий я давно отвык, хотя и знаю, что отвыкать не надо бы. Спасибо за Ваши пожелания и за память. Надеюсь, все у Вас благополучно, Вы здоровы и всем довольны, т. е. жизнью (которая и есть «всё»).

Владимир Сергеевич, что это Вы затеяли с Гулем к моему печальному 70-летию!?!¹ Я пишу ему *par le même courrier*², и, конечно, пишу, что не надо ничего³. Кроме неприятности, мне ничего бы не было, если бы даже появилась хоть одна строчка. Я не скрываю своего возраста, как думает Одоевцева⁴, а считаю, что все это слишком суетно и глупо. Достаточно мы насмотрелись, как юбиляры сами устраивают свои чествования!

Так что пожалуйста: ничего.

До свидания, шлю поклон, привет и все прочее с надеждой увидеться летом! Кстати, я еду в Ниццу на днях, т. е. 20 января, недели на три, т. к. замерзаю в Париже, где мое жилище к холоду не приспособлено. Мих<аил> Львович — без перемени, но не хуже: хорошо и это.

Ваш Г. Адамович

В Ницце адрес обычный: 4, avenue Emilia, chez Mme Neyligers (до 10 февраля).

¹ В 1964 г. Адамовичу исполнялось уже 72 года. О настоящей и выдуманной им датах рождения см. в статье: *Коростелев О.А. Адамович (1892–1972) // Литература русского зарубежья: 1920–1940. М., 1999. Вып. 2. С. 159–160, 184.*

² С ближайшей почтой (*фр.*).

³ 9 января 1964 г. Р.Б. Гуль написал Адамовичу: «Нов<ый> журн<ал> хотел бы отметить Ваше семидесятилетие. <...> Но как это лучше сделать? Я советовался с Вл<адимиром> Серг<еевичем> Варшавским, и у него “блеснула” счастливая идея: прежде всего попросить Вас самого написать какие-то “итоги”, какие-то “мысли по поводу”. Мне эта мысль понравилась, и вот я прошу Вашего отзыва на нее» (Beinecke. Roman Gul' Papers. Gen MSS 90. Box 18. Folder 412). 14 января 1964 г. Адамович отвечал Гулю: «Спасибо большое за Ваше письмо и за желание отметить прискорбный факт моего 70-летия. Находясь, насколько могу судить, в здравом уме и твердой памяти, хочу Вам сказать: не надо ничего. Я не считаю себя вправе обращать на себя общественное внимание, и, поверьте, говорю это без малейшей рисовки. Помимо того, все эти юбилеи и чествования — сплошь фальшь, “слова, слова, слова” и даже хуже, чем слова. Никому нет дела, сколько мне лет, и никому это не интересно. Одоевцева мне сказала, что уже писала Вам об этом. Но она будто бы ссылалась на то, что я предпочел бы скрыть свой возраст. Это, конечно, чепуха. Возраста не скроешь, да и не к чему его скрывать. Просто я не хочу о себе напоминать, и очень прошу Вас не делать из меня “юбиляра”: ни одним словом, ни строкой» (Beinecke. Roman Gul' Papers. Gen MSS 90. Box 1. Folder 6).

⁴ И.В. Одоевцева в частной беседе с комментатором говорила, что Адамович сбрасывал себе два года, желая казаться ровесником Г. Иванова.

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
20 ноября 1964

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что не написал Вам до сих пор. Я был искренне тронут Вашим письмом (и мне, и Михаилу Львовичу), но писать, лежа на спине, мне было трудно, да, в сущности, было и запрещено. Теперь я дома¹, вот уже два дня, — дней через 10–15 собираюсь поехать в Ниццу, к обычным своим друзьям, и пробыть там довольно долго. Получил вчера письмо от Бахраха, который что-то пишет о приезде в Мюнхен, — не для отдыха, конечно, а для работы. Но об этом пока не может быть речи².

Как Вы живете? Рад, что Ваши волнения в связи с кандидатурой Голдводтера³ оказались напрасными. Но Достоевский мог бы в самом деле голосовать и за него! От него (т. е. от Д<остоевского>) ждать можно было всего, и даже не в дурном смысле, а по его склонности к «les hauts» et «les bas»⁴.

Обнимаю Вас, дорогой Владимир Сергеевич, спасибо за дружбу. Передайте самый сердечный привет и поклон Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

Парижский мой адрес действителен всегда. Если напишете, буду очень рад.

¹ В конце сентября 1964 г. Адамович попал с сердечным приступом в больницу (Hopital Raymond Poincarre, Pavillon Widal 3, eit 23, Garches (S.O.)), а потом до середины ноября находился в реабилитационном заведении (maison de repos) по адресу: Résidence Bineau, 54, Boulevard Bineau, Neuilly-s/S.

² В письме Бахраху, написанному в тот же день, Адамович отозвался на предложение почти этими же словами: «Я уже два дня дома. Но не могу сказать, что я “здоров”. Нет, мне все трудно и от малейшего усилия я устаю. Спасибо за предложение попытаться устроить мне поездку и работу в Мюнхене. Сейчас об этом не может быть речи. <...> Так что Мюнхен — если он в принципе вообще возможен, — отложим до весны, т. е. до апреля или мая. Но, по-моему, — если Литвинов ведет свой отдел хорошо, — мне там нечего делать. Ну, посмотрим, и, повторяю, дело это еще далекое и надо до весны дожиться» (BAR. Coll. Bacherac).

³ *Голдуотер* (Goldwater) Барри (1909–1998) — американский политик, сенатор, придерживался крайне консервативных позиций; на президентских выборах 1964 г. была выдвинута его кандидатура от Республиканской партии (президентом стал Линдон Джонсон). 14 декабря 1964 г. Адамович писал Бахраху: «Володя Варшавский беспокоится, за кого бы голосовал Достоевский, неужели за Голдводтера?! (ceci est entre nous <это между нами (фр.)>, я его очень люблю, при всем его инфантилизме, а Вы начнете это, смеясь, рассказывать и ему это повредит еще. Он ведь страстно мечтает о Мюнхене)» (BAR. Coll. Bacherac).

⁴ «Всякому» и «разному» (фр.).

Paris
29 марта 1965

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо большое за письмо и простите, что отвечаю с опозданием. Я тоже был очень рад видеть Вас и Татьяну Георгиевну¹, и если Вы мне пишете, что я — «все такой же миленький», то я мог бы ответить Вам тем же. Жаль, что Вы редко бываете в Париже. Вчера я получил приглашение в Мюнхен от «Института по изучению СССР»² на какой-то «симпозиум» в конце мая. Но по здравом размышлении решил отказаться. Поехать на несколько дней в Мюнхен было бы приятно, но участвовать в болтовне, с утра до вечера, много менее приятно.

Вы пишете, что Галина Ник<олаевна> хотела бы, чтобы я написал о ее «Граск<ом> дневнике» в «Воздушных путях»³. Но, по-моему, никаких «В<оздушных> путей» Галине не предвидится! Гринберг будто бы болен, да и последние «Пути» успеха большого не имели. Entre nous, мне вообще не хочется писать о «Гр<аском> дневнике», несмотря на симпатии к автору. Но этого Вы ей не говорите.

Михаил Львович сегодня по телефону сказал, что получил от Вас письмо. Хорошо, что Вы ему написали, он к этому очень чувствителен. Его стихи многим нравятся, и я не нахожу в них такого отчаяния, какое нашли Вы. Веселых стихов на свете мало, и те, что есть, почти всегда плохие. В отношении М<ихаила> Л<ьвовича> я настроен пессимистически: он так слаб, что еле двигается. Он отдает себе отчет в своем состоянии, но не показывает этого. А вот насчет Вашего «все растущего восхищения предприятием человеческой жизни» (Ваши слова) — разговор был бы долгий. У меня скорей чувства, что все эти «предприятия» приходят к концу. Впрочем Вл<адимир> Соловьев считал, что идей осталось на земле не больше, чем было их во время Троянской войны, а сколько после него этих «идей» возникло! Так что ничего знать нельзя, и тем лучше.

До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Как Ваши успехи по прохождению службы? Шлю сердечный привет Т<атьяне> Г<еоргиевне>, поблагодарите ее за подпись: знак памяти.

Ваш Г. Адамович

P.S. Помните ли Вы Вашего приятеля Красовского⁴ (кажется, Вы его звали «чубчиком»). Он регулярно присылает мне свои сочинения, какой-то журнал, полностью им заполняемый, и другие. Набор претенциозных глупостей, но не без веры в себя и в свое призвание.

¹ Варшавские приезжали в Париж в марте 1965 г.

² Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР был основан 8 июля 1950 г. как свободная корпорация научных работников и специалистов — эмигрантов из СССР. Первым директором стал Николай Александрович Троицкий (псевд. Б.А. Яковлев; р. 1903). Через некоторое время институт начали финансово поддерживать амери-

канские организации (одновременно диктуя свои условия): Русский исследовательский центр Гарварда, частный благотворительный фонд Карнеги в Нью-Йорке, ВВС США. В 1972 г. программы по инициативе американских кураторов были свернуты, и институт прекратил свою деятельность. Подробнее см.: *O'Connell Ch. T. The Munich Institute for the Study of the USSR. Pittsburgh, 1990*; *Константинов Д.В. Мюнхенский Институт (Из истории второй российской политической эмиграции) // Голос зарубежья. 1983. № 29. С. 13–21*; *Константинов Д., прот. Мюнхенский институт: Из истории второй российской политической эмиграции // Трибуна русской мысли. 2002. № 4. С. 133–144*; *Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 10. С. 54–70.*

³ Главы «Грасского дневника» Галины Николаевны Кузнецовой (1900–1976) печатались в «Воздушных путях» (1963. № 3. С. 116–126; 1965. № 4. С. 72–99) и «Новом журнале» (1963. № 74. С. 7–37; 1964. № 76. С. 143–160). Позже вышло отдельное издание (Вашингтон, 1967). Рецензии на «Грасский дневник» Адамович не написал.

⁴ Возможно, имеется в виду *Красовский Олег Антонович (1919–1993)* — участник РОА, после войны сотрудник радиостанции «Свобода», позже редактор журнала «Вече» (с 1981 г.).

49

7, rue Frédéric Bastiat
Paris 8
26 апреля 1965

Дорогой Владимир Сергеевич

Спасибо за письмо, или, точнее, за то, что помните меня. Если Вы приедете летом в Париж, буду искренне рад. Не знаю, где я буду, т. е. в Париже ли именно, но так или иначе, надеюсь, увидимся. Я боюсь Ниццы летом, особенно в августе. Зовут меня на месяц-два в Мюнхен, но этого я тоже боюсь, т. е. утомления. Я еще далеко «не в себе», и от всего устаю. Кстати, тут проездом был Хомяков, который мне сказал, что Ваш Мюнхен далеко не безнадёжен. Он, правда, лицо не очень там авторитетное, но говорил, как будто что-то зная и предвидя. Не понимаю только, отчего Вы туда так стремитесь! Едва ли там меньше «склоки» и интриг, чем в Нью-Йорке, и едва ли это финансово выгоднее. Впрочем, дело Ваше, и я не совсем *au courant*¹ этого. М. б., я туда в июне и поеду, тогда увижу ближе.

Читал «с удовольствием»², как бедный наш царь, Ваши размышления о «Новом Граде»³. Это — Ваша область, а мне хоть и чуждая, но со стороны, *pour ainsî dire*⁴, любопытная. Что же до того, что Голдуотер, по мнению Степуна, говорит то же, что Влад<имир> Соловьев, то это, по-моему, ближе к истине, чем Вам кажется (к сожалению — не для Голдуотера, а для Соловьева!). «Крест и меч — одно», это «сублимированный» Голдуотер (простите за «сублимированного»: но это именно стиль, любезный сердцу новгородцев). И знаете ли Вы статью Соловьева⁵ о Николае I? Это тоже нечто! Соловьев был, конечно, необыкновенный и необыкновенно умный человек, но с голдуотерскими нотками. И притом это не Леонтьев, измученный сам собой и которому все прощается, а человек крайне

самоуверенный. Помните Вы тоже его статью о Пушкине⁶, с высоты своей непогрешимой духовности? Когда-то я сказал в Мюнхене вдове Франка⁷, что не люблю Соловьева, и она чуть не упала от возмущения в обморок. Надеюсь, что Вы не столь убежденный и восторженный его почитатель. А если ошибаюсь, простите! Может быть, ошибаюсь я, но я почти ничего в Соловьеве и у него любить не в силах (почти — потому, что есть строчки вроде «Смерть и время царят на земле»⁸ и другое).

Простите и за болтовню. Вижу Кодрянских, и всегда о Вас говорим. Сегодня — второй день Пасхи, поздравлять поздно, но все-таки хочу сказать Татьяне Георгиевне и Вам: Христос Воскресе!

Шлю от души Вам обоим самые искренние пожелания.

Ваш Г. Адамович

¹ В курсе (*фр.*).

² «Прочел с удовольствием» — фраза, неоднократно встречающаяся в дневниках Николая II. Эту же фразу Николай II несколько раз писал на поднесенных ему докладах и записках, в частности, на отчетной записке Витте (осень 1896 г.) о благотворных результатах введения винной монополии в России в 1894 г., см.: *Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте* — финансист, политик, дипломат. М., 1998.

³ *Варшавский В.* Перечитывая «Новый град» // *Мосты*. 1965. № 11. С. 267–285.

⁴ Так сказать (*фр.*).

⁵ Статья В.С. Соловьева «Памяти императора Николая I» была опубликована без подписи в «Санкт-Петербургских ведомостях» 25 июня (7 июля) 1896 г. к 100-летию со дня рождения. См.: *Соловьев В.С.* Памяти императора Николая I // *Соловьев В.С.* Собр. соч. СПб., 1912. Т. 7. С. 377–378.

⁶ *Соловьев В.С.* Судьба Пушкина // *Вестник Европы*. 1897. № 9. С. 131–156. Д.В. Философов написал об этой статье Соловьева: «Мысли, высказанные им, наделали в свое время много шума и доставили много огорчения всем “пушкиноманам”» (*Философов Д.В.* Серьезный разговор с нитчанцами (Ответ Вл. Соловьеву) // *Мир искусства*. 1899. № 16–17. С. 25). А В.В. Розанов даже в некрологе особо отозвался об этой статье Соловьева: «Он всегда высказывал что-нибудь экстравагантное, что трудно было доказать, и впадал в раздражение и разные литературные неудачи, все-таки пытаюсь доказать. Такова его “Судьба Пушкина” и статьи, к ней примыкающие. У него было мало чувства действительности, чувства земли. Имея какую-нибудь превосходную отвлеченную мысль, он обыкновенно выбирал самый неудачный пример на нее из области действительности. Так случилось и с Пушкиным» (*Розанов В.В.* Памяти Вл. Соловьева // *Мир искусства*. 1900. № 15–16. Август. С. 135).

⁷ *Франк* Татьяна Сергеевна (урожд. Барцева; 1887–1985) — жена С. Л. Франка с 1908 г.

⁸ Из стихотворения В.С. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887).

Paris 8^e
7, rue Frédéric Bastiat
29 июня 1968

Дорогой Владимир Сергеевич, обращаюсь к Вам с маленькой деловой просьбой, т. к., кажется, ни Ризера¹, ни Газданова² сейчас в Мюнхене нет. Я получил сегодня извещение о гонораре за скрипт «Толстой и Горький», посланный совсем недавно. А в начале июня был выслан конторой, и притом «express» по указанию Газданова, мой «Литер<атурный> дневник»³ № 1 (сравнение Пастернака с Солженицыным), который я — тоже по желанию Газданова — наговорил на пленку. Гонорара до сих пор нет. Не то чтобы этот гонорар был мне срочно нужен, нет, но я не уверен: дошла ли эта пленка? или произошло что-нибудь другое? Будьте добры, раз узнайте. Тогда еще были забастовки, и только что кончились, так что *on ne sait jamais*⁴. Простите, что затрудняю.

Как Вам «живется и можется»? Написали бы когда-нибудь больному старцу несколько слов о смысле жизни и прочем! Крепко жму руку и шлю самый сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

¹ *Ризер* Виктор Владимирович (по отчиму Шиманский; ?–1986) — сотрудник радиостанции «Освобождение» (позже — «Свобода»), сперва лондонский корреспондент, затем редактор мюнхенского отделения, позже руководитель парижского бюро.

² Г.И. Газданов в это время возглавлял Русскую службу мюнхенской редакции радио «Свобода».

³ Адамович еще 3 февраля 1965 г. писал Бахраху: «Газданов, будто бы по уговору с Ризером, просил меня что-то писать, раза два в месяц, нечто вроде “литературн<ого> дневника”» (BAR. Coll. Bacherac).

⁴ Ничего не скажешь (*фр.*).

Адрес в Ницце:
4, avenue Emilia
chez Madame Heyligers
06 — Nice
3 июля 1969
(отчего Вы никогда не ставите число на письме?)

Дорогой Владимир Сергеевич

Очень рад был получить Ваше письмо. Спасибо. Но могло оно и не дойти! Фамилия моей хозяйки уже больше 10 лет не Lesell, а Heyligers. Она мне переслала

его из Ниццы, но сама удивляется, что почтальон догадался положить его в ее ящик. Я уезжаю в Ниццу, вероятно, 12-го. Пора! В Париже уже очень жарко.

Поэта Галича я не знаю, даже имени его не слышал. Окуджаву знаю. Когда-то Померанцев принес мне магнитофон с его записями и вертел это около часу. Он восхищался, а я не очень. Конечно, талантливо, но слушать эти песенки надо бы где-нибудь в кабачке, под утро и со слегка пьяной головой. А Евтушенко — настоящий поэт, но губит себя тем, что слишком много пишет, а в последнее время пишет «спустя рукава», кое-как. У меня о нем были долгие споры с Гингером, который считал, что я чуть ли не сошел с ума. А раз ночью позвонил мне и сказал: «Нет, Вы правы». Он прочел стихи, называющиеся «Заклинание», и пришел в восторг. И если бы Вы с Евтушенко поговорили, то почувствовали бы, что он талантлив в каждом слове, и не то что умен, а все понимает на лету. У Толстого где-то есть: «Он понимал это не умом, а всей жизнью»¹ (кажется, так). Вот это дано и Евтушенке.

Насчет Газданова я с Вами согласен «на все 100», говоря советским стилем. Мне жаль, что в пору нашего Монпарнаса он был в стороне и как-то не общался с нами². Не знаю, почему это было так, м. б. из-за Мережковских, которых он терпеть не мог. А по поводу того, что он почти всех писателей считает дураками и бездарностями, я иногда его спрашиваю: «Когда же дело дойдет наконец до Шекспира или Гомера?» Но это — пустяки, а человек он редкий, во многих смыслах.

Вам, вероятно, известно, что месяца на 2–3 я прекращаю работу для Вашей станции. Это — не мое желание, а предложение Cody³ из-за отсутствия кредитов. Червинская этим возмущена, а я отчасти (только отчасти) доволен из-за лени и возможности писать что-нибудь «для души». Мне теперь трудно писать 2 вещи сразу, даже думать трудно, но делать тут нечего. Хотя, с другой стороны, раньше, в молодости, пишешь быстрее, легче, но, по-моему, хуже. Я иногда перечитываю что-нибудь свое (в «Числах») и прихожу в ужас.

Ну, вот — простите за болтовню. Пожалуйста, приезжайте летом в Ниццу, хотя бы ненадолго! Вы спрашиваете о Михаиле Львовиче: он жив наполовину, хотя голова все еще ясная. Еще: за кого я голосовал? Будучи «метеком», ни за кого, но сочувствовал Поэру, а не ловкой лисе, его конкуренту⁴. До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Передайте самый сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

¹ В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» Пьер Безухов в плену понимает «не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворен для счастья» (Т. 4. Ч. 3. XII).

² Позже в некрологе Адамович написал: «Сблизился и подружился я с Газдановым сравнительно недавно, а в последние годы телефонировал он мне чуть ли не ежедневно, беседовали мы подолгу, по крайней мере до тех пор, пока он жил, как и я, в Париже. Именно в эти годы я оценил его быстрый, своеобразный ум, его острое чутье и даже его природную доброжелательность, ускользавшую от моего понимания, — или от моего внимания, — прежде. В довоенный период эмиграции что-то меня от Георгия Ивановича отдаляло, сближению мешало. Держался он вызывающе, в особенности на публичных собраниях, в то время в Париже очень многочисленных. Никаких авторитетов не признавал. Ни с чьими суждениями, кроме своих собственных, не считался. <...> Много позже я понял, сколько было в Газданове хорошего, верного именно в дружественности, сколь-

ко в нем было истинно человеческого, прикрытого склонностью ко всякого рода шалостям» (Адамович Г. Памяти Газданова // Новое русское слово. 1971. 11 декабря; то же: Русская мысль. 1971. 30 декабря. № 2875. С. 10).

³ Сотрудник парижского бюро радио «Свобода».

⁴ На президентских выборах во Франции в 1969 г. председатель Сената центрист Ален Поэр (Poher; 1909–1996) проиграл голлисту Жоржу Помпиду (Pompidou; 1911–1974).

52

Paris

5 дек<абря> 1969

Дорогой Владимир Сергеевич

Очень был рад получить Ваше письмо. Спасибо, что вспомнили. Кажется, я перед Вами виноват, еще не удосужился ответить на предыдущее письмо. Но, знаете, у меня в голове «мухи...», как говорил Бунин (помните?). Так что не взыщите.

Вчера мне звонила Т<атьяна> Г<еоргиевна>. Мы en principe¹ должны увидеться в ближайшую среду, т. к. вчера и сегодня я должен был «выйти» вечером, и тогда предпочитаю днем лежать (или сидеть молча). Мне о Вас рассказывал Газданов, очень хорошо, и я рад за Вас. Почему Вы рветесь в Париж? Здесь, в конторе Радио-Свобода, едва ли Вам было бы все по душе. Вот Червинская мечтает опять о Мюнхене! Конечно, для Т<атьяны> Г<еоргиевны> в Париже было бы удобнее, но для Вас — едва ли лучше и приятнее.

А что же сказать Вам о смысле жизни? «Чем больше я живу, тем меньше понимаю», по Зин<аиде> Гиппиус. Вот с удовольствием узнал, что Вы против книжонки Амальрика². Мне ее дал Газданов, сказав, что о ней очень хорошего мнения Вейдле. Вероятно, он только перелистал ее. Начало мне показалось интересно, но дальше — черт знает что! Помимо глупых предсказаний, эта книжка не против сов<етской> власти, а против России, с презрением и враждой к ней. А вот Светлана мне нравится³, хотя многие ее ругают последними словами.

Я был на днях в Женеве, читал там воспоминания о Бунине⁴. Видел Слонима, который стал «элегантен и мил», как Николай I у Некрасова. Нет, правда, par le temps qui court⁵, все, что мы прежде как-то отталкивали, надо ценить на вес золота. Никого ведь нет (или это только кажется, как нередко бывает?). Если я еще поеду в Женеву, то приеду и в Мюнхен, посмотреть, как и что. Но весной, не раньше, ибо боюсь холода и всякой зимней мерзости.

До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. Еще раз спасибо, что не забываете.

Ваш Г. Адамович

¹ В принципе (*фр.*).

² Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980) — публицист, диссидент-правозащитник. С 1976 г. в эмиграции. Речь о его брошюре «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (Амстердам, 1969).

³ Имеются в виду книги Светланы Иосифовны Аллилуевой (р. 1926) «Двадцать писем к другу» (Лондон, 1967) и «Только один год» (Нью-Йорк, 1969).

⁴ С просьбой написать воспоминания для бунинского тома «Литературного наследства» к Адамовичу в 1965 г. обратился московский буниновед А.К. Бабореко. У Адамовича изначально были большие сомнения на этот счет, о чем он и написал Бахраху 1 июня 1965 г.: «Бабореко я свои соображения изложил. Кстати, они к 1970 году готовят бунинский том «Литературного наследства» и он просит меня дать статью. Но это едва ли возможно, — не только для меня, но и для него, т. е. если бы я статью и написал, ее едва ли приняло бы его начальство» (VAR. Coll. Bacherac). Сомнения были небеспочвенными. Бунинский том «Литературного наследства» вышел с опозданием на три года (М., 1973. Т. 84. В 2 кн.), и, несмотря на то что во второй его книге были опубликованы материалы эмигрантов — В.Н. Буниной, Г.Н. Кузнецовой, Т.Д. Муравьевой-Логиновой, Н.В. Кодрянской, С.Ю. Прегель и В.М. Зернова, — написанные специально для этого тома воспоминания Адамовича и Бахраха в нем напечатаны не были. После того, как выяснилось, что редакция «Литературного наследства» не может опубликовать заказанные мемуары, Адамович напечатал их в Нью-Йорке: *Адамович Г. Бунин: Воспоминания // Новый журнал*. 1971. № 105. С. 115–137. В России Бабореко смог опубликовать их лишь через 17 лет (Знамя. 1988. № 4. С. 178–181). О перипетиях несостоявшейся публикации подробнее см.: *Письма Георгия Адамовича / Публ., вступ. и примеч. А. Бабореко // Русская провинция (Новгород)*. 1994. № 4 (12). С. 83–88.

⁵ По нашим временам (*фр.*).

53

<Рождественская открытка. 23 декабря 1969 г.¹>

Шлю дорогим друзьям Татьяне Георгиевне и Владимиру Сергеевичу лучшие пожелания к Новому году и поздравляю с праздником Рождества Христова.

Ваш Г. Адамович

P.S. Спасибо за письмо. Был вчера на вечере о Солженицыне, где говорил о <тец> А. Шмеман². Я слышал его в первый раз. Очень хорошо и умно. Нашим местным орлам надо бы многому у него поучиться.

¹ Датируется по содержанию.

² 22 декабря 1969 г. Русское студенческое христианское движение провело в парижском зале Социального музея собрание, посвященное А.И. Солженицыну, на котором выступили Н.А. Струве, Г.П. Филиппенко и др. Декан Богословской академии в Нью-Йорке прот. А. Шмеман выступил на тему «Размышления о творчестве А.И. Солженицына».

Paris 8^e
7, rue Fréd<eric> Bastiat
2 июня 1970

Дорогой Владимир Сергеевич

Получил сегодня Ваше письмо. Спасибо. Я был очень рад Вас видеть¹ и надеюсь, все у Вас благополучно и налаживается к хорошему разрешению. Не портите себе жизни из-за мелочей, из-за мелких стычек и всего в этом роде. По моим впечатлениям почти все у Вас происходит из-за этого, и несправедливость в отношении к Вам, и в оценке Вас, на 90 % (если не больше) этим и вызвана. Бахрах — легкий человек, ну а если он любит известный респект к своему служебному первенству, то недостаток это не столь большой. Я не проповедую пресмыкательство, а только хотел бы, чтобы Вам хорошо жилось, — и этого Вы легко можете достичь, оставаясь таким, как Вы есть.

Простите за старческие нравоучения.

Еще я угрызаюсь, что не взял Вашего пакетика. Носильщик на Gare de l'Est² был, так что я чемодан не тащил. Пожалуйста, объясните мои сомнения Татьяне Георгиевне и извинитесь за меня, что так вышло. Впрочем, виноваты и Вы, т. к. в последний день я решил пакет взять.

Два слова о Вашей рукописи³. Я ее возьму в Ниццу и там на досуге прочту с бóльшим вниманием, чем здесь. Но что сделать, когда прочту? Если нужен отзыв, кому послать? Можно ли оставить у себя рукопись до осени, т.е. когда я надеюсь вернуться в Париж? Или отослать ее Вам?

Дня своего отъезда в Ниццу я еще не знаю, т. к. вожусь с анализами и радиографиями, довольно неожиданно для себя. Нечего делать, значит нужно, по крайней мере, так считает мой кардиолог.

До свидания, дорогой Владимир Сергеевич. От души желаю Вам всего доброго, а когда будете писать Т<атьяне> Г<еоргиевне>, передайте, что мне было очень жаль, что в Мюнхене ее при мне не было.

Ваш Г. Адамович

¹ В мае 1970 г. Адамович приезжал в Мюнхен.

² Восточный вокзал (*фр.*).

³ Вероятно, рукопись книги «Ожидание», вышедшей два года спустя (Р., 1972).

4, avenue Emilia
Chez M-me Heyligers
06-Nice
17 авг<уста> 1970

Дорогой Владимир Сергеевич

Прилагаю копию отзыва о Вашей книге, посланного Б.Ю. Физу¹. Надеюсь, я не очень задержал его. Пишущей машинки я с собой не взял, но старался писать ясно.

Книга Ваша хорошая, в каждом слове «Ваша», т. е. такая, какую только Вы и могли написать. При чтении у меня иногда возникали возражения или замечания, но может ли быть иначе? Все, что относится к концу войны и к встрече с советскими людьми, — замечательно.

Надеюсь, и даже уверен, что Б. Ю. приложит все старания, чтобы книга была издана. При встрече в Париже («е. б. ж.»²) я с ним еще поговорю.

Крепко жму руку, шлю самый сердечный привет Татьяне Георгиевне и Вам.

Ваш Г. Адамович

P.S. Простите, я в конце отзыва написал, что название книги не совсем удачно. Вы человек упрямый и, конечно, с этим не согласитесь. Дело Ваше. Но правда, слово «рассеянность»³ заранее скорей отбивает интерес, чем возбуждает и привлекает его.

¹ Б.Ю. Физ в это время был председателем исполнительного комитета издательства «УМСА-Press», которому была предложена книга Варшавского «Ожидание». Внутренняя рецензия на книгу, написанная для издательства, была опубликована посмертно (*Адамович Г. Вл. Варшавский. «Ожидание» // Русская мысль. 1972. 25 мая. № 2896. С. 4*).

² «Если буду жив» — выражение, часто встречающееся в дневниках и письмах Л.Н. Толстого, которое на склоне лет очень полюбил Адамович.

³ Судя по этому письму, Варшавский первоначально хотел назвать книгу по рассказу, легшему в ее основу (*Варшавский В. Рассеянность (из записок художника) // Опыт. 1957. № 8. С. 26–35*), но под влиянием Адамовича решил поменять название. Обсуждение вариантов продолжалось долго (см. следующие письма), пока выбор не остановился на «Ожидании».

4, avenue Emilia
Chez M-me Heyligers
06-Nice
15 авг<уста> 1971

Дорогие Татьяна Георгиевна и Владимир Сергеевич!

Вчера получил Ваше письмо: весь конверт перечеркнут, пометки «inconnu»¹, хотя адрес — насколько могу его разобрать! — написан верно. А письмо от 10 июля, из Югославии! Не знаю, в чем дело, отчего произошла задержка и путаница. Впрочем, в Ницце это со мной уже бывало (отчасти, м. б., потому, что здесь есть avenue Emilia и rue Emilia).

Думаю, что Вы теперь дома, значит, в Мюнхен и пишу. Надеюсь, Татьяна Георгиевна, что Вы скоро появитесь в Ницце, как обещаете. Предупреждаю, что жара здесь в этом году африканская (что, м.б., отражается на моем состоянии). Буду ждать письма, если Вы в Мюнхене. Напишите, что и как, и вообще.

Ваш Г. Адамович

Придуманные Вами названия романа мне не совсем по душе, особенно те, где автор сам себя называет Гамлетом. Вот некоторые, только что пришедшие мне в голову и едва ли лучше Ваших:

Непонятая жизнь
Неизвестность
Без руля и без ветрил
Судьба и случайность
Поздний рассвет

Конечно, таких названий можно придумать еще без конца. Пушкин любил названия, которые «ничего не значат»², и в этом есть доля правды. Не надо, по моему, чтобы название слишком близко сходилось с содержанием.

Мне лично «Судьба и случайность» скорей нравится, хотя и напоминает «Le hasard et la nécessité»².

¹ Неизвестен (*фр.*).

² В письме П.А. Плетневу от начала октября 1835 г. Пушкин писал: «Ты требуешь имени для альманаха: назовем его “Арион” или “Орион”; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 56*).

³ «Случайность и необходимость» (1970) — работа французского биохимика и микробиолога, лауреата Нобелевской премии (1965) Жака Люсьена Моно (*Monod; 1910–1976*), в которой все формы жизни признавались результатом случайных мутаций и последующего естественного отбора.

Nice, 9 сент<ября> 1971

Дорогой Владимир Сергеевич

Простите, что отвечаю с опозданием. Думаю, что Т<атьяна> Г<еоргиевна> уже передала Вам о нашем разговоре по поводу названий Вашей книги.

По-моему, — если Вам не по душе «Мир во мгле», — то можно просто «Во мгле», оставив эпиграф из Боратынского. Из остальных — лучше других «Отгосок». Но я предпочел бы «Во мгле».

Получил письмо от Хомякова. Он сообщает, что Ваша коллективная телеграмма по поводу Ульянова¹ вызвала в Нью-Йорке «недоумение». Там многие находят, что если У<льянов> и ошибается, то «написал здорово!». On aura tout vu².

До свидания. Не мучьте себя больше поиском названия. В конце концов, это значения не имеет. «Война и мир», например, скорей плохое название, а если взять имя (как Вы хотели бы), то «Анна Каренина» — хорошо, но «Раздумья Гуськова» — плохо, т. к. похоже, что Вы сами над собой издеваетесь. Шлю сердечный привет Татьяне Георгиевне, которую очень был рад видеть.

Ваш Г. Адамович

¹ Среди многочисленных откликов на статью Н.И. Ульянова «Загадка Солженицына» (Новое русское слово. 1971. 1 августа. С. 2) был и коллективный протест сотрудников мюнхенского бюро радио «Свобода»: Протест против статьи Н. Ульянова // Там же. 15 августа. С. 4.

² Посмотрим (*фр.*).

«The Drake»

440 Park Avenue

New York

<начало ноября 1971¹>

Дорогой Владимир Сергеевич

Пишу из Нью-Йорка². Добрался благополучно, а здесь «расклеился»³. Три раза был доктор. Сердечная слабость и другое в том же роде. Надо было сюда ехать, когда я был молодым спортсменом, а не старой развалиной. Отменил пока все университеты, кроме самых близких (Yale)⁴. Особенно жаль, что не поеду в Сан-Франциско, откуда мне прислали приглашение и билет aller-retour⁵. Меня всегда прельщал почему-то этот город.

Напишите о себе, как и что. Видел о<тца> Ал<ександра> Шмемана, который сообщил, что у Физов плохо. Очень их жаль. Сердечный привет Татьяне Георгиевне.

Ваш Г. Адамович

P.S. От своей ниццской хозяйки знаю, что Madame Grinsberg (бюро переводчиков) очень больна. Пусть Т<атьяна> Г<еоргиевна> не удивляется, если от нее нет ответа.

¹ Датируется по содержанию.

² Адамович провел в Америке более двух месяцев — с конца октября 1971-го по 5 января 1972 г. — выступал перед университетскими аудиториями в Нью-Йорке, Кембридже, Нью-Хевене и Вашингтоне и планировал посетить Западное побережье США, но врачи не позволили. Его путешествие широко освещалось в эмигрантской прессе, в частности, см.: <Б. п.>. Г.В. Адамович едет в Нью-Йорк // Новое русское слово. 1971. 4 октября. № 22392. С. 3; <Б. п.>. Приезд Г.В. Адамовича // Там же. 27 октября. № 22415. С. 3; *Иваск Ю.* Г.В. Адамович в Нью-Йорке // Там же. 29 октября. № 22417. С. 3; <Б. п.>. Единственное выступление Г.В. Адамовича в Нью-Йорке // Там же. 17 ноября. № 22436. С. 3; *Седых А.* <Цвибак Я.М.>. Г.В. Адамович: Вступительное слово, произнесенное на вечере Г.В. Адамовича в Нью-йоркском университете 20 ноября 1971 года // Там же. 22 ноября. № 22441. С. 3; *Завалишин Вяч.* Встреча с Георгием Адамовичем // Там же. 24 ноября. № 22443. С. 3; <Б. п.>. Выступление Г.В. Адамовича // Там же. 1 декабря. № 22450. С. 3; <Б. п.>. Георгий Адамович в Колумбийском университете // Там же. 11 декабря. № 22460. С. 3; *Найденов А.* На докладе Георгия Адамовича // Русская мысль. 1971. 23 декабря. № 2874. С. 10; <Б. п.>. Г.В. Адамович вернулся в Париж // Новое русское слово. 1972. 5 января. № 22485. С. 3.

³ Д.И. Кленовский считал, что американское турне ускорило смерть Адамовича, и писал 27 февраля 1972 г. архиепископу Иоанну (Шаховскому): «Думаю, что ему повредила поездка в США... Я слышал, что он нередко выступал полубольной, пересиливая себя, а некоторые его вечера были даже отменены по нездоровью. Это было, конечно, очень неблагоприятно» (*Иоанн Шаховской, архиеп.* Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 274).

⁴ В Йельском университете Адамович выступал 10 ноября 1971 г. См. газетные отчеты: <Б. п.>. Георгий Адамович в Ейльском университете // Новое русское слово. 1971. 18 ноября. № 22437. С. 3; *Самарин В.* Один час в России // Там же. 1971. 19 ноября. № 22438. С. 3.

⁵ Туда и обратно (*фр.*).

Paris 8e.
7, rue Fréd<eric> Bastiat
12 янв<аря> 1972

Дорогие друзья Татьяна Георгиевна и Владимир Сергеевич
Хотя и только к русскому Новому году, и с опозданием к Рождеству Христову, шлю Вам поздравления и самые искренние пожелания здоровья и благополучия. Я только на днях вернулся из Нью-Йорка и нашел на столе груды писем, в последний месяц мне не пересылавшихся. Оттого и опоздание. Еще не звонил Борису Юльевичу, как-то опасаясь сделать это, но завтра позвоню непременно.

А как Вы? В Нью-Йорке, или, вернее, в тамошнем Radio-Liberty, Хомяков с 1 января в отставке, другие ни в чем не уверены. Здесь со дня на день ожидается Бахрах, но думаю, что он позвонил бы мне, если бы уже приехал. Пожалуйста, напишите мне, как и что, и вообще. Я рад, что водворился в Париж, хотя ни на что американское пожаловаться не могу. В особенности на Рейзини, которого Вы, Владимир Сергеевич, безбожно оклеветали. Часто видел Яновского¹.

Ваш Г. Адамович

¹ О встречах в Нью-Йорке см.: *Яновский В.С.* Ушел Адамович // Новое русское слово. 1972. 26 марта. № 22566. С. 8; *Он же.* Г.В. Адамович: Из книги памяти // Там же. 1978. 12 февраля. № 24499. С. 8; *Он же.* Из книги памяти: К шестилетию со дня смерти Г.В. Адамовича // Русская мысль. 1978. 30 марта. № 3197. С. 10; *Яновский В.* Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983.